
ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ТОВАРИЩ

В Салкинкульском зерносовхозе, Кокчетавской области, Казахской ССР. Почтальон Лидия Дедова вручает почту школьнице Ларисе Попковой.

Фото Я. Босина.

На первой странице обложки: В Сочинском порту.

Фото В. Шаховского.

На последней странице обложки: Сестры Мария и Аня Хмелевские занимаются в кружке юных ткачих при Дворце культуры и науки в Варшаве.

Фото И. Тункеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 20 (1509)

34-й год издания

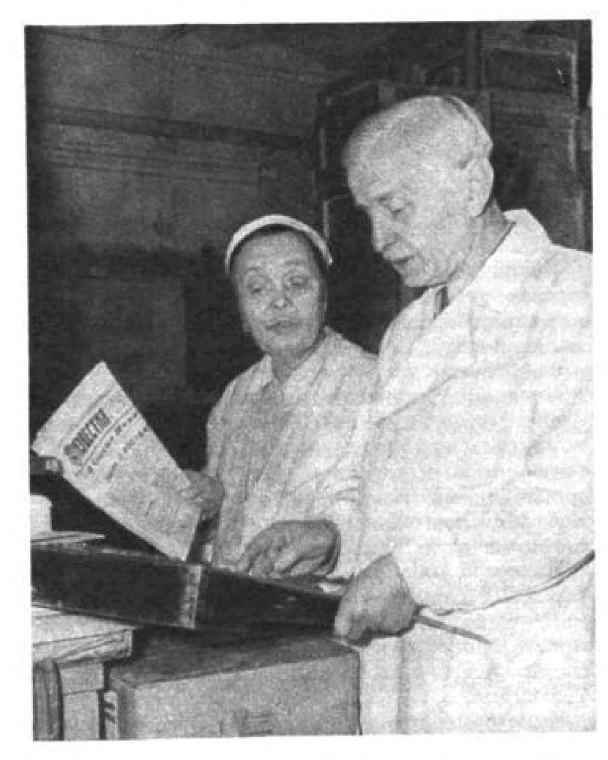
13 МАЯ 1956

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕЛИКАЯ ЗАБОТА О НАРОДЕ

Эти женщины, собравшиеся у газетной витрины, незнакомы друг с другом. Но как можно в такой день не поделиться радостью!

— Стажа-то у нас хватит,— шутят старейшие работники магазина «Гастроном» № 1 А. Н. Лунева и Н. П. Багров.— По 50—60 лет стоим за прилавком...

Фотографии, напечатанные на этой странице, сделаны днем 9 мая. Накануне вечером по радио был оглашен проект Закона о государственных пенсиях, а с утра каждый бросился к газете. Прочтешь — лучше усвоишь...

В центре внимания находились люди престарелого возраста. Это о них позаботилось наше государство! Каждый советский труженик, честно поработавший на пользу социалистическому обществу, знает, что Родина отблагодарит его, что ему обеспечена старость без нужды и лишений.

В феврале этого года XX съезд Коммунистической партии наметил меры по повышению жизненного уровня нашего народа. И вот шаг за шагом осуществляются решения съезда. Сокращен рабочий день в предвыходные и предпраздничные дни. Увеличена продолжительность отпуска женщинам по беременности и родам. С октября значительно повышаются государственные пенсии. Впереди переход в течение шестой пятилетки на семичасовой рабочий день.

Неустанно заботятся партия и правительство о народе! И ответом на эту заботу, как всегда, явится новый творческий взлет, новые успехи на трудовом поприще.

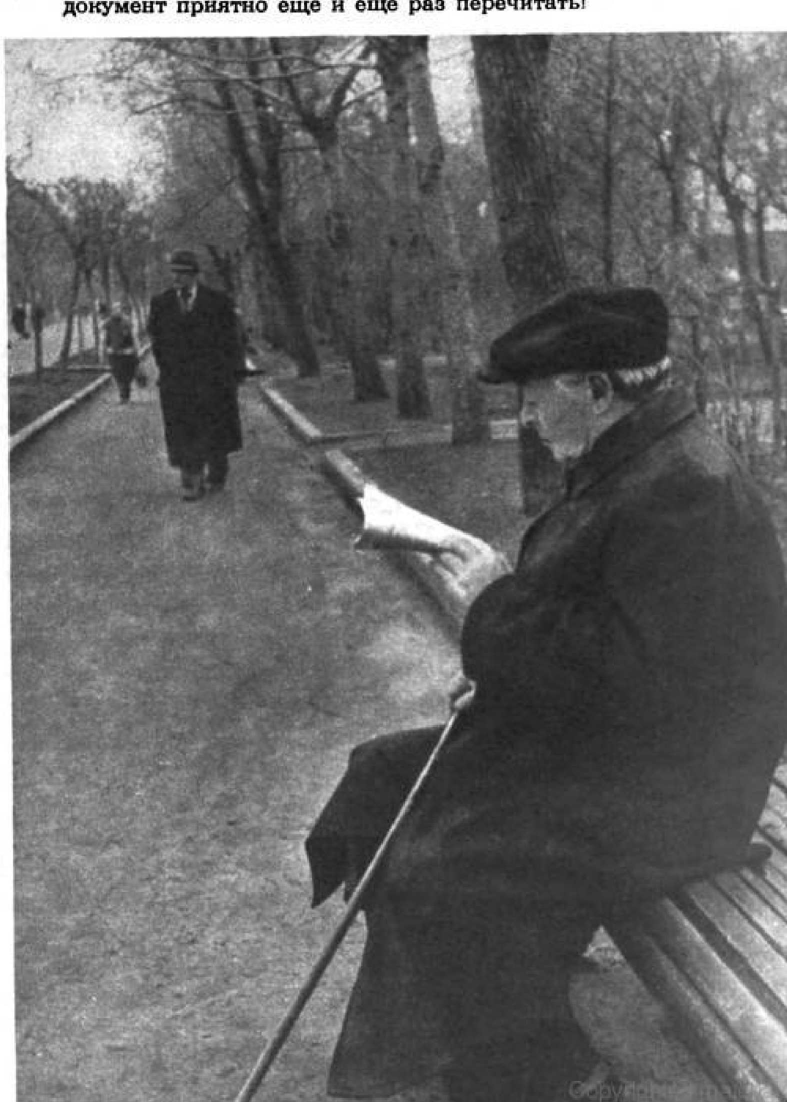
Фото Дм. Бальтерманца, А. Новикова, Г. Санько.

На бульварах и в скверах в этот день можно было увидеть немало пожилых людей с газетой в руках. Такой документ приятно еще и еще раз перечитать!

— Помоги-ка, дочка,— просит работница «Трехгорки» Е. Е. Громова,— подсчитать, какая мне определена пенсия.

НАВСТРЕЧУ БОЛЬШОЙ

С. МОРОЗОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

1. Праздник строителей

В этот ветреный весенний день на водосливной плотине Куйбышевской ГЭС собрались тысячи строителей. Глаза их были устремлены к земляной перемычке, по которой непрестанно двигался один-единственный бульдозер. Стальным ножом он вспахивал, разгребал плотно утрамбованный грунт, прокапывая траншею между опустевшим котлованом и полноводной, по-весеннему разлившейся Волгой.

Прегражденная осенью в старом русле река с каждым месяцем разливалась все шире и шире, затопляя пойму, выступая из-под льда. Весной, когда стаял снег на Жигулевских горах, к зданию гидростанции придвинулись торосистые поля, испещренные пятнами земляных островов, ощетинившиеся вырванным с корнем кустарником. С верхних плесов реки из Ульяновска, из Камского устья поступали сообщения о начале паводка. И тогда, закончив бетонные работы, гидростроители решили пустить паводок через водосливную плотину. Установив на плотине затворы, они начали регулирование запасов воды в молодом, только зарождающемся Куйбышевском море.

Вот, сделав прорезь в земляной насыпи, бульдозер начал быстро отъезжать в сторону. Волжский паводок пошел в котлован сначала узеньким пенистым ручейком, потом бурной рекой. Крутые песчаные берега ее рушились, раздвигались в стороны, и мутная вода все больше темнела. Под солнечными лучами она казалась жирной, глянцевитой и, точно лава, катилась все вперед и вперед, сокрушая горы земли на дне котлована. Бурыми облаками вздымалась ввысь водяная пыль, будто пары над кратером извергающегося вулкана. И напряженная тишина ожидания сменилась тысячеголосым гулом восторга:

— Ура, Волга! Вперед, Волга! Круши!

Не прошло и получаса, как котлован превратился в бушующее море. Валы его с плеском и грохотом обрушились на бетонные бычки и, разделившись в пролетах плотины на множество струй, начали низвергаться в нижний бьеф. Встречая на своем пути водобойные стены и гасители, поток постепенно терял скорость и, плавно разливаясь, мчался дальше, к старому, коренному руслу Волги.

...Счастливые возвращались строители со своего короткого трудового праздника. Воздвигнутая ими на целый километр от левого берега бетонная водосливная плотина отлично выдержала первое боевое крещение.

2. Зарождается новое море

Большую весеннюю воду радостно встретили и энергетики двух действующих агрегатов Куйбышевской ГЭС, начавшие передавать в Москву ток напряжением в 400 тысяч вольт, и монтажники, заканчивающие установку третьей турбины, и речники новых шлюзов.

Прошлой осенью, когда перепад между верхним и нижним бьефами не превышал 3 метров, тысячи судов, плывшие мимо Жигулей, шли в обход старого русла по временному каналу и через нижние шлюзы. А нынешней весной по левому берегу Волги вытянулся на 4 километра постоянный судоходный канал, глубинами и шириной равный большой реке. Перепад между нижним и верхним бьефами составит около 20 метров, и суда, плывущие мимо Жигулей, должны «шагать» по двум ступеням водной лестницы через две пары параллельных шлюзов.

Когда волжский паводок пустили через водосливную плотину, к нижним шлюзам уже подошел первый караван, а на стройплощадке верхних шлюзов тысячи людей и сотни машин еще сновали взад-вперед по сухому дну котлована, и решетчатая арматура причальных стенок только одевалась бетоном. День и ночь трудились строители, чтобы скорее подготовить шлюзы к затоплению. И вот в солнечные дни мая над транспортным гидроузлом великой судоходной магистрали взвился флаг навигации.

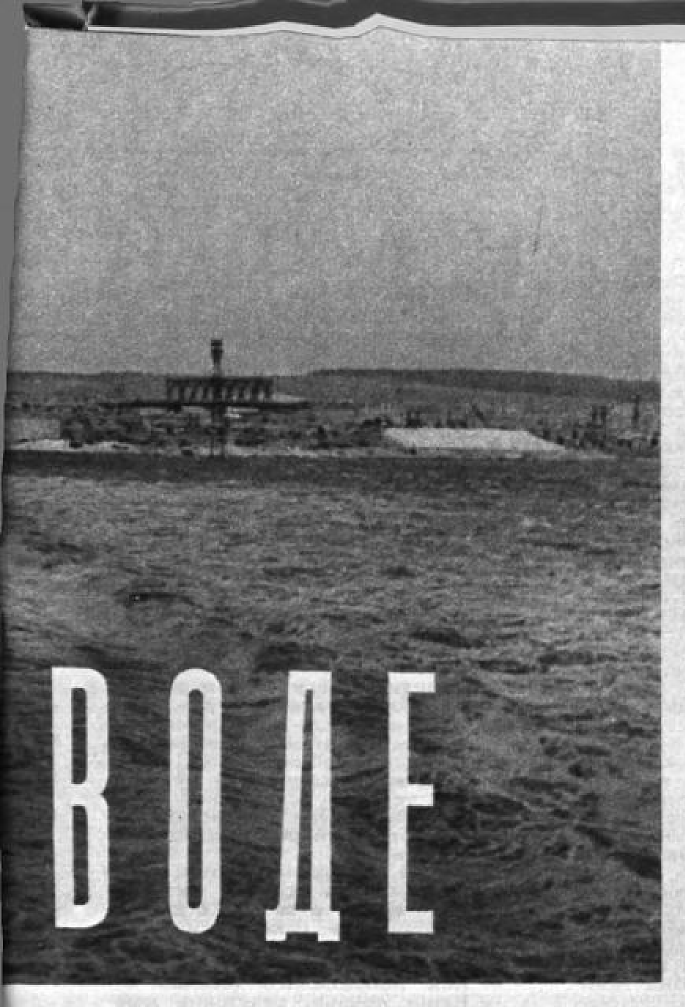
Через куйбышевские шлюзы двинулись караваны с горючим и удобрениями для посевной, баржи с хлебом, солью, углем, лесные плоты, пассажирские пароходы. Ежесуточно будет отныне проходить здесь от 200 до 250 судов.

Вместе со шлюзами, самыми крупными на Волге, начинает действовать и глубоководный путь по новому морю. Теперь волгарям не надо плыть извилистыми «воложками» в обход бесчисленных мелей и островов. На картах водохранилища, которыми снабжаются капитаны, вычерчены кратчайшие судоходные трассы. Множеством огней вспыхивают плавучие бакены и маяки на берегах. Надежную защиту найдут караваны в непогоду в портах-убежищах.

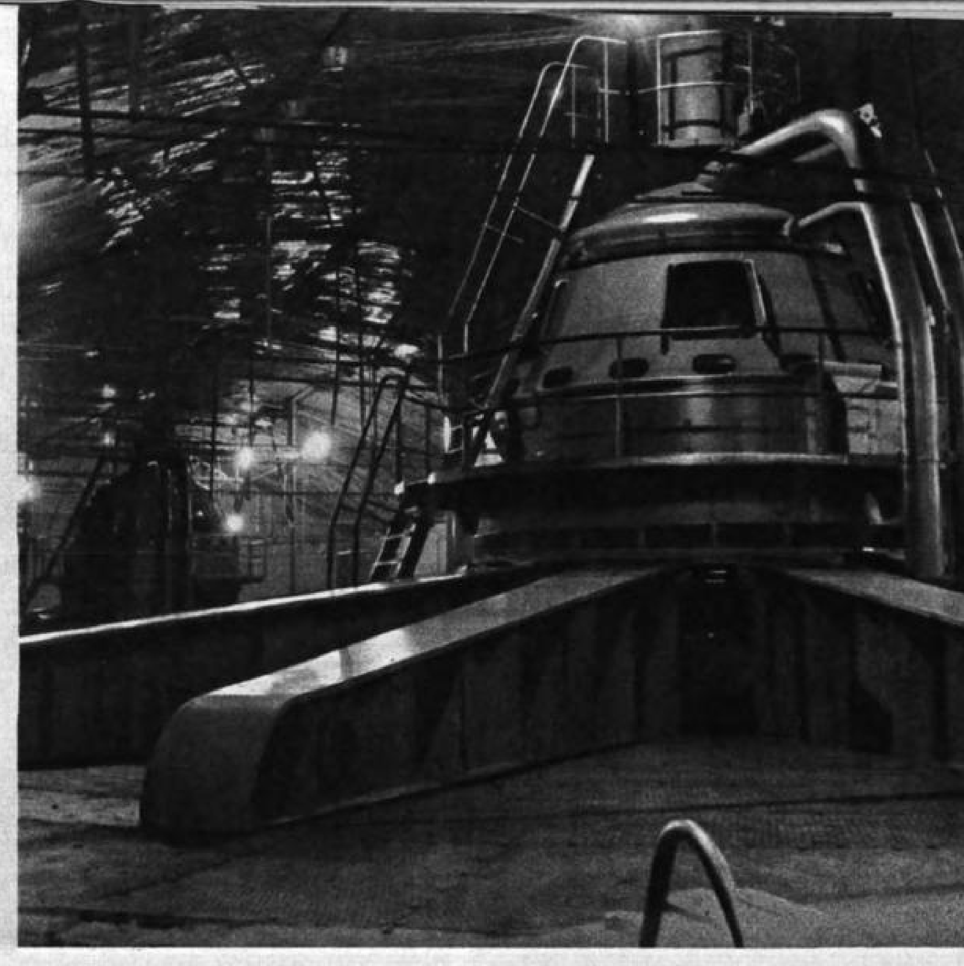
Во втором году шестой пятилетки, когда заработают на полную мощность все турбины Куйбышевской ГЭС, Волга, прегражденная у Жигулей, разольется от Ставрополя до Чебоксар на 650 километров в длину, а в ширину в отдельных местах до 40 километров. Акватория нового моря составит 6 тысяч квадратных километров, общий запас воды — 52,5 миллиарда кубометров. Таковы дела близкого завтра. Но грандиозность этих цифр можно наглядно ощутить и сегодня. Отъедем немного от грохочущих день и ночь стройплощадок левого берега — и под крутым откосом сквозь темную зелень вековых сосен нам откроется пустырь, обширный и безмолвный. Сухие прошлогодние травы, битый кирпич, извилины ухабистых, немощеных дорог. Вышедшая из берегов Волга все ближе подступает к

На опушке соснового бора растут кварталы нового Ставрополя.

Бушующим водопадом низвергается волжский паводок через бетонную плотину.

Действующие агрегаты Куйбышевской ГЭС.

былым кварталам Ставрополя. Растерянно кружатся грачи над свежими пнями, торчащими у перекрестка. Испокон веков, пока стоял тут город, перелетные птицы вили гнезда на этих деревьях. Прилетели грачи и теперь, но ни деревьев, ни города не нашли на месте.

О том, что старый Ставрополь перестал существовать, пожалеют, пожалуй, только грачи. Очень уж неприглядным был деревянный городок, увязший в песках, рассыхающийся под суховеями, окутанный клубами пыли. Стройка круто повернула его судьбу. Скоро вместе с просторной луговой поймой левобережья и низменными соседними островами ставропольский пустырь исчезнет под водой.

На новоселье города Ставрополя мы успеем еще побывать. Продолжим пока путешествие по будущему морскому дну. Тут и там встречаются автомашины, вывозящие кирпич разобранных фундаментов, железный лом. Дымят костры, на которых сжигается мусор. В воздухе пахнет гарью, хлорной известью. Морское дно тщательно чистится, дезинфицируется.

Перемены в облике приволжских земель заметны повсюду. По грунтовой дороге мы катим на газике то плоской степью, то вдоль крутого склона надпойменной террасы левого берега. Противоположный, правый берег с лесистыми горами Жигулей едва проглядывает сквозь синеватую дымку, а внизу, в пойме, всюду, куда хватает глаз, блещет под солнцем, рябит под ветерком озерная гладь разлива.

На широком, уже наполовину затопленном лугу последние дни пасутся стада. Скоро и туда, где недавно еще было расположено село Ягодное, придет паводок. На горизонте вырисовывается высокая водонапорная башня нового села Ягодного, перенесенного из затопляемой зоны. Приметный, примечательный ориентир! В новом Ягодном на перекрестках широких улиц — водоразборные колонки. На главной площади вокруг памятника Ленину — посадки молодого парка. Нарядными, обновленными выглядят и крестьянские домики под железными и шиферными кровлями, окруженные фруктовыми садами. И яблоньки, и малину, и смородину, и крыжовник пересадили на новую землю колхозники-переселенцы.

Вдоль степных дорог — ряды невысоких бетонных столбиков. Это основания для будущих опор электропередачи, которая протянется из Жигулей во все окрестные колхозы.

На новых землях поновому распланированы, благоустроены заволжские села Подстепки и Хрящевка, усадьбы совхозов имени Степана Разина и имени Луначарского, машинно-тракторных станций. Нередко близ дорог встречаются обширные дровяные склады, вид которых столь необычен в степи. Это лес, вырубленный в пойме и вывезенный из затопляемой зоны.

Каков же общий объем всех работ, проведенных в связи с возникновением нового моря? На этот вопрос нам ответили в новом Ставрополе, в управлении Куйбышевского водохранилища.

Двести пятьдесят пять населенных пунктов со 150 тысячами жителей переведены на новые места. Свыше тридцати тысяч домов вывезено из затопляемой зоны. Двести десять миллионов рублей получили переселенцы от государства в виде пособий. На 323 тысячах гектаров вырублены леса, заготовлено 7 миллионов кубометров древесины. На 87 тысячах гектаров дно будущего моря расчищено от кустарников и пней — подготовлены рыбопромысловые участки.

3. Город на новоселье

Границы нового Ставрополя сегодня еще трудно определить. В состав города входят и нарядные, окрашенные в светлые тона кварталы, выстроенные в степи на опушке соснового бора, и соседние с ними улочки с деревянными домиками переселенцев, и огромный жилой массив Комсомольска на песчаной лесистой возвышенности, и многоэтажные здания Шлюзового поселка.

Почти на три десятка километров растянулись по левобережью Волги селения гидростроителей, возникавшие в ходе стройки одно за другим и теперь объединяемые новым Ставрополем. За последние пять лет Куйбышевгидростроем сооружено более полумиллиона квадратных метров жилой площади, 18 школ, 19 детских садов и яслей, 10 клубов, 59 магазинов. На десятки и сотни километров проложены под землей трубы водопровода, газоснабжения, теплофикации.

Разделенные лесными массивами и полями, районы нового Ставрополя связаны широкими асфальтовыми дорогами, регулярно курсирующими автобусами.

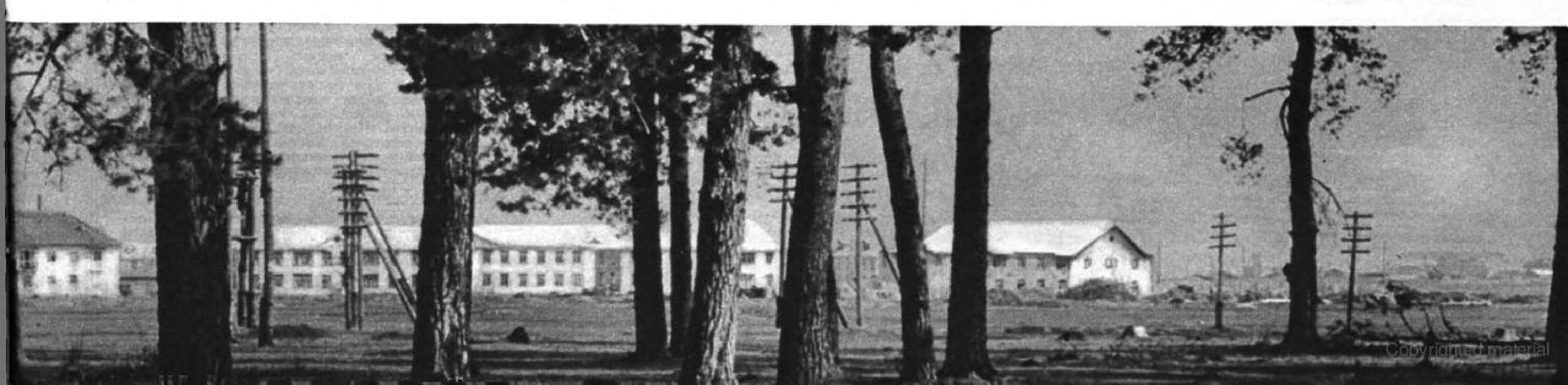
Сегодня по численности населения новый город в несколько раз превосходит старый Ставрополь. И хотя очевидно, что после окончания сооружения ГЭС огромная армия строителей уйдет отсюда, количество жителей, пожалуй, не уменьшится.

Перспективы развития нового Ставрополя предопределены шестой пятилеткой. Рядом со шлюзами, где пока еще одиноко высится железобетонная коробка нового гигантского элеватора, землеройные машины копают котлован для обширной гавани. Ставропольский речной порт с грузооборотом в миллионы тонн возникнет на стыке Волги с железной дорогой и шоссе, которые будут проложены с правого берега на левый через плотину.

Дешевая электроэнергия ГЭС, помимо снабжения Москвы, Заволжья и Урала, обеспечит создание индустрии и в самом Ставрополе. Там, где сегодня над степью движутся стрелы первых башенных кранов и закладываются фундаменты, скоро вырастут заводские цехи.

Как и всякий большой советский город, новый Ставрополь станет значительным культурным центром. Впрочем, об этом правильнее говорить не в будущем, а в настоящем времени. Одна из застраиваемых центральных улиц начинается новыми институтскими корпусами. Ставропольский филиал Куйбышевского индустриального института, открытый в начале строительства ГЭС, готовит первый выпуск инженеров—гидротехников и энергетиков. Более сорока специалистов-практиков, трудившихся все эти годы на стройке, учились без отрыва от производства и теперь завершают дипломные проекты. Около тысячи студентов — рабочие, бригадиры, мастера — каждый вечер приезжают со стройки слушать лекции в аудиториях института. Недалеко время, когда вечерний филиал Куйбышевского института вырастет в самостоятельный вуз с новыми факультетами и ставропольские дипломы начнут получать машиностроители, технологи, химики.

Так создается новая география и экономика, утверждается новый жизненный уклад на волжских берегах.

ТОСТ ЗА ДРУЖБУ

Депутат Национального собрания Франции Робер Вердье и член собрания Французского союза Орест Розенфельд посетили квартиру рабочего И. В. Щербакова.

Фото В. Шаровского (ТАСС).

Когда делегация Французской социалистической партии появилась в фойе клуба рабочих Метростроя, духовой оркестр играл вальс. Немного времени потребовалось, чтобы гости и хозяева — строители московского метро — познакомились друг с другом, и вот уже сенатор Шарль Наво кружится в вальсе с молодой москвичкой. Вскоре после того, как были установлены первые дружеские контакты, все прошли в зал, где начиналось праздничное собрание.

— Мы рады, что вы к нам приехали! — сказал председатель, приглашая французских гостей занять места в президиуме.

Его слова были горячо поддержаны всеми собравшимися. Гости в знак солидарности поднимают над головой сжатые кулаки. Когда стихли приветствия, в клубе Метростроя зазвучала французская речь. Это говорит Робер Кутан, член Руководящего комитета социалистической партии, депутат Национального собрания от департамента Нор. Он, как и другие члены делегации, впервые приехал в Москву, и, судя по всему, встреча с советскими рабочими волнует его. От имени Французской социалистической партии он благодарит собравшихся за братские чувства.

— Я должен,— говорит он,— выразить то глубокое удовлетворение, которое мы испытываем, находясь среди вас накануне первомайского праздника.

Робер Кутан откладывает в сторону листочки с текстом речи и рассказывает о себе, о своей семье. Он техник-чертежник, происходит из рабочей семьи. Ему хочется сегодня говорить о самом дорогом, и он говорит о славных революционных традициях рабочего класса Франции. Его слова о том, что французский народ верен этим традициям, покрываются аплодисментами всего зала.

Робер Кутан садится рядом с инженером Метростроя Татьяной Федоровой. В перерыве они задают друг другу вопросы, говорят о том, что их обоих особенно волнует. Советские люди глубоко уважают революционные традиции французского народа, верят, что контакты между Французской социалистической партией и нашей Коммунистической партией послужат делу мира, делу прогресса.

— Вы не были во Франции? — спрашивает один из гостей Татьяну Федорову.

— Нет, но собираюсь.

Оказывается, Татьяна Федорова готовится в большую туристскую поездку, во время которой посетит и Францию.

А Робер Кутан, узнав, что перед ним один из популярных инженеров и строителей московского метро, вспоминает о том, что двадцать лет назад, когда на завод, где он работал, пришел заказ для советского метро, он имел честь выполнять его вместе с другими французскими рабочими.

— Как жаль, что вы не упомянули об этом в своей речи! — говорит один из советских рабочих.— Всем метростроевцам было бы приятно узнать такой факт.

— Какой это был заказ? — спрашивает другой.

— Шасси для первого вагона московского метро,— отвечает Робер Кутан.

— Теперь мы такие заказы выполняем сами.

— И не только такие!

Член Руководящего комитета социалистической партии профессор Марсо Пивер, встретив меня через несколько минут, говорит:

— Вы слышали? Робер Кутан — строитель вашего метро! Запишите это для «Огонька».

Такой была первая встреча делегации Французской социалистической партии с московскими рабочими. Первая, но, конечно, не последняя. Через день мы застали гостей в рабочей семье. Они прибыли на Шарикоподшипниковскую улицу, в корпус номер семь, где, разделившись на группы, пошли по рабочим квартирам. Депутат Национального собрания Робер Вердье и член собрания Французского союза Орест Розенфельд посетили квартиру рабочего И. В. Щербакова. М. И. Самохин принимал сенатора Шарля Наво. Заместитель генерального секретаря Французской социалистической партии Жорж Брютель и Робер Кутан, с которым мы уже знакомы, поднявшись на шестой этаж, постучались в квартиру Георгия Тимофеевича Викторова — рабочего, слесаря Первого подшипникового завода. Викторов, его жена, дети, внуки были рады французским гостям. Георгий Тимофеевич сразу потащил гостей... в ванную. Дело в том, что он увлекается разведением рыб и в его квартире много аквариумов.

— Сколько же их у вас? — спрашивает Робер Кутан.

— Тридцать шесть,— отвечает Викторов.

— Уж не потому ли вы занимаетесь этим делом, чтобы отдохнуть от жены? — шутит Робер Кутан.

— Я потому и занимаюсь этим делом, что моя жена, Варвара Алексеевна, любит рыб не меньше, чем я...

Супруги Викторовы приглашают гостей к столу. За чашкой чая завязывается беседа о положении рабочего человека в Советском Союзе и во Франции, об условиях труда, системе зарплаты. Георгий Тимофеевич показывает гостям фотографию, на которой он снят в Кремле в день вручения ему ордена Трудового Красного Знамени за безупречную работу на заводе.

— Как оплачивается труд слесаря? Поощряется ли стремление изобретать, учиться, повышать свою квалификацию? Как отражается рост техники на нормах, каковы условия сдельной работы? — эти и многие другие вопросы ставят гости перед Викторовым и его детьми.

Излишне говорить о том, что они получили на все эти вопросы исчерпывающие ответы. Тогда наступила очередь французских гостей отвечать на вопросы семьи Викторовых.

— Как понравилась Москва?

— Наши друзья, советские коммунисты,— отвечает Робер Кутан,— стремятся нам показать все, что мы желаем. Но визит в СССР, по существу, только начинается.

— Я читал в газетах,— замечает Викторов-старший,— что вы были на стройках жилых домов. Каково первое впечатление?

— Мы прекрасно понимаем,— отвечает Жорж Брютель,— что вам надо строить быстро и много, дабы покончить с жилищным кризисом. Мы поражены огромным размахом и темпами жилищного строительства.

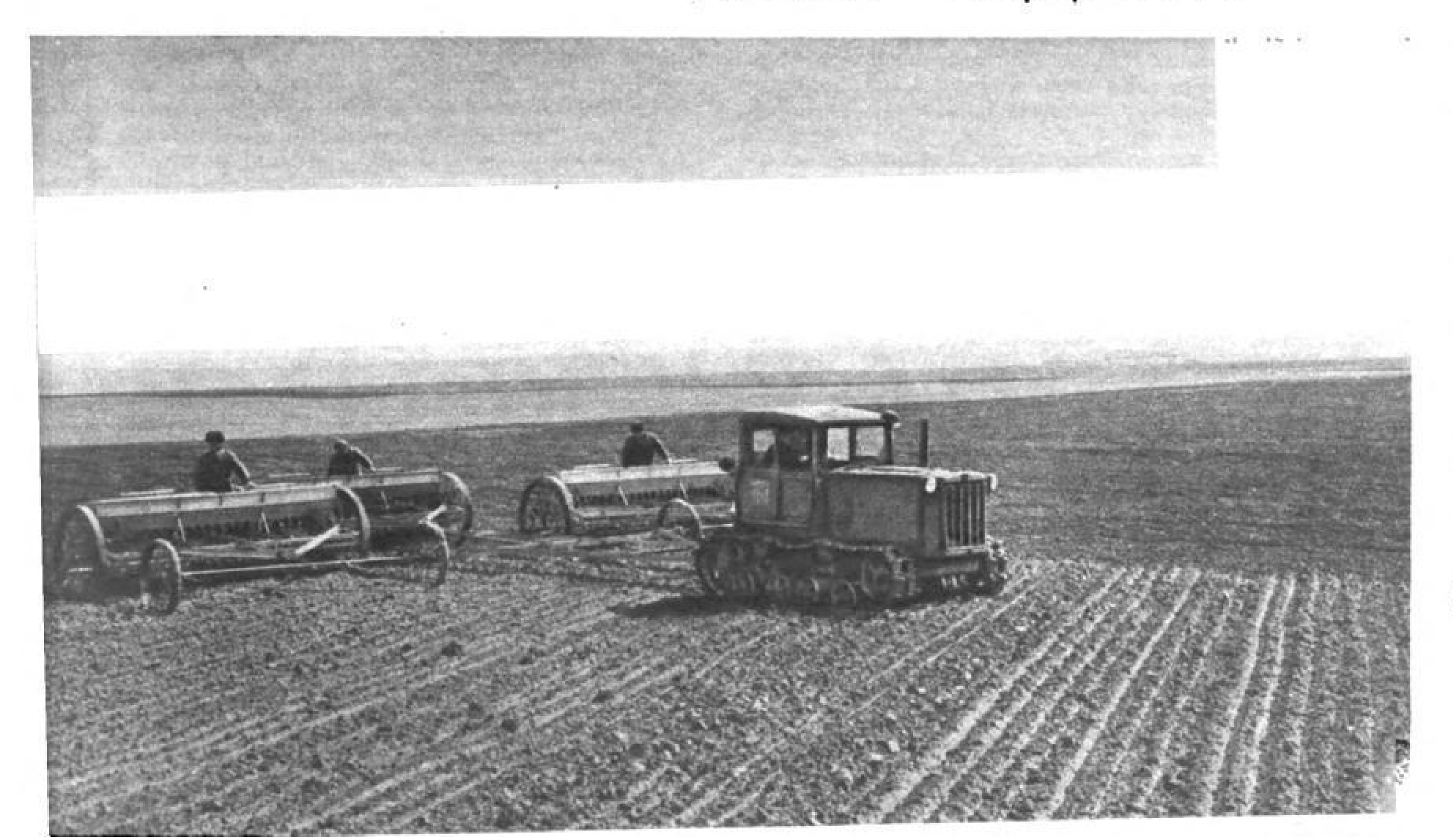
— Однако качество строек,— продолжает мысль своего спутника Робер Кутан,— вызывает у нас сомнение. Несмотря на большое строительство, через два — три года вы можете снова стать перед трудностями... Я видел в одном московском доме перила. Плохо сделаны. Через два года перил не будет.

— Мы в Париже тоже недовольны качеством строительства новых жилых домов,— замечает Жорж Брютель.

— У нас в печати часто критикуют строителей,— отвечает гостям Георгий Тимофеевич Викторов.—

НАШИ

СЕВ ИДЕТ!

По мере того, как «тают» листки календаря, весна все смелее вступает в свои права. Она продвигается все дальше на север, и ее поступь сопровождают сводки с колхозных и совхозных полей: идет сев!

Уже завершили сев яровых культур Крымская область, южные области Казахстана, посеяли хлопок киргизские хлопкоробы.

Вести об успехах на полях страны идут из Саратова, Акмолинска, Горького, Омска, Владивостока... В Молдавии, на Украине и в Ростовской области сеют кукурузу.

Выехали на поля труженики целинных земель, полные решимости заложить прочный фундамент для богатого урожая. С каждым днем ширится фронт весенних работ в Кустанайской области. Нынешней весной колхозы и совхозы посеют здесь четыре миллиона семьсот тысяч гектаров зерновых культур.

Сев яровых в колхозе «Красный партизан», Кустанайского района.

Фото Ю. Немова (ТАСС).

ГОСТИ

Позвольте поблагодарить и вас за это критическое замечание. Мы отдаем себе отчет в наших недостатках и систематически улучшаем качество строительства. Все же я не могу разделить ваши опасения о двух — трех годах. Вот в этом доме я живу уже пятнадцать лет. Осмотрите мою квартиру — все здесь достаточно крепко.

А внешне... внешне дом, может быть, и не очень привлекателен...

Разговор заходит о положении французского рабочего, и Робер Кутан рассказывает о том, что делает правительство Ги Молле для того, чтобы улучшить положение рабочего класса Франции. Беседа продолжается уже два часа, но до конца еще далеко. Георгий Тимофеевич уходит в другую комнату и через минуту появляется с баяном. Сдвинут в сторону стол, и гости танцуют вместе с хозяевами.

— Мы очень рады, что проводим сегодня день в советской рабочей семье,— говорит Робер Кутан.

— Самое главное,— отвечает ему Викторов,— в том, что мы понимаем друг друга.

Последний тост, как и первый, за франко-советскую дружбу, за новые контакты, за мир и счастье народов.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Две стороны визита

Английские энергетики вместе с Г. М. Маленковым направляются осматривать спортивные сооружения Московского энергетического института. Второй слева — лорд Ситрин.

Фото А. Чепрунова.

Перед отъездом на родину делегация английских энергетиков, гостившая в течение трех недель в Советском Союзе, давала пресс-конференцию в Центральном доме журналиста.

Высокий седой лорд Ситрин, возглавлявший делегацию, говорил:

— Наша поездка в СССР интересна, конечно, с инженерно-технической точки зрения. Но техника — только одна сторона дела. Этот визит имеет и другую сторону.

Из дальнейших слов лорда Ситрина стало ясно, что он имеет в виду дружественные контакты между членами делегации и советскими людьми.

...Вместе с англичанами мы побывали на Ногинской подстанции дальней электропередачи Куйбышевская ГЭС — Москва.

Вначале члены делегации сидели в одной из комнат здания подстанции, слушая пояснения о принципах дальней передачи электроэнергии напряжением 400 киловольт (в Англии нет таких линий), и задавали несчетное количество вопросов. Затем они ходили по территории подстанции и «с пристрастием» рассматривали ее оборудование. То была «одна сторона дела». И, кажется, не ушли бы они отсюда, если бы не угроза опоздать на футбольный матч «Спартак» — «Торпедо»: все гости оказались ярыми болельщиками. А когда английские инженеры появились на улице городка, мы увидели «вторую сторону». Их обступили рабочие. Англичане и советские люди жали друг другу руки, обменивались сувенирами, что-то говорили, вряд ли понимая смысл слов. Хотя нет, кое-кто понимал. Вот парень в кепке набекрень взял обеими руками руку английского инженера и говорит ему громко, даже чуть назидательно: «Дружба! Мир! Понимаете? Дружба! Обязательно!». Англичанин улыбается и вначале неловко, а потом увереннее повторяет: «Тру-ш-па! Иес, тру-ш-па! Оф корс!». И дарит рабочему открытку с видом Лондона. Они поняли друг друга.

О первой стороне визита — об инженерно-технической — мы беседовали с заместителем председателя делегации, видным английским энергетиком господином Эккелсом.

— Так вас интересует одна сторона дела? — спросил он.

— Пока одна.

— Лично на меня,— начал господин Эккелс,— наибольшее впечатление произвел синхрофазотрон в десять миллиардов электроновольт, который мы видели в Объединенном институте ядерных исследований. По-моему, это одна из самых мощных в мире установок. Нам показали ее во всех подробностях и даже разрешили сфотографировать. Далее, надо сказать о строительстве Сталинградской гидроэлектростанции. Хотя строительство еще только идет, оно дает представление о том, как грандиозна будет эта станция. И мы, английские энергетики, хотим поздравить советских строителей с большим успехом. Если идти дальше по степени значимости того, что мы видели в СССР, то на третье место я бы поставил Всесоюзный теплотехнический институт. То, что делают там сотрудники,— очень большой вклад в будущее тепловых электростанций.

Эти три вещи, о которых я сказал, являются выдающимися.

— По сравнению с тем, что вы видели в Советском Союзе?

— Не только. Эти достижения сделают честь любой стране.

— Мистер Эккелс, что из виденного в Советском Союзе вы хотели бы применить в Англии?

— Прежде всего мы повезем в Англию ценные сведения о работе высоковольтной передаточной линии. Во-вторых, мы, возможно, используем советскую практику монтажа котлов высокого давления. Нас заинтересовали также работы советских инженеров в области теплофикации и использование торфа в качестве топлива для тепловых электростанций.

— Видимо, до поездки в Советский Союз вы, мистер Эккелс, имели какое-то представление об уровне энергетической промышленности нашей страны. Изменилось ли это представление после посещения СССР?

— До поездки сюда мы много беседовали в Англии с членами делегации советских энергетиков; кроме того, мы внимательно изучали цифры вашего пятилетнего плана в этой области. Поэтому я имел представление о размахе и уровне советской энергетики. Я вам скажу, чего я не ожидал. Я не ожидал такого огромного энтузиазма, с которым рабочие и инженеры выполняют стоящие перед ними задачи. И еще я глубоко тронут той дружеской встречей, которую нам оказали в Советском Союзе...

Однако прервем интервью с мистером Эккелсом, поскольку он уже затрагивает вторую сторону визита, и предоставим по этому вопросу слово лорду Ситрину:

— Лично я уже шестой раз в Советском Союзе. В вашей стране произошли большие изменения. Это прежде всего касается улучшения жизни. В магазинах гораздо больше товаров. На улицах больше автомашин. Хотя у вас до сих пор существуют серьезные трудности с жильем, дома стали гораздо красивее и удобнее. Я обратил внимание, что в магазинах очень много электроаппаратуры, которая облегчает труд женщин. Правда, кое-чего не хватает, но ассортимент все же широк. Советские люди сейчас лучше одеты. Это можно определить по внешнему виду. Но я не ограничивался этим и в магазинах часто тайком ощупывал качество одежды стоявших рядом со мной людей. Причем я не делал исключения даже для женщин.

Каждый встречный готов с радостью поговорить с нами. А я помню времена, когда ничего подобного не было. Мы с очень многими подружились здесь, в Советском Союзе, и наш визит, я надеюсь, укрепит дружбу между нашими народами.

На одном из обедов во время пребывания делегации английских энергетиков в Свердловске. Лорд Ситрин запевает русскую песню о Степане Разине.

— Лорд Ситрин,— обратились мы к руководителю делегации после пресс-конференции,— может быть, вам приходилось встречать в западных газетах заявления о том, что для западных инженеров якобы нет практической пользы от посещения советских предприятий, что здесь нечему учиться? Что вы скажете по этому поводу?

— Опыт нашего визита,— ответил лорд Ситрин,— не подтверждает подобного рода заявлений. Мы здесь увидели очень много интересного и полезного, что постараемся использовать у нас в Англии.

— Еще один вопрос. В некоторых западных газетах пишут, что если в СССР и есть что-нибудь интересное с технической точки зрения, то русские никогда не позволят получить иностранцам информацию об этом. Так ли это?

— Во время поездки мы видели все, что хотели, и получили ответы решительно на все вопросы. Нам не чинили никаких препятствий.

— Итак, вы довольны и первой и второй сторонами вашего визита?

— Безусловно. И первой и второй.

В заключение беседы мы попросили лорда Ситрина написать несколько слов для читателей нашего журнала. Вот что он написал:

Our British Electrical Delegation have had a most interesting and instructive visit to the USSR. Our electrical problems are somewhat different from yours, but we have gained a valuable insight into the construction and operation of your system. Citrine

«Английская делегация энергетиков совершила чрезвычайно интересную и поучительную поездку в СССР. Проблемы энергетики у нас несколько отличаются от ваших, но мы получили ценное представление о структуре и эксплуатации энергетической системы СССР. Ситрин».

Г. БОРОВИК

Строительство в Павлодаре.

Фото В. Мирясова.

ПАВЛОДАР—ЭКИБАСТУЗ

Елена МИКУЛИНА

Тому, кто прибудет нынешней весной в Павлодар на пароходике, не спеша пробирающемся по извилистому Иртышу, покажется, что этот степной городок все еще продолжает свое дремотное существование.

Сразу от причала начинаются одноэтажные деревянные домики, глиняные плоскокрышие мазанки... На немощеных улицах — трава. Изредка не спеша пройдет пешеход, из ворот выглянет смуглая казашка — и... все. Тишина, покой.

Но к человеку, прибывшему в Павлодар по железной дороге, город обернется другим лицом.

Невдалеке от вокзала высятся три подведенных под крышу пятиэтажных дома, по потоку идет монтаж еще десяти таких же зданий первого нового квартала. Башенные краны, самосвалы. Здесь отчетливо слышен пульс современного индустриального строительства. Отсюда идет направление главного удара на старый Павлодар, которому в шестой пятилетке предназначено стать крупным промышленным центром Восточного Казахстана.

Владимир Кузнецов, выпускник Московского архитектурного института, приехал в Павлодар поездом. Новое лицо города показалось ему неожиданным. Ведь всего несколько месяцев назад, узнав, что ему надлежит стать главным архитектором Павлодара, он первым делом взялся за справочную литературу. Сведения оказались скупыми. Кузнецов узнал, что Павлодарская область расположена на южной окраине Западно-Сибирской низменности, климат резко континентальный, город Павлодар насчитывает более двухсот лет, образовался из форта Коряковский.

...В маленькой комнатке городского архитектора всегда толчея. Над огромным опорным планом Павлодара, разложенным на двух столах, по очереди склоняются инженеры, снимая на кальку границы своих участков.

Непрерывно звонит телефон. Прямо с улицы — у городского архитектора еще нет приемной — вваливаются люди в резиновых сапогах и лисьих малахаях, представители министерств и ведомств, требующие места в городе для строительства бань, складов, пекарен, кондитерских цехов.

За пятилетие на строительство в Павлодаре будет израсходовано около шести миллиардов рублей. Строится гигант сельскохозяйственного машиностроения — комбайновый завод. В 1957 году он выпустит первые комбайны.

На юго-восточной окраине города развертывается строительство одного из крупнейших в стране алюминиевых заводов, который будет работать на тургайских бокситах Кустанайской области. В 1959 году завод даст первый алюминий.

Чтобы построить эти заводы, чтобы построить город, нужны сборный железобетон, крупные блоки, силикатный кирпич, сухая штукатурка, гипсовые детали. Для производства этих изделий, без которых в наши дни немыслимо индустриальное строительство, в Павлодаре создаются мощные предприятия строительных материалов.

Вот что такое сейчас Павлодар, вот почему так тесно в маленькой городской гостинице, почему на тихих улицах степного городка в эти дни встретишь архитекторов и проектировщиков из Ленинграда и Москвы.

Сейчас в областных организациях утверждают генеральный план города, отводят участки под застройку, намечают новые магистрали, зеленые пояса бульваров, определяют количество школ, театров, больниц, магазинов. Счет идет десятками. За пятилетку в Павлодаре должно быть возведено около миллиона квадратных метров благоустроенных квартир — в пять раз больше, чем имеет сейчас город, около двух миллионов кубических метров зданий общественного назначения.

...Водопровод, канализация, озеленение, геодезические съемки. Как жаль, что всему этому в архитектурном институте уделяли так мало внимания! Скоро минет год, как Владимир Федорович Кузнецов покинул стены института, а не было еще ни одного вечера, когда бы он не склонялся над книжками, наспех заполняя пробелы в своем образовании.

...Промышленность Павлодара будет работать на экибастузских углях. В Павлодаре сейчас говорят так:

— Экибастуз, да ведь это совсем рядом!..

«Рядом» Экибастуз стал недавно, после того как по голой, безводной степи проложили железную дорогу. Теперь 120 километров можно проехать за три часа.

И вот мы в Экибастузе.

Над плоской равниной — огромный голубой шатер неба. За поселком горняков, состоящим из беленьких двухэтажных домиков, насколько хватает глаз, раскинулась степь. Кажется, она спит беспробудным сном. Но посмотрите влево: над степью возникают белые облачка дыма: движутся паровозы в угольных разрезах. Туда бегут столбы электропередачи. А там уже врассыпную двинулись в степь здания гаражей, паровозных депо...

Что же такое экибастузское месторождение, которому в ближайшие пять лет предстоит стать одним из крупнейших угольных бассейнов нашей Родины?

Представьте себе гигантскую чашу длиной и шириной в несколько километров. Эта чаша на глубину до 100 метров заполнена углем, а сверху прикрыта небольшим слоем земли.

По мощности пластов, близости их залегания к поверхности это месторождение уникально. Уголь Экибастуза самый дешевый: тонна его обходится государству в 2—3 раза дешевле, чем в соседних Карагандинском и Кузнецком бассейнах.

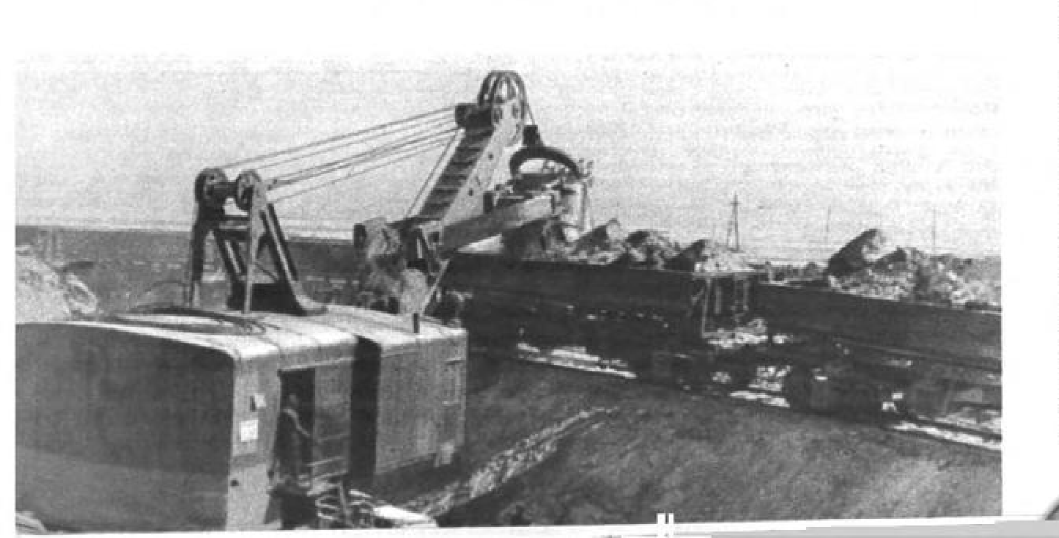
Первый разрез вступил в строй в начале 1955 года. За год была освоена проектная мощность первенца молодого бассейна. К концу пятилетки начнут работать три углеразреза. Заложат еще два крупнейших разреза.

Не ищите в Экибастузе привычных шахтерскому глазу терриконников. Углекопы Экибастуза — братья шахтерам Донбасса и Подмосковья, но методы работы у них разные. В Экибастузе уголь добывают открытым способом в разрезах.

— Главные фигуры у нас — экскаваторщик и машинист паровоза. Один черпает ковшом уголь и грузит его в полувагоны, второй отвозит к центральной магистрали,— говорит управляющий трестом «Иртышуглестрой» Д. Бабченко.— Есть у нас и еще одна важная фигура — монтажник новых экскаваторов. Бригаде отпущено на сборку одной машины двадцать шесть дней, а Василий Николаевич Косякин справляется за десять.

В нынешнем году, — говорит Бабченко,— мы вводим в строй 23 тысячи квадратных метров жилой площади, Дом культуры, Дом пионеров. И это — только начало. К концу пятилетки здесь будет жить около 100 тысяч человек. Экибастуз станет настоящим городом. А когда приехали мы из Ангрена, тут была такая степь, что казалось, ее ввек не разбудишь...

Угольный разрез в Экибастузе.

О вкусах спорят

Недорого, но мило...

Дороже, но...

В. ПОЛЫНИН

Фото Е. Тиханова.

«О вкусах не спорят!»

«На вкус и цвет товарищей нет!»

Излишне часто употребляем мы эти афоризмы, выдавая их за непреложные истины. А порою прибегаем к ним, чтобы оправдать дурной вкус и невысокую культуру. Ведь если вещь хороша, редко кто не признает ее красивой, сразу объявится много товарищей и на вкус и на цвет.

— О вкусах нужно и полезно спорить! — таково было единодушное мнение обувщиков с московской фабрики «Парижская Коммуна» и работников ГУМа, когда они встретились в этом крупнейшем магазине.

К чести обувщиков надо сказать, что они не побоялись предстать перед покупателями и выслушать откровенные мнения в адрес собственной продукции. Модельеры и мастера стояли около кресел, где покупатели примеряли новые туфли и ботинки. В этот день продавали обувь только с «Парижской Коммуны», все виды моделей, которые выпускает фабрика.

Торговля шла бойко и даже шумно.

— Удобна? Красива? Изящна? — спрашивали модельеры.

Женщины проявили удивительное единство во вкусах. В первую очередь они брали черные шевровые туфли с велюровой вставкой на низком каблуке. Это была модель № 328. А на самой фабрике торговые работники и члены художественного совета предполагали, что больший спрос будет на модель № 315.

— Почему так хвалите 328-ю? — интересовались модельеры.

— Очень красиво,— отвечали женщины,— когда туфли сшиты из глянцевитой, а частично из матовой кожи. Это модно!

— Мода — это то, что не надоело, что ново, что удобно и красиво, что нравится,— говорит Константин Емельянович Емельянов, старший модельер фабрики «Парижская Коммуна», пятьдесят лет посвятивший созданию новых моделей. — Кстати, изготовлять модные вещи выгодно и для государства: они не залеживаются на полках, не скапливаются мертвым грузом на базах, их не нужно возить по стране в поисках невзыскательного потребителя.

Мода модой, но хотелось, чтобы обувь еще подходила и к ноге. Об этом напомнили мастерам фабрики две студентки. То, чем обычно девушки гордятся — маленькие ножки,— на этот раз обернулось против них. Много лет назад кто-то в планирующих органах определил, что 33-й размер ноги у наших женщин — редкое исключение... И тем хуже для тех, кто представляет собой исключение!

О вкусах и модах приходится говорить не только по поводу обуви. Почему рядом с отличными мужскими сорочками фабрики № 16 «Красная швея» на прилавке лежат испеченные артелью «Московский большевик» рубашки, не имеющие определенного цвета? Почему шьют до сих пор давно вышедшие из моды брюки матросской ширины и пиджаки с набитыми ватой плечами и свисающими до ногтей рукавами?

Кто же стоит на страже архаической моды? Кто навязывает покупателям собственный дурной вкус? Нередко это художественные советы, созданные министерствами. Здесь собираются весьма почтенные люди, во многих других отношениях, вероятно, вполне компетентные. Но вкус... Это не их профиль! И почему-то именно они являются законодателями мод.

В тот день, когда обувщики «Парижской Коммуны» встретились в ГУМе с покупателями, их разделяло расстояние в один шаг. И им нетрудно было найти общий язык. Но обычно дистанция между создателем обуви и потребителем — огромного размера. Ее можно исчислять километрами, месяцами (часто годами) и количеством инстанционных ступеней, которые складываются в длинную лестницу.

Вот смахнул модельер рукавом халата последние пылинки с любимого детища и благословил его в далекое плавание. Плывет туфля через столы технолога, главного инженера, директора фабрики. Благополучно «шлюзуется» (когда подойдет срок) через фабричные ворота и выходит в «открытое море». Но до покупателя еще далеко!

Туфля зимует в затоне ожидания. Только два раза в год, весной или осенью, может она предстать пред очи тех, кто решит ее дальнейшую судьбу. Два раза в год со всей страны стекаются в Москву, к площади Маяковского, в Дом моделей, потоки обуви. И тут-то судьбу туфли решают те самые почтенные люди, которым, по совести говоря, иногда безразлично, усеченный будет каблук или прямой...

Ботинки, туфли, тапочки, босоножки огромной отарой столпились на широких столах. Они торопятся, они боятся отстать от моды.

Здесь происходит нечто отдаленно напоминающее бой гладиаторов в древнем Риме. Там, если помните, поднятый зрителем кверху палец означал жизнь, опущенный вниз — смерть. Художественный совет позаимствовал этот язык жестов. «Смерть» символизирует здесь беспомощно простертый к потолку каблук опрокинутого ботинка.

— Это же красивая обувь, напрасно вы ее повалили,— стараются доказать модельеры.

— Не спорим,— говорят члены художественного совета,— но вы ее не освоите.

— Ну, а босоножки? Чем они вас не устраивают?

— Покупатель не возьмет.

Но почему эти товарищи уверены, что с высоты своего служебного положения они точно определяют подлинные настроения покупателей?

Заведующий обувным отделом ГУМа В. А. Меньшиков предлагает:

— Пусть фабрики выпускают

Вот это платье стоит одну тысячу семьсот десять рублей, оно продается в магазинах...

...а вот это стоило бы всего семьдесят рублей, если взялись бы шить его фабрики.

только те изделия, которые предварительно похвалит покупатель. Мы возьмем на себя эту дополнительную обузу, выставим у себя новые образцы, проведем опрос покупателей, распространим анкету...

Ни ответа, ни привета.

Случается, что хорошие образцы бракуют и без «помощи» художественного совета.

— Эти платья мы шить не будем,— заявляют представители фабрики.— Вместо трех с половиной метров ситца на него идет четыре.

— Но ведь полметра ситца стоит три рубля, и покупатель охотно возместит фабрике «убытки».

— Не можем, не позволяет стандарт.

К слову сказать, стандарт позволяет делать в мужском трикотажном белье рукава, из которых не выглянут на свет самые длинные руки.

— А вот это платье детское, которое в готовом виде будет стоить тридцать рублей? Его почему бы не шить?

— Не можем. Для платья такого артикула по прейскуранту установлена цена двадцать девять рублей пятьдесят копеек.

— Возьмите тогда это. Очень модное, с широкой юбкой.

— Не можем. На юбке семь складок, а прейскурант разрешает заглаживать не больше шести.

Директор фабрики обычно рассуждает так: за невыполнение плана в рублях, штуках, единицах, за лишнюю складку на юбке (расход!) с него спросят. А красиво или некрасиво, изящно или топорно — такая лирика никаким планом не предусмотрена.

Однажды мать с сыном пошла в магазин, чтобы купить ему новый пиджак.

— Нет, этого я не надену,— испугался мальчик.— В школе скажут, что я стиляга.

Ничего «стиляжнического» в пиджаке не было. Просто он сшит изящно, со вкусом. Но почему-то старомодный костюм признается у нас признаком «хорошего тона». Виноваты в этом те же швейные фабрики, которые долгими годами приучали молодежь к допотопному покрою и тусклым цветам. Может, не стоило бы снабжать нашу текстильную промышленность на сорок процентов темными красителями?

И почему все эти вопросы решать в узком кругу? Пусть потребитель сам скажет свое слово!

Вероятно, он потребует дешевый рабочий комбинезон, которого нельзя ни купить, ни сшить в ателье, потому что он не предусмотрен прейскурантом.

Вероятно, женщины проявят большой интерес к изящным, дешевым платьям из хлопчатобумажных тканей, ассортимент которых, к слову сказать, достиг у нас двадцати пяти тысяч расцветок.

Вероятно, не останутся без спроса легкие мужские куртки, которые жарким летом удобнее шерстяных пиджаков.

О вкусах спорят! Спорят на дискуссиях, на заводах и в колхозах, спорят за прилавком магазина и в общежитии молодежи. И не надо глушить этих споров, ссылаясь на то, что на вкус и цвет всем не угодишь. К спорам надо прислушаться!

Весенняя пора

Владимир ЛУГОВСКОЙ

Зяблик запел

Зяблик запел на березе лиловой,
Вышел из черной земли чистотел.
Это не высказать будничным словом —
Снова, как в детстве, зяблик запел.

Значит, дано мне опять насладиться
Дедовской, русской, прохладной весной;
Видеть, как мчатся пролетные птицы
К старым гнездовьям на север родной;

Слушать ручьев перезвон по низинам,
Тихий, дремотный, клонящий ко сну,
И вспоминать отшумевшие зимы,
Зябликов детства, зовущих весну.

Заново каждой весною родится
Мир в заповедной апрельской тиши.
Мысли летят, как пролетные птицы,
К старым, забытым гнездовьям души.

Видишь всю землю, рожденную снова.
Все, что забылось, встает наяву.
Каждая клеточка шара земного
Тайно тебе говорит: «Я живу!».

Жизнь голубой бесконечностью манит.
Где же предел? Мне не виден предел...
Рощи берез в легкокрылом тумане...
Снова, как в детстве, зяблик запел.

Юность

Отзвенели капели,
И подсохла земля,
И грачи полетели
На родные поля.

Что же мне так тревожно?
Я и сам не пойму.
Выхожу осторожно
В неоглядную тьму.

В небе — черные дыры...
Ветра с вербами спор...

Полыхает над миром
Звезд извечный узор.

И далёко, у рощи,
Возле сосен-сестер
Тьму пронзает на ощупь
Одинокий костер.

И по-девичьи дремлют
Два янтарных ствола,
Будто юность на землю
В эту полночь пришла.

Гуси

Над необъятной Русью —
С озерами на дне —
Загоготали гуси
В зеленой вышине.

Заря огнем холодным
Позолотила их.
Летят они свободно,
Как старый русский стих.

До сосен Заонежья
Река небес тиха.
Так трепетно и нежно
Внизу цветет ольха!

Вожак разносит крылья,
Спешит на брачный пир...
То сказкою, то былью
Становится весь мир.

Под крыльями тугими
Земля ясным-ясна.
Мильоны лет за ними
Стремилась к нам весна!

Иных из них рассеют
Разлука, смерть, беда,
Но путь весны — на север!
На север, как всегда.

Вот тогда

Ночь живет шуршанием и хрустом,
Почки раскрываются едва...
И вопит отчаянно и грустно
Всеми позабытая сова.

Волчье солнце — месяц крутобокий
В черных сучьях мечется,
застряв.
В ямах и распадинах глубоких
Лезут племена колючих трав.

Есть в апреле
полночи такие,
Что природа вся лежит без сна.
До рассвета ветви гнет нагие
Хищная и мокрая весна.

В судорогах родовых страданий
Полночь пробирается тайком.
Вот тогда
вошла ты
в мирозданье
Тоненьким и тихим стебельком.

Французская живопись

Те, кому приходилось путешествовать по дорогам Франции, могут особенно оценить прелесть и верность пейзажей, созданных французскими художниками XIX столетия. Ни дорожные знаки для автомобилистов, ни рекламы, назойливо отвлекающие внимание, не могут уменьшить впечатление от прелестных рощ вблизи Парижа, озаренных солнцем.

Камиль Коро — выдающийся художник-портретист и вместе пейзажист — был одним из тех, кто утвердил славу французского пейзажа. Именно творчество Коро, его проникнутые мечтательностью, ощущением прелести родной природы картины начинают собой замечательные работы французских пейзажистов XIX столетия.

Коро рисовал леса Фонтенбло близ Парижа, он сумел с необыкновенным искусством и настроением передать великолепие деревьев, вершины которых сливаются с небом.

Шарль Франсуа Добиньи запечатлел пейзажи Нормандии, Бретани, берега реки Уазы, деревню, скрывающуюся в зелени, отражение неба в реке, проникнутые грустью и поэзией уголки своей родины. Добиньи был истинным художником, творившим, как подсказывало ему чувство, не угождавшим буржуазии, которая часто диктовала свои вкусы живописцам. Однажды он с горечью сказал:

— Лучшие картины — это те, которые не продаются.

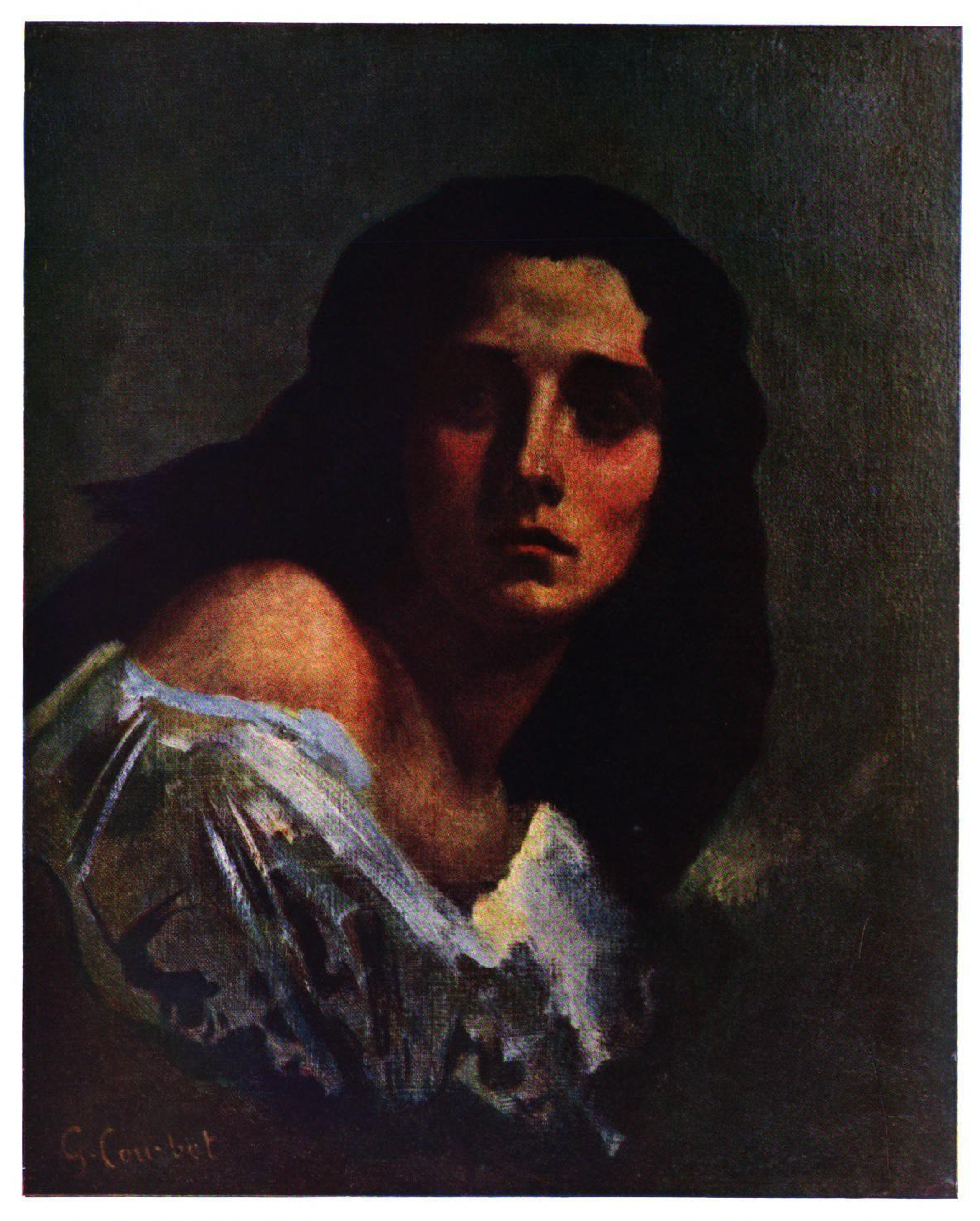
Гюстава Курбе — главу реалистического направления во французском искусстве середины XIX века — привлекало главным образом изображение труда, образы рабочих. Каменотесы, поселяне, жители родного города — эти люди запечатлены в лучших картинах художника. Курбе не терпел ложной красивости и рисовал людей без всякого украшательства, стремясь передать правду жизни. «Голова девушки», ее облик, взгляд выражают сильный характер, глубокую мысль. Техника Курбе — лепка лба, скул — достигает здесь совершенства, художественные приемы этого мастера поистине удивительны.

В 1874 году в Париже имела необычайный успех картина Клода Моне, названная им «Впечатление. Восходящее солнце». По-французски впечатление — «impression». Это и дало основание группе близких по манере и творчеству художников — Клоду Моне, Эдуару Мане, Сислею, Ренуару, Дега — назвать себя импрессионистами. Творчество этих художников — одно из интереснейших явлений французской живописи. Клод Моне проявил редчайшее мастерство в изображении бликов, оттенков, которые лучи солнца создают в траве, в цветах, в облаках, в листве, будто пронизанной ими. Картины его полны света и воздуха. Особенно привлекательно его полотно, изображающее завтракающих людей среди природы. С каким искусством написана эта группа горожан, расположившихся в непринужденных позах на траве!

Ренуар — другой замечательный художник,— можно сказать, воспел парижских женщин. Излюбленный тип Ренуара — скромно и кокетливо одетая, привлекательная девушка-парижанка с чуть вздернутым носиком и капризно приподнятой губкой. Натурщицами Ренуара большей частью были приказчицы и мастерицы модных магазинов, и он писал их с непревзойденным изяществом, искусно передавая цвет, белизну лица, рук, красочное их сочетание с одеждой. Вот беседуют две девушки — одна рассеянно слушает, что ей рассказывает подруга. Это сама жизнь, которую подсмотрел и запечатлел художник.

Художники Франции середины и конца XIX столетия утвердили заслуженную славу французской живописи во всем мире.

Л. НИКУЛИН

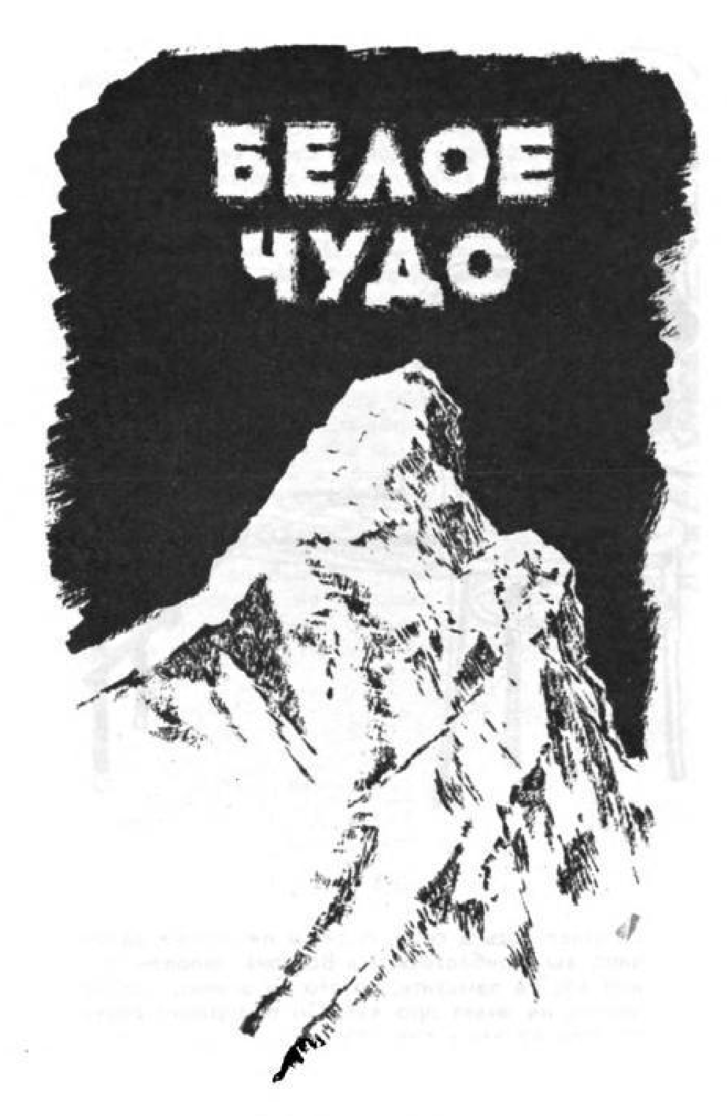
Гюстав Курбе (1819—1877). ГОЛОВА ДЕВУШКИ.

Государственная картинная галерея Армении. Ереван.

Огюст Ренуар [1841—1919]. ДЕВУШКИ В ЧЕРНОМ.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Повесть

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Генри Гифт, они познакомились в Кабуле, представился Гью Лэму как инженер, специалист по горнодорожному строительству фирмы «Гаррисон-Хеджес Компани оф Нью-Йорк энд Кер д'Алейн» (Айдахо), которая занимается дорогами, мостами, плотинами и всем, связанным с этим делом.

Он обнаружил веселый, сангвинический характер, пел, когда был в хорошем настроении, две строки из песенки, которую начисто забыл в целом:

В старой, доброй стране,
Там я жил, как во сне...

Он шутил, рассказывал анекдоты и охотно выслушивал искренне веселившие его вопросы Гью Лэма, который непрерывно удивлял его своей непроходимой наивностью. Гью Лэм был по профессии антрополог, даже, если говорить точнее, краниолог, который первый раз наблюдал глубинную Азию своими близорукими глазами, но эти глаза взирали сквозь большие круглые очки с такой предельной восхищенностью, с какой ученый погружается в неизвестную, но полную открытий область.

Генри Гифт и Гью Лэм представляли полную противоположность друг другу. Если Гью Лэм был высок, худ и походил на бегуна, которого измучили, но и привели в спортивную форму ежедневные испытания и тренировки, то Генри Гифт был среднего роста, похож на профсоюзного деятеля, чуть полного, но с достоинством носящего свое тяжелое тело, любящего говорить с аудиторией и способного рассмешить ее умелой шуткой или острым анекдотом, когда она устала.

Генри Гифт участвовал в последней войне как офицер инженерных войск; Гью Лэм никогда не слышал, как взрываются мины или пикирует штурмовик. Гифт был в Азии свой человек и мог бесконечно рассказывать о чем угодно: о веселых домах Сингапура, о мистических танцах острова Бали, о джунглях Бирмы, о тайных притонах Шанхая,— потому что он все это видел сам, в то время как Гью Лэм впервые попал на международное совещание антропологов в Иране и ехал оттуда по приглашению индийского ученого Гупта Раджана в его индийские края, куда-то под Аллахабад.

Генри Гифт взял его в машину компании в Кабуле, чтобы доехать с ним вместе до Пешавара; оттуда можно продолжать путь до Лахора на самолете или поездом.

Они очень быстро, без всяких приключений проделали путь до Джалалабада и переночевали в уютной, как нашел ее Гью Лэм, гостинице, на открытой площадке, где он восхищался лунным вечером и пейзажем. Миновав утром длинные подъемы и спуски горных перевалов, они теперь ехали к Хайберу, встречая немногочисленные семьи кочевников и разговаривая обо всем виденном.

— Не вы строили эту дорогу? — спросил со своим обычным восторгом Гью Лэм.

Ему нравился его спутник, такой жизнерадостный и грубоватый, и он очень хотел доставить ему удовольствие, похвалить его работу. Но Гифт засмеялся и сказал:

— Нет, не я. Эта дорога существует давно. Не очень хорошая дорога. Если бы американцы строили ее, это была бы дорога!

— А в этой стране вообще мало дорог? — спросил Гью Лэм.

— Мало современных, но мы им сделаем. Люди тут хорошие, но надо им помочь. Похожи на наших индейцев, пока их не истребила цивилизация...

— Посмотрите,— воскликнул с восхищением Гью Лэм,— посмотрите, какой красивый афганец! Как он гордо смотрит, как он шагает, с каким достоинством, с каким видом завоевателя — этот нищий бедняк! Да, вы правы, это оригинальный народ. Вы знаете, нас вез Азис, такой смешной тип, что он мог рассмешить юмористический журнал. Он говорил нам, показывая самый обыкновенный мост на маленькой горной речонке: «Это второй мост в мире!» А? Мы не спросили, где первый. Мы спросили, откуда он это знает. Что он ответил нам, послушайте. Он сказал: «Мой дядя читает газеты». Это великолепно! Но если бы мы над ним посмеялись, он бы нас зарезал. Такой у него характер. Они не испорчены, как дети. У нас были две машины, увешанные амулетами, страховавшими от всех возможных несчастий. Перед одним песчаным перевалом мы увидели, что шоферы снимают с себя свои личные, охраняющие их амулеты и навешивают на машины. Что такое? Они говорят, что это очень плохой перевал и лучше пусть будут защищены машины, чем они. Так мы и проехали эти крутые повороты на песчаных ползучих скатах, и наши машины, украшенные всякими камешками, лентами, коробочками, проскочили благополучно. Шоферы с торжеством вернули оправдавшие доверие амулеты себе на шею.

Потом у меня был с одним афганцем такой разговор. Он сказал, что самая сильная страна в мире — Афганистан. Я не спорил, я спросил, почему он так думает. Он сказал: «На севере мы граничили с царской Россией. Царь был очень сильный, с кем он только не воевал, но с Афганистаном никогда не воевал. Почему? Боялся. Теперь мы граничим с Советским Союзом. Советский Союз очень сильный. И Гитлера разбил и японского царя разбил, такой сильный, а с Афганистаном никогда не воевал. Почему? Боялся. Это на севере, а на юге у нас англичане. А? Нам надоело их бить...» Подумайте!..

Оба засмеялись. Гифт стал напевать свое:

В старой, доброй стране,
Там я жил, как во сне...

— Откуда вы взяли эту песенку? — спросил Гью Лэм.

— Вы знаете, я сам забыл. Когда так много ездишь, то впечатления вытесняют одно другое.

— Посмотрите,— почти закричал Гью Лэм,— какая красавица! Право, если ее приодеть, она будет просто великолепна. Она похожа на пантеру...

— Наверное, вы правы, она похожа на черную пантеру,— сказал, усмехнувшись и не глядя на проходившую женщину, Гифт,— потому что она никогда не моется, эта ваша красотка.

— Ну что вы! — сказал Гью Лэм.— Вы знаете, надо их учить, их надо всех учить,— договорил он с наивной уверенностью,— они все, наверное, неграмотны. И вся Азия, она вся неграмотная. Я еду в Индию. Она тоже неграмотна на девяносто процентов. Там англичане больше всего боялись школ, печатных станков. Мне рассказывал мой дядя, путешествовавший по Индии. И даже библия была запрещена, поскольку она наводит на размышления: в ней говорится, что падают царства и можно свергать правительства. Англичане всегда хотели сохранить на Востоке порядки на уровне средневековья, по меньшей мере. И это замечательно, что американцы взялись за просвещение Афганистана. Скажите: много ли американцев помогает просвещать эту интересную страну?

Гифт хлопнул его слегка по колену и весело сказал:

— Нас здесь хватает. Я встречал американцев, которые оказывают техническую помощь, работают по здравоохранению, организуют гражданскую авиацию, здесь понятия не имеют о метеорологической службе, пропагандируют новейшие способы ведения сельского хозяйства, организуют труд и изучают страну. Я познакомился за время моего пребывания в стране с археологами — здесь много древних памятников,— с ботаниками, даже со специалистами по бабочкам.

— Как это хорошо! — воскликнул Гью Лэм.— Какие скалы! А эта башня! Так и кажется, что оттуда выйдет сам Тамерлан. Он, кажется, шел этим проходом.

Они ехали между скал, возвышавшихся на полкилометра над ними. Внизу в серой теснине шумел пенистый ручей. Было пасмурно от темных, неприветливых скал, петли дороги возносили их все выше и выше, и казалось, что этим подъемам и поворотам не будет конца.

Вдруг шофер остановил машину посреди ущелья.

— Что случилось? — спросил Гью Лэм.

Гифт, ничего не спросив у шофера-афганца, который все равно не смог бы объяснить, так как не говорил по-английски, а Гифт знал по-афгански лишь несколько фраз, вылез, и за ним вылез и Гью Лэм. Гифт посмотрел вверх и увидел над собой на склоне крышу какого-то строения и антенну. Там помещались пост и почта. Он знал это место уже давно.

— Это граница,— сказал он.— Можно ехать. Нам не нужно никаких формальностей... Они нас просто не касаются. Поехали! — сказал он афганцу.

Но шофер-афганец сидел неподвижно. Тогда Гью Лэм воскликнул:

— Нет, нет, этого нельзя делать! Надо уважать порядки. Мы, американцы, всегда уважаем чужие законы. Я прошу вас исполнить все формальности. Это даже интересно.

— Но вы видите, что тут, на дороге, никого нет. Не лезть же нам в самом деле туда! — Гифт показал на конец крыши, видневшийся из-за скал, куда вела крутая тропинка.

— Поищем кого-нибудь внизу,— сказал Гью Лэм и решительно пошел по дороге.

Она была пустынна и извивалась между стен ущелья, над которыми поднимались отдельные уступы, и на них видны были старые сторожевые башни, сохранившие до сих пор воинственный вид.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18, 19.

За выступавшей на дорогу скалой они остановились. В тени скалы стояла обыкновенная железная кровать без матраца, но с толстой, посеревшей от пыли веревочной сеткой. На этой кровати, скрестив ноги по-восточному, сидел пожилой человек, одетый, как обыкновенный афганец. Тюрбан его был плотно обвязан, широчайшие шальвары были чистые и лежали в живописных складках, жилетка и куртка были из хорошей материи. Перед ним стояли два венских стула с полукруглыми спинками, с продырявленным дном. В одном продырявленном сиденье уютно стоял небольшой белый чайник с нарисованными на нем красными розами, в другом — широкая пиала.

Афганец, сидевший на кровати, наклонялся к чайнику, наливал чай в пиалу и тихо прихлебывал его в жаркой тишине ущелья. Казалось, никто не может отвлечь его от раздумья, в которое он был погружен.

Когда перед ним появились Гью Лэм и Гифт, афганец не изменил своей позы. Допив чай, он важным движением укрепил пиалу в продырявленном дне венского стула и ждал, как шах вручения ему верительных грамот.

Он страшно понравился Гью Лэму своей уверенностью и древней надменностью.

— Что я вам говорил? — сказал он, торжествуя. — Извольте соблюдать формальности. Предъявите паспорта!

Они протянули сидевшему свои паспорта.

Афганец, не взглянув на них, взял паспорта и начал их перелистывать, ища то, что ему нужно. Он нашел кабульскую визу. Так же молча он, держа одной рукой паспорта, погрузил другую в море своих необъятных шальвар и долго искал там, пока не выловил в их глубине круглую печать на тонкой серебряной цепочке, прикрепленной к поясу. Выловив печать и жарко дохнув на нее, он пропечатал с силой паспорта, вынул из-за правого уха вечное перо, привычно расписался справа налево и отдал паспорта американцам.

После этого оторвавшего его от больших мыслей движения он снова наклонился к чайнику, как бы давая знать, что аудиенция окончена и они свободны.

Гью Лэм был в восторге. Гифт презрительно фыркал. Машина подъехала, и они сели.

— Но он же прав! Он глубоко прав в своей философской уединенности, — говорил Гью Лэм. — Может быть, он думает о новом возрождении ислама, об образовании мощной секты, а вы лезете к нему с бумажкой, которая ничего ему не говорит. Заметьте, он даже не взглянул на нас. И он отдал нам паспорта, как будто они были листья с дерева, упавшие ему на колени.

— Так кто был прав? — сказал злорадно Гифт. — И не нуждались мы в его печати. Проехали бы, и все. А если вы думаете, что он ушел весь в себя, сидит и ничего не замечает, вы ошибаетесь. На Востоке человек может вас не заметить, но это не значит, что он ничего не знает про вас. Он прекрасно осведомлен во всем так, что вам могло бы показаться, что он читает даже ваши мысли на дне своей чашки. И, конечно, он презирает нас, в зависимости от характера, немного или много: мы же для него кафиры-язычники, от которых столько зла в жизни.

— Ну что вы! — сказал Гью Лэм. — Он добродушен, как старый дуб. Он гостеприимен и мудр. Я хочу сохранить его в воспоминаниях таким. И когда буду рассказывать дома Энн и моим девочкам о своем путешествии, я опишу его именно таким. Но посмотрите, что это такое?

Он выглянул из машины. В ущелье перед ними дорога была перегорожена бетонными серыми надолбами, колючая проволока обвивала пространство за надолбами. На скале стояла башня, из которой торчало дуло пулемета, смотревшее в сторону севера, а с афганской стороны такая же башня, венчавшая вершину утеса, направила пулемет на юг.

Машина стояла перед шлагбаумом на асфальтированном шоссе, которое, начинаясь от надолб, как бы подчеркивало, что тут уже другая страна и другое отношение к действительности. У будки, достаточно широкой, чтобы в ней от солнца укрывалось до пяти человек, стояли люди, одетые по-разному. Двое были в военной форме, в высоких барашковых узких шапках, с карабинами и патронташами на поясе, один в пестром одеяле, накинутом, как плащ, и один с рукой на перевязи, в тюрбане и в серой куртке.

Шлагбаум открылся, машина въехала на землю Пакистана. Их встретил такой же пожилой человек, как и по ту сторону границы, но одет он был в строгий костюм, живо напоминающий о временах английского владычества. Его зеленый мундир, узкие панталоны, борода, расчесанная веером, и манеры дисциплинированного чиновника говорили, что они въехали в страну, где государственная машина много сложнее.

Отметив свои паспорта, они выпили по чашке чая в прохладной большой комнате пропускного пункта и поехали дальше по ущелью, ощетинившемуся башенками дотов, колючей проволокой и участками, отмеченными узкими белыми столбиками.

— Это минные заграждения, — сказал Гифт.

— Зачем здесь столько укреплений? — спросил, недоумевая, Гью Лэм.

— Они против афганцев!

— Как? — сказал ученый. Он вспомнил сидевшего на кровати пожилого афганца, пьющего чай. — Против этого старика столько укреплений?

Ему представилась фантастическая картина вражды двух стариков — того, что пьет чай, сидя на кровати, и того, что пьет чай, сидя за столом в прохладной полутемной комнате. Он сказал об этом Гифту.

— Э, нет! — сказал Гифт. — Видите, эти края населены пуштунами, то есть такими же афганцами, какими населен Афганистан, но здесь они живут в Северо-западной пограничной провинции. Англичане имели всегда массу неприятностей с непокорными пуштунами. У пуштунов всегда было настроение никому не подчиняться, а уж если подчиниться, то лучше сговориться с королем в Кабуле, чем с вице-королем в Дели. Когда Индия разделилась на два доминиона, Бхарат и Пакистан, они голосовали за Индию, потому что в индийском обширном государстве они, несомненно, могли бы рассчитывать на автономию. Но к сложности положения — у нас сейчас пятидесятый год, то есть это было только три года назад, — присоединилось то обстоятельство, что кашмирский раджа объявил себя независимым и этим спутал все карты. Пуштуны не могли теперь присоединиться к Индии, так как с ней больше не граничили. Тогда они заговорили о другом. Естественное тяготение к своим братьям в Афганистане направило их взоры в сторону севера, но пакистанское правительство не могло позволить, чтобы эта провинция отошла к повелителю Кабула. Так возникли неприязненные отношения, вызвавшие пограничные стычки и пулеметы в башнях, которые мы видели.

— Я все понял, кроме одного, — сказал Гью Лэм: — ведь делились по доброму желанию. Мусульмане хотели жить с мусульманами, индусы — с индусами. И по желанию каждое княжество могло стать самостоятельным, подобно Кашмиру. Почему же пакистанцы не дали пуштунам воссоединиться со своими братьями? Отдали бы Пуштунистан мирно. Пусть живут вместе все пуштуны. Англичан нет. Им никто больше не угрожает. Они родственный народ. Пусть соединятся с афганцами.

— Вы шутник, — сказал Гифт, цедя сквозь зубы свою песенку:

В старой, доброй стране,
Там я жил, как во сне...

— Вы шутник, — повторил он, — вы забыли одно обстоятельство, вернее, вы о нем ничего не знаете. Пограничная линия укреплений, построенная англичанами, идет на сотни километров. Она захватывает Кашмир и оканчивается далеко на западе. И железная дорога, которая перед вами, — военного порядка и сделана не вчера. Если вы отдадите Афганистану эту укрепленную линию, хотя бы часть ее, то Пакистан, как раньше Индия, будет беззащитен от нашествия с севера...

— Кого? Афганцев? Этих пастухов, сентиментальных и диких, похожих на библейских кочевников?

— Не афганцев. Более грозного соперника Англии, который не потерял надежды владеть этими местами.

— Кто же это? Иран? — спросил Гью Лэм.

— Ну что вы! Это Россия, царская Россия вчера и Советский Союз сегодня...

— Теперь вы шутник! — сказал Гью Лэм. — Знаете, что я вам скажу? Я не люблю войны. Может быть, моя профессия располагает к этому. Антропология, как некоторые говорят, является предисторией истории. Я изучаю времена, когда человечество жило во тьме веков, но оно уже в этой тьме ощутимо шло к свету, к правильному пути, и когда оно шло по мирному пути, оно продвигалось вперед, а когда оно брало копье войны, то уничтожало свои же собственные достижения. Таким образом, мы благодарны всему, что приносит мир, и терпеть не можем войн, которые уничтожают даже следы цивилизаций. Народы должны жить в мире. Американский народ, к которому я и вы имеем честь принадлежать, — мирный народ. У нас, к счастью, даже не было великих полководцев, покорявших целые страны. Один раз мы колотили друг друга, потому что нельзя было подчиниться грубой силе, закрывавшей нам путь вперед. И сейчас юг Америки живет в мире с севером. Значит, мы были правы, отстаивая мир. У нас нет культа военных идолов. Это первый признак делового, мирного народа. Все мои друзья, как и я, стоим за мир. Война — это не для нас!

Гифт слушал в каком-то сладостном молчании жаркую речь Гью Лэма.

— Продолжайте, продолжайте, это очень интересно...

— Пожалуйста, — сказал Гью Лэм. — А что касается России, или, вернее, Советского Союза, то я не понимаю, зачем ей Индия? У этой страны такие великие пространства, совершенно неосвоенные, и после войны такие разрушения, что искать ей новой войны — просто безумие. Если русские цари могли просто из жадности мечтать о богатствах Индии, хотя и они не сделали ни одной серьезной попытки, насколько я знаю, то Советский Союз, мне кажется, этой жадности обогащения иметь не может. Вся его мирная политика говорит об этом...

— Ну, хорошо, — сказал, улыбнувшись, Гифт, — мне интересна не Россия сегодня, мне интересен ваш общий подход. Вы видели, как кончился Афганистан и как начался Пакистан. Даже дорога изменилась. Как же можно отдать пуштунов, чтобы усилить Кабул? Какой-нибудь хитрец в Кабуле скажет: «Такой страны, как Пакистан, не было никогда. Это наши древние земли, начиная с Бабура и Ахмед-шаха. Бабур считал Пенджаб своим наследственным владением. Ахмед-шах-Абдали владел Пенджабом, Кашмиром и Синдом. Вернем их себе». Я говорю это для примера. Чтобы противопоставить подобным замыслам преграду, и нужна сейчас эта укрепленная линия. Я сам против войн, но они необходимы, когда нужно защитить то, что вы называете передовой цивилизацией. Право, я знаю достаточно Азию и должен вам сказать, что без европейцев и американцев сегодня это будет хаос, угрожающий европейским странам новыми Чингисханами и Тамерланами. В крайнем случае, я соглашусь на то, чтобы эти азиаты лупили друг друга и в этих драках утратили ту силу, которую они могут обратить против передовой нашей культуры и свободного человечества...

— Неужели вы действительно так думаете? — сказал Гью Лэм. — Неужели вы предполагаете, что люди не могут жить без войны? Нет, нет, вы сами человек мирной культуры, вы строите дороги. Дороги — это пути просвещения и связи, дружбы и взаимопонимания, взаимопомощи и сотрудничества. Это пути, которые не разъединяют народы, а соединяют их. Не так ли? Вы же не строите их, думая, что по ним пройдут танки и другие военные машины. Вы же строите дороги к аэродромам и не думаете, что по ним поедут не мирные пассажиры, а военные летчики, которые повезут бомбы, чтобы сбросить их на соседнюю страну. Вы же знаете, что у нас, в Америке, мы не хотим новой войны. Ну зачем мирному американцу оружие насилия, когда вместе с русскими и англичанами и другими народами мы вырвали это оружие из рук фашистов, нацистов? Не так ли? Конечно, после такой войны, когда все пережили невозможное напряжение, меняется и человек, в ней участвовавший. Да, он хочет жить по-другому. И нужно жить по-другому, по-новому. Во время войны мы нашли у себя старые, негодные порядки, которые уже нельзя было терпеть. Это было наследство рутины. И мы изменились, мы поняли, что надо приносить высшие жертвы и стать лучше, чем мы есть. Вот вы же приехали в дикий Афганистан, чтобы способствовать его прогрессу. И у себя дома тоже надо хорошо проветрить собственную квартиру и выколотить мебель, на которую осела пыль войны. И даже, может быть, часть этой мебели выбросить в чулан или отправить на свалку. У меня есть привычка с юности вносить в записную книжку разные поразившие меня мысли выдающихся людей. Например... я сейчас вам покажу...

Он порылся в карманах, набитых картами, проспектами, газетами, и вытащил зеленую записную книжку малого формата, всю исписанную своеобразным прямым почерком, который с первого раза кажется простым и ясным, но при ближайшем ознакомлении оказывается очень неразборчивым.

— Я сейчас найду, — сказал Гью Лэм, — вот она, эта выписка из нашего Эмерсона, старика Эмерсона. Это его лекция «Молодой американец». Это наша золотая классика. Я люблю Эмерсона с юности. Вот что он говорил, послушайте: «Вам проповедуют только ходячие добродетели, учат, как добыть и сохранить собственность, воспитывают в вас чувство капиталиста... А вокруг сияют звезды, стоят леса и горы, живут звери и люди, и рождаются великие стремления нового строя жизни». Это говорил великий американец почти сто лет назад.

— Посмотрите в окно, — сказал Гифт.

— Что это такое? — воскликнул, закрывая записную книжку и пряча ее в карман, Гью Лэм. — Что это за доски набиты на скалы, и почему их так много, и они то внизу, то вверху?

— Это ответ на вашу речь, Гью Лэм. Это памятные доски о Столетней войне, которая велась здесь. Если бы мы вылезли из машины, вы бы прочли на этих досках, что тут погиб взвод, там батальон, там полк, там сержант, там офицер, там полковник, там генерал. Если бы мир походил на Хайберское ущелье, то он был бы увешан сверху донизу такими досками, на которых вы читали бы о бесконечных войнах, битвах и смертях в мировом масштабе. Но мир не Хайберский проход, где англичане воевали с афганцами так нудно и так безуспешно. Они запрещали им даже ходить по верхней дороге. А вон, видите, идет женщина-туземка, несет связку хвороста, и ей наплевать, что написано на этих досках. Она даже не знает, что она победительница в Столетней войне, и она крайне удивилась бы, если бы вы ей сказали про это, а между тем ее отец или дед, а может быть, и муж, сражались здесь всю жизнь, благословляя войну, которая дает им оружие, и добычу, и удовлетворение всех инстинктов. Без войны они были бы похожи на собственных ишаков, которые идут, куда их гонят.

Гью Лэм смотрел на памятные доски, мемориальные заметки прошлого, и ничего не отвечал. Они ехали некоторое время молча. Машина остановилась.

Гифт выглянул в окно и сказал, кивнув головой в сторону шофера:

— Он знает свое дело. Вылезем. Вам надо посмотреть на классический Хайберский перевал.

Они вышли из машины, чтобы немного размять ноги. Если бы шофер не остановился, то

они не заметили бы, как проехали это место, настолько оно было плоским, и никаких типичных для перевала склонов, ведущих на юг и на север, здесь не было.

После краткой остановки на перевале весь дальнейший путь они уже не возвращались к теме войны. Для Гифта было ясно, что этот молодой ученый с чертовски узкой специальностью представляет уникальный характер, являющийся следствием квакерского воспитания и научных дисциплин, далеких от современности, и спорить с ним на тему войны не стоит, а завлечь его в область чистой политики так же неинтересно, как пробовать применить речи Линкольна на заседаниях объединенных штабов.

Но он нравился Гифту, как персонаж из детской книжки, который идет в лес и не боится, что его съест волк, потому что это сказка и худо кончиться она не может. С другой стороны, он принимает мрачные картины жизни за раскрашенные рисунки, и ему от них не становится страшно. Гифт вспомнил, что где-то читал про одну девочку, которая шокировала свою мамашу, по-детски смеясь и ударяя в ладоши, радуясь калеке-нищему, уроду, покрытому язвами, имевшему чудовищно мрачный вид. Девочка хотела непременно с ним поиграть и никак не могла понять, что видит перед собой не игрушку, нарочно сделанную для ее забавы.

— А все-таки, — сказал Гью Лэм, как бы ища, чем кончить разговор о войне, — все народы хорошие: и шофер-афганец, который так наивно верил, что видит перед собой второй мост в мире; и этот пакистанский чиновник, который поил нас таким замечательным чаем; и англичане, которые все-таки построили эту дорогу, и мы по ней едем; и американцы, вступившие в войну, защищая человечество от фашизма; и русские, которые с таким бесстрашием сражались, перенося неимоверные страдания,— все народы хорошие, что бы вы мне ни говорили!..

— А я ничего вам не говорил! — засмеялся Гифт.

Он теперь смотрел на Гью Лэма, как на юродивого, как на неисправимого, безнадежного чудака. И ему захотелось попробовать его с другой стороны, узнать, есть ли граница этой ученой наивности или она действительно безгранична. И он сказал:

— Вам не приходилось иметь дело с восточными женщинами?

— Нет, — сказал Гью Лэм, — а вам?

— Мне приходилось, и должен вам сказать, что однажды я видел сразу столько красавиц, что их хватило бы на небольшой мусульманский рай.

— Что вы говорите? Вы попали тайком в какой-нибудь гарем? Это очень интересно, пожалуйста, расскажите.

— В гарем попасть и легко и трудно. Есть гаремы, где вы за деньги получите все, что хотите, но есть гаремы, где вы в такой же смертельной опасности, как и путешественник прошлых лет... Нет, я видел красавиц целый караван, и каких красавиц!.. Если бы они были гёрлс, им был бы обеспечен успех в мировом турне.

Вы знаете, что столицей Карачи стал потому, что Лахор слишком близко к границе и полон воспоминаний о недавней жестокой резне. Таким образом, пришлось столицей сделать город, который не имеет славных традиций, но является большим портом. Моряки иностранных пароходов и другие европейцы, которых в Карачи несколько тысяч, любят развлекаться на европейский манер. Меня даже возница тонги — это их типичный городской экипаж — спрашивал, не хочу ли я познакомиться с веселыми девушками. Он знает их сколько угодно.

Однажды один почтенный деятель, не духовный, но полный негодования, предложил обдумать закон, запрещающий проституцию. К нему присоединилось еще несколько членов парламента. Представляете, какой переполох возник в легкомысленном мире красоток! Они выбрали делегацию, которая должна была посетить этих членов парламента и принести им петицию.

— Как же они это сделали?

— Они разоделись, самые красивые, конечно, из них, в самые лучшие наряды, сели на отборных верблюдов, которые были украшены коврами, лентами, цветами, султанами, помпонами, и весь этот караван, за которым шли толпы любопытных, с медленностью карнавального шествия двинулся по улицам.

Они вручили свою петицию, написанную на пергаменте изумительным каллиграфом и заключенную в переплет, покрытый вязью тонких узоров.

— Ну что они могли написать? — воскликнул Гью Лэм.

— Это, конечно, писали не они, — ответил Гифт.

— А кто? Может быть, вы написали им этот текст?

— Он был так хорош, что я согласился бы быть его автором, но это писал человек — большой любитель этих гурий, тонкий стилист и знаток истории.

— Вы его знаете, этого человека?

— Да, знаю, но он просил, чтобы его имя не стояло под текстом. Он имеет в обществе определенное положение, и был бы большой скандал, если бы его участие в этой истории было разоблачено.

— Он имел какую-нибудь выгоду? Ему заплатили? Вы простите, что я так откровенно спрашиваю. Если нельзя ответить, не отвечайте. Но мне страшно интересно.

— Нет, ему не нужны были деньги. Он в них не нуждался. Но зато он вкушал позже поистине райские радости. У этих гурий хорошая память и добрые сердца...

— Ну, продолжайте, пожалуйста. Что же было в этой петиции?

— Вначале говорилось о том, что они принадлежат к самой древней в мире профессии, профессии столь трудной и ответственной, что ее можно причислить к тем видам производства, где рабочим выдается молоко и усиленное питание. Никто не может обвинить их в безбожии.

Когда великий халиф Омар ибн аль Хаттаб вошел в Египет и войско его, уставшее от походов и битв в пустыне, вкушало свой отдых в садах прекрасной Александрии, их сестры того времени сделали все возможное, чтобы дать усталым воинам почувствовать заслуженные ими покой и ласку.

Но великому халифу сказали, что его войско начинает впадать в слабости, которые лишат его прежнего мужества и сделают неспособным к дальнейшим подвигам. Разгневанный халиф отдал приказ об изгнании всех этих женщин из пределов Александрии.

Женщины обратились к святому, сопровождавшему войско, такому щиту справедливости, который был вне всяких подозрений. Этот святой выслушал дрожащих в отчаянии женщин и сказал после раздумья: «Правы вы, халиф не прав».

— Что же дальше? — спросил Гью Лэм, и его узкое загорелое лицо с большими круглыми очками по-мальчишески светилось любопытством.

— Халиф имел обыкновение каждый день делать прогулку верхом в окрестностях Александрии. Он ехал не спеша лесом финиковых пальм, которые, как известно, имеют только пышные кроны, и поэтому все, что делается внизу, далеко видно. Халиф увидел перед собой женщину и мужчину, которые позволили себе совершенно открыто то, за что он велел изгнать всех александрийских красоток. Он выхватил меч, чтобы одним ударом разрубить грешников, забывших все и не чувствовавших угрожающей им опасности.

Но когда Омар склонился с седла, то он узнал в мужчине того святого своей армии, мудрость которого была неоспорима. Как говорит предание, халиф некоторое время пребывал в молчаливом раздумье. Свита его тоже. А между тем жизнь продолжалась. Потом халиф слез с коня, снял с себя плащ и накрыл им лежащих, влез на коня и удалился в свой дворец, где в тот же день отдал приказ вернуть всех изгнанных женщин обратно в Александрию.

И вот женщины писали в петиции: если вы считаете себя мудрее великого халифа Омара и святее того святого его армии,— запретите нас и прогоните!

— Великолепно, великолепно! — закричал Гью Лэм, хохоча совершенно по-мальчишески. — Вот видите, и в вашем рассказе мир победил войну. Неужели вправду так было?

— Я сам был свидетелем этого события. После этого разговоры прекратились, и все остались довольны...

Машина мчалась все ближе к Пешавару, и, продолжая разговаривать и смеяться, Гью Лэм расспрашивал Гифта о все новых и новых подробностях жизни в Карачи и в Лахоре и наконец, когда уже показались пешаварские пригороды, спросил:

— А как мы доберемся до Лахора?

— Я думаю, что завтра мы улетим или уедем поездом, — сказал Гифт. — Не беспокойтесь, я все тут знаю.

— Вы так много и замечательно рассказывали, как настоящий бог дорог, но вы не сказали, зачем вы едете в Лахор.

— Я получил небольшой отпуск и в Лахоре встречу одного своего друга; я думаю, он уже приехал, мы с ним уговорились провести отпуск, организовав интересную туристскую поездку, где-нибудь в Кашмире или около него, в снежных горах, где можно вволю дышать горным воздухом и пить горное солнце.

— Я вам завидую, Гифт! Давайте встретимся в Лахоре...

— Давайте...

Так без приключений они въехали в пыльный, жаркий Пешавар, где провели остаток дня, отдыхая, и рано легли спать, так как самолет уходил на рассвете.

Продолжение следует.

Завод-разведчик

Так выглядят печи спекания.

В. СОЛОУХИН

Фото Н. Ананьева.

Когда-то Волховский завод дал стране первый алюминий. Наверно, были тогда торжества, говорились речи, газеты посвящали этому событию целые страницы.

Потом выросли заводы-гиганты, и слава Волхова должна была, естественно, померкнуть.

И я очень удивился, когда в Министерстве цветной металлургии мне посоветовали ехать именно в Волхов.

— А как же, в Волхов и поезжайте, там у них очень интересные дела.

— Да ведь это, наверно, самый маленький и самый старенький заводик в алюминиевой промышленности?

— Что из того, что маленький и старенький! Он у нас, знаете ли, удаленький.

...За большим письменным столом, заваленным в равной степени бумагами и кусками металла, сидел главный инженер завода и перебирал газетные вырезки. Вырезки были старые, они пожелтели и стерлись на изгибах. Было в них что-то от засушенных листьев, неживое, блеклое.

Главный инженер посмотрел на меня поверх очков, кивнул на кресло и развернул очередную вырезку. От неосторожного, слишком резкого движения она распалась на две части: видимо, разворачивали и читали ее больше других.

— Ну, ладно.— Папка с вырезками резко отодвинута на край стола.— Давайте разговаривать. Только скажите сперва: вы нефелинщик или бокситчик?

Заходя в кабинет главного инженера Волховского алюминиевого завода Владимира Петровича Почивалова, я знал про алюминий только то, что это очень легкий металл и что из него делают кастрюли и детали самолетов. Поэтому я ответил, что, видимо, тут недоразумение: я не металлург, а всего лишь...

— Знаю,— нетерпеливо перебил инженер.— Но кто вы по внутренней сути?

Глаза инженера теперь уже не поверх очков, а прямо в стекла смотрели озорно и весело. Тогда я понял, что Владимир Петрович шутит, и ответил:

— Не знаю.

По-волжски окая, Владимир Петрович сказал:

— Ладно. Будем просвещаться. Хорошо, что вы неиспорченный человек. Я из вас сделаю стопроцентного нефелинщика!

В ближайшие четверть часа я усвоил примерно следующее. Алюминий — один из самых распространенных на поверхности земли металлов. Можно даже сказать, что все мы ходим по алюминию. Обыкновенная глина, из которой делают кирпичи и в которой на проселках то и дело застревают машины, на одну треть состоит из окиси этого металла — глинозема. Но взять алюминий из глин очень трудно. Поэтому все заводы мира получают его из бокситов. Значит, вот отчего произошли бокситчики, идейным врагом которых собирался сделать меня главный инженер! Мне заранее стало жалко бокситчиков, тем более, что в следующую минуту до моих ушей донеслось:

— А запасы бокситов на земле можно считать довольно ограниченными. Разведано их, по крайней мере, мало.

В следующую четверть часа энергичными штрихами (и все тем же окающим волжским говорком) была набросана такая картина. Суровые серо-зеленые горы Кольского полуострова — горы апатитовой руды. У подножия одной горы работает рудная фабрика. Эшелон за эшелоном уходит отсюда. Они везут вещества, из которых будут приготовлены удобрения для колхозных полей. Но эшелоны и эшелоны другого вещества, получающиеся как побочный продукт, не использовались. Это отбросы, так называемые «хвосты». Это и есть не что иное, как нефелины.

— В этих неисчерпаемых отбросах тридцать процентов окиси алюминия. Вот так. И взять его довольно легко. Теперь я дам вам эти вырезки, вы их прочитаете дома, а завтра снова приходите на завод. Мы продолжим наш урок,— закончил инженер.

В гостинице я раскрыл папку с вырезками. Многого там я не понял, не будучи специалистом по химии и металлургии. Но ясно было одно: двадцать лет назад на страницах технической газеты разгорелась дискуссия. Толчком к ней послужили выступления профессора Ф. Н. Строкова, инженеров В. А. Мусякова и И. Л. Талмуда, в том числе статья последнего «Нефелины вместо бокситов». Редакция дала примечание, что печатается статья в порядке обсуждения. Бокситчики не замедлили открыть огонь. Уж одни заглавия хорошо отражают ход дискуссии: «Предложение инженера Талмуда неприемлемо», «Мнимые преимущества новой схемы», «Компромиссное предложение». Совсем маленькая вырезка содержала решение специальной комиссии. Ничего определенного в решении не было: «Необходимо до конца уточнить экономическую сторону этой крупной комплексной народнохозяйственной проблемы».

Владимир Петрович Почивалов на другой день мне объяснял:

— Ну, во-первых, нефелинов больше, и уж в этом их преимущество. Во-вторых, бокситы нужно добывать, содержать рудники, а нефелины все равно выливаются в реку. Однако самое главное не в этом. При переработке бокситов в процесс добавляется дефицитная сода, а тысячи тонн отходов выбрасываются на поля. Они, эти отходы, отравляют землю, воду. При переработке нефелинов мало того, что не нужно добавлять соды,— она сама получается как побочный продукт. Тут же производится поташ, дорогой и дефицитный. Отходы не идут на поля, из них делается первосортный цемент.

Итак, мы берем бокситы, добавляем к ним соду и получаем глинозем. Ничего больше. Или мы берем нефелины и, не добавляя к ним соды, получаем глинозем — раз, соду — два, поташ — три и цемент — четыре. В отбросы идет чистый кипяток, которым можно обогревать теплицы, оранжереи и дома рабочих. Вот это и называется комплексным использованием сырья.

— Тогда в чем же спор? Преимущества так очевидны...

Инженер усмехнулся.

— Вы оказались податливым учеником. А причины для спора всегда найдутся. Ведь спорил же кто-то, с какого конца разбивать яйцо: с тупого или острого. Но здесь шуток нет. Здесь все серьезнее. В бокситах пятьдесят процентов окиси алюминия, а в нефелинах — только тридцать. Вот одна причина для спора. Кроме того, нужно осваивать, тратить на это время и деньги. Всякие освоения связаны с убытками.

— И чем же кончилось дело?

Инженер задумался.

— Знаете что? — заговорил он наконец.— Все было: и шум, и дискуссии, и комиссии. Одним словом, после соответствующего переоборудования в 1949 году на Волховский завод прибыл эшелон с нефелинами, и завод получил задание — освоить.

...Василий Федорович Огневенков, машинист печи спекания, волновался и нервничал. Причин для волнения хватало. Еще несколько

дней назад Василий Федорович наведался на склад, куда прибывает сырье. Вместо кускового боксита на складе лежал сероватый тонкий порошок. Мастер взял его в горсть, процедил сквозь пальцы. Да-а-а... Черт его знает, какие неприятности и огорчения скрываются в этом мелком порошке! Но это было несколько дней назад. А сегодня в печь Василия Федоровича должна поступить первая шихта, приготовленная из нефелинов. Как же тут не волноваться?

Но многие, может быть, не знают, что такое печь спекания и что в ней происходит. Стальная труба диаметром около трех метров и длиною шестьдесят метров положена горизонтально с небольшим наклоном, заметным глазу. С одного конца в трубу вдувают пятнадцатиметровую струю огня, а с другого, холодного конца загружают шихту — жидкую, похожую на гороховый кисель. Труба медленно вращается. Шихта еще медленнее подвигается (благодаря наклону и вращению) от холодного конца трубы к горячему. Сначала она высыхает, потом в ней начинают происходить разные химические реакции. Она превращается в комки, раскаляется докрасна и добела. К горячему концу печи приходит совершенно иное, с иными химическими и физическими свойствами вещество — спек. Дойдя до отверстия, спек вываливается из печи в холодильник и уходит на дальнейшую переработку.

Вот в такую-то печь и должна была поступить новая шихта, изготовленная не из бокситов, как всегда, а из нефелинов. Василий Федорович Огневенков снял трубку телефонного аппарата и соединился с другим концом печи. Звонкий девичий голос загрузчицы ответил ему:

— Слушаю.

— Ну, готово ли там у тебя? Я включаю печь.

— Все готово, Василий Федорович, начинайте.

Пламя рванулось в холодные стальные недра печи. Сооружение дрогнуло и начало поворачиваться. На другом конце — Василий Федорович знал это — полилась в печь шихта. Что-то с ней будет?

Через глазок, забранный синим стеклом, можно смотреть в печь, наблюдать, что там делается. Труба просматривается вдоль ровно настолько, насколько она освещена бушующим у переднего конца пламенем. Дальше все сливается, тонет во мраке. Оттуда, из темноты, должна будет показаться сантиметр за сантиметром подвигающаяся шихта. Часа полтора пройдет с момента ее загрузки, прежде чем в освещенный участок печи вкатятся первые раскаленные комочки. Потом их будет все больше и больше. То крупные (с голову), то мелкие (с лесной орех), они начнут перекатываться друг через друга. Медленное вращение печи увлекает их вверх, но они, не успев подняться, сползают с гладких стенок трубы и таким образом постоянно перемешиваются.

Время шло. Мастер теперь не отходил от глазка. Сзади него стояли рабочие, инженеры, директор завода. Всем не терпелось узнать, как пойдет спекание. Вдруг Василий Федорович жадно прильнул к глазку, отшатнувшись, протер глаза, прильнул снова.

— Ну, что там, не тяни душу!

Вместо ответа мастер сошел с мостика и вытер лоб большим клетчатым платком.

— Все пропало. Течет спек, расплавился.

В глазок можно было видеть, как в печи бултыхается раскаленная добела и оттого похожая на молоко жидкость. Наиболее горячие слои ее ручьями хлынули в холодильник, а те, что были похолоднее, стали налипать, наворачиваться на стенки печи, образуя «кольцо», с которым потом мучиться и мучиться...

Директор завода круто повернулся и пошел из цеха. Некоторые будто бы слышали, как он пробурчал про себя:

— Я же говорил, что ни черта из этого не выйдет.

...И правда, не выходило. Как ни мучились рабочие, спек плавился. Трехметровой ширины труба залипала так, что не просунуть и голову. Завод давал восемь процентов из того, что должен был давать, и, значит, приносил миллионные убытки. Опять образовывались комиссии, с завода не уходили инспекторы, исследователи, ученые люди. Уже стали появляться компромиссные проекты — смешивать нефелины с бокситами, уже пошли разговоры о том, чтобы на нефелины вообще махнуть рукой и взяться за старое. Но в некоторых инстанциях на дело посмотрели иначе. Вспомнили того, кто еще двадцать лет назад зачинал сыр-бор. Нет более ярого защитника нефелиновой схемы, вот пусть он ее и налаживает. Инженер Израиль Львович Талмуд был назначен директором Волховского алюминиевого завода...

Почему плавится шихта? Может быть, потому, что она движется по печи слишком быстро и приходит в зону спекания недостаточно прогретой? А как замедлить ее движение? Очевидно, нужно уменьшить наклон печи. Легко сказать, уменьшить. Ведь это не спичечный коробок переложить с места на место!

Одно изменение вызывает другое. Вскоре после того, как наклон печи изменили, пришлось ускорять ее вращение. А там кому-то пришла мысль изменить и сам диаметр печи. Все это давалось не просто. Но как бы там ни было, а печи разошлись, разработались, и такой еще наступил день, когда они значительно перекрыли проектную мощность.

Правда, Василий Федорович Огневенков не дождался этого часа. Однажды он ступил было на железную ступеньку, чтобы подняться на мостик и посмотреть в глазок, но вдруг приник к железным гладким перилам и тихо соскользнул по ним на пыльный пол. Так уж бывает с сердцем.

Молодой рабочий Владимир Павлов заменил учителя, и печь продолжала свое вращение.

Но проблема печей, будучи уже решенной, казалась пустяковой по сравнению с проблемой фильтров.

Спек, полученный в печах, растворяют в воде. Причем алюминиевое вещество уходит в раствор наподобие обыкновенной соли, а все лишнее плавает в виде мути и оседает на дно. Задача, значит, состоит в том, чтобы отделить муть от чистого раствора. Масштабы производства таковы, что процедить все это невозможно. Для этого необходим барабанный вакуумфильтр. В большом металлическом сосуде с раствором вращается барабан, обтянутый тканью. В барабане разреженный воздух, и раствор отсасывается внутрь барабана. Твердые же частицы задерживаются тканью и опадают с нее на дно сосуда.

В несколько рядов стояли громоздкие белые барабаны в огромном помещении отделения фильтрации. И руководил этим хозяйством Григорий Краснопольский. Все шло хорошо, пока завод работал на бокситах. Но вот появился в фильтрах раствор, полученный из нефелинового сырья, и началось. Муть, задерживаясь на тканевых стенках барабана, теперь не опадала вниз, а накапливалась все больше и больше, накручивалась на барабан толстым слоем и, обладая качествами, близкими к цементу, моментально «схватывалась», то есть твердела. Теперь ее ни топором, ни кипятком нельзя было взять.

Краснопольский слывет на заводе энергичным рационализатором и изобретателем. Как только он не мудрил с фильтрами — все напрасно! Пробовали ставить разные ткани: то «диагональ», то «сноповязь», то металлическое полотно, а то обыкновенную бязь. Сотни метров тканей проходили через отделение фильтрации и выбрасывались из него в виде грязных, рваных лохмотьев. Текстильный институт разрабатывал специальные сорта тканей для Волховского завода, но и он ничего хорошего придумать не мог. Одна ткань пропускала наиболее тонкую муть сквозь себя и, значит, не выполняла своего назначения, другая быстро рвалась.

Тогда пришла мысль: а что, если помол спека делать крупней? Фильтрация, возможно, пойдет легче. Мысль оказалась счастливой. Мало-помалу барабаны начали работать. Ставили на них бязь, она держалась сутки, потом ее выбрасывали. Это было канительно, дорого, но другого выхода никто не знал.

Однажды, когда менялась ткань, инженер, руководивший работой, обернулся и увидел сзади себя директора с главным инженером.

— Довольно мучиться с этими фильтрами,— сказал директор и показал глазами на барабаны.

...Много пришлось поработать всему коллективу завода — почти год продолжалась эта работа,— чтобы заменить барабанные фильтры фильтрами-сгустителями.

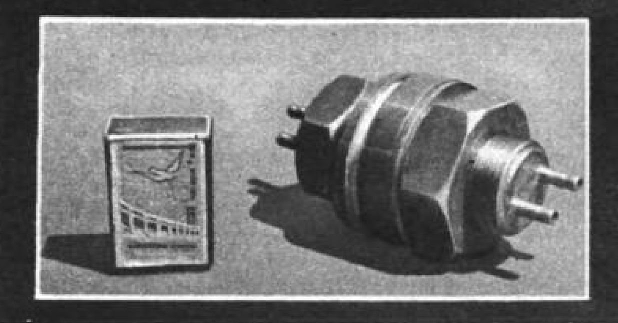
Сейчас, если вы зайдете в отделение фильтрации, вас поведут мимо установок, похожих чем-то на осьминогов. Многочисленные «щупальцы» опущены в чан с раствором и отсасывают его. Время от времени сверху в «щупальцы» подается струя воздуха, тогда вода в чане начинает бурлить, а частицы мути, налипшие было на «щупальцы», отлетают прочь.

Борьба была долгой, тяжелой, упорной. Для того, чтобы освоить новую технологию, нужно было постоянно искать. Ведь и фильтры-сгустители заработали не сами и не сразу. Не было механизма на заводе, который не подвергся бы изменению, усовершенствованию. Дух искания постепенно стал законом жизни на Волховском алюминиевом заводе. Из глиноземного цеха, где стоят печи спекания и фильтры, он распространился и в электролизный, и в содовый, и в цементный цехи, и на преобразовательную станцию. В 1955 году завод уже перекрыл проектную мощность. Это была большая победа коллектива.

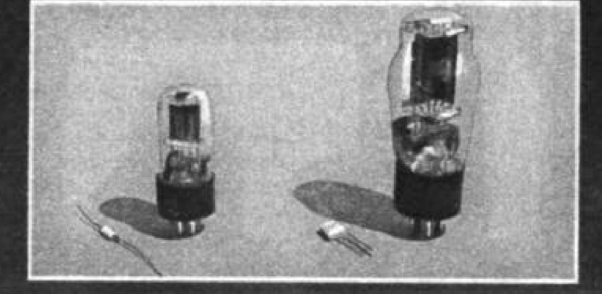
Волхов

Главный инженер В. П. Почивалов (справа) и начальник отделения В. А. Волков в отделении фильтрации.

ПРИБОРЫ - МАЛЮТКИ

Силовой германиевый выпрямитель на 350 ампер.

Германиевые выпрямители и усилитель (справа) и вакуумные радиолампы.

Радиоприемник «Малыш».

Фото Н. Ананьева.

Борис ЛЯПУНОВ

Еще сравнительно недавно слова «полупроводники», «полупроводниковые приборы» можно было прочитать лишь на страницах специальных книг и журналов. А раньше они почти не встречались даже и там: физики и инженеры-электрики занимались проводниками или изоляторами. Материалы же, которые нельзя отнести ни к тем, ни к другим, долго оставались белым пятном на карте физических знаний. Они — полупроводники — по своей электропроводности занимают как бы промежуточное положение между проводниками и изоляторами. К ним относятся большинство минералов, некоторые элементы и соединения...

И случалось то, что не раз бывало в истории науки. Знакомое, но малоизвестное, не привлекавшее к себе внимания раскрыло свои изумительные возможности. Так было и с атомной энергией. Давно ли понятия ядерной физики вошли в наш повседневный обиход? Теперь они волнуют миллионы людей.

Недалеко время, когда и полупроводники, совершающие революцию в технике, коснутся многого, с чем мы сталкиваемся почти на каждом шагу. Радиопередатчик размером с обыкновенный портсигар — это ли не техническое чудо? Чувствительный термометр, настолько маленький, что он едва заметен простым глазом: его можно, как тонкую иглу, ввести под кожу человека или в ткань цветочного лепестка — это еще одно применение «чудесных кристаллов», как иногда называют полупроводники.

«Механический мозг», мгновенно решающий сложнейшие математические задачи, «умная машина» в несколько раз меньше работающих на радиолампах — вот что значит полупроводники. Мощные установки, превращающие солнечную энергию в электрический ток,— таково «завтра» полупроводниковой техники. Миниатюрные, долговечные, с очень скромным «аппетитом», потребляющие ничтожно мало энергии, новые приборы сулят настоящий переворот в радиоэлектронике...

Однако этим далеко не исчерпывается послужной список полупроводниковых приборов.

На стенде выставки, развернутой в Таврическом дворце в Ленинграде, можно было увидеть множество любопытных экспонатов. Вот, например, радиоприемник «Малыш». Небольшая коробка. Вес ее не превышает полутора килограммов. В коробке уместились миниатюрные детали и вместо проводов тонкие линии из проводящих материалов, нанесенные подобно типографской краске на пластинки из изоляционного материала. Но если вместо ламп применить полупроводники, то и без того маленький приемник «Малыш» уменьшится еще раза в полтора. Настоящий карманный приемник!

Однако не он привлек наше внимание на выставке, а его соседи — приборы, разработанные в Физико-техническом институте Академии наук СССР. И прежде всего полупроводниковые германиевые выпрямители.

Постоянный и переменный ток— понятия, знакомые со школьной скамьи. Кому не известно, что в осветительной сети ток меняет направление пятьдесят раз в секунду! В какие-то мгновения он переходит через ноль, исчезает, и лампочка не мигает заметно для глаза лишь потому, что накаленная нить ее не успевает остынуть.

Переменный ток господствует в энергетике, впрочем, не везде: существуют владения и у постоянного тока. Сварку в ряде случаев удобно вести на постоянном токе. Без него не обойтись в электрохимии. Им питаются цепи возбуждения мощных генераторов, заряжают аккумуляторы. Наконец, электротранспорт. Там везде постоянный ток: на нем работают двигатели трамваев, троллейбусов, поездов метро, электровозов.

Целая армия выпрямителей, преобразующих ток из переменного в постоянный, нужна металлургам и сварщикам, энергетикам и транспортникам. По-разному выглядят и действуют ее представители. Широко распространен ртутный выпрямитель — прибор, в котором возникает электрическая дуга в ртутных парах, и ток благодаря ей может идти только в одном направлении.

Не новость в электротехнике и полупроводниковые твердые выпрямители, из селена, например. Но и ртутный и селеновый выпрямители занимают немало места, не всегда их можно использовать с выгодой там, где это необходимо.

Новый тип германиевого выпрямителя меньше селенового примерно в тысячу раз. Он работает почти без потерь, с весьма высоким коэффициентом полезного действия: 98—99 процентов.

С выставки я поехал в Физико-технический институт, где разрабатывались и исследовались новые приборы, к заведующему сектором Владимиру Максимовичу Тучкевичу и младшему научному сотруднику Жоресу Ивановичу Алферову.

Алферов показывает маленькую, в несколько сантиметров диаметром, блестящую круглую пластинку из германия. К ней приварена другая, индиевая. Это — сердце выпрямителя, основа прибора.

Почему полупроводники, известные физикам уже много лет, только теперь выходят на широкую дорогу?

Многие помнят первый, несовершенный полупроводниковый выпрямитель — маленький кристаллический детектор, доставлявший немало горьких минут радиолюбителям двадцатых годов.

Потребовалось время, чтобы проникнуть в тайны чудесных кристаллов. Нужно было научиться получать их в идеально чистом виде. Слово «идеальный» здесь вовсе не преувеличение: например, один атом примеси на сто миллионов атомов германия меняет его электрические свойства.

Вот эта-то удивительная способность резко изменять электрические свойства и открывает перед полупроводниками широкое поле деятельности в электронике.

Итак, выращен кристалл германия. Стоит в часть этого кристалла ввести добавку другого элемента — соседа по периодической системе, скажем, индия,— и в недрах германия начнутся перемещения электрических зарядов. Дело в том, что примеси добавляют либо, наоборот, захватывают электроны атомов полупроводника. При этом достаточно крайне малого количества примесей, чтобы увеличить или уменьшить во много раз способность полупроводника проводить ток.

Та часть кристалла германия, в которую добавлены атомы индия, отличается по своим электрическим свойствам от остального кристалла. На границе между областью кристалла с примесью индия и остальной его частью появляется очень тонкий слой, который при пропускании переменного тока играет роль двери, открывающейся лишь в одну сторону. Току противоположного направления дорога закрыта, для него сопротивление этого «запирающего» слоя чрезвычайно велико. Образуется своеобразный «барьер», «порог», через который ток может течь только в одном направлении. Приготовленный таким образом кристалл германия получает свойство выпрямлять ток.

Раньше в кристаллическом детекторе нечто подобное происходило лишь на крошечной площадке, в точке, которую с трудом удавалось найти. В германиевом кристалле выпрямление происходит от всей поверхности «запирающего» слоя. Этот слой может достигать десяти квадратных сантиметров. Величина тока, выпрямляемого таким кристаллом, может быть до сотен ампер при напряжении сотни вольт. Это уже выпрямитель большой мощности.

Кажется, ничего сложного. На самом же деле ученым пришлось преодолеть много трудностей. Одна из них, например,— подвод и отвод тока от германиевой пластинки.

Скажем одно: кропотливый труд увенчался успехом. Уже в заводских условиях испытаны выпрямители для сварочных аппаратов. Уже сейчас ясно, что новые приборы дадут немалый экономический эффект. И в Директивах XX съезда партии по шестому пятилетнему плану записано: «Освоить производство полупроводниковых силовых выпрямителей».

В. М. Тучкевич в лаборатории.

В ЦЕНТРЕ ВАРШАВЫ

Л. КУДРЕВАТЫХ **Фото И. ТУНКЕЛЯ.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Мы быстро привыкаем к новому. Кажется, уже века возвышаются над столицей нашей Родины Московской высотные здания, видимые со всех дальних подступов к городу. Они, эти здания, придали Москве современный облик и вписались в пейзаж как неотъемлемая ее часть.

Так же трудно представить себе сегодняшнюю столицу новой Польши Варшаву без поднявшегося над городом Дворца культуры и науки имени И. Сталина. Контурным силуэтом в дымке рассвета, белым, ярко освещенным великаном в полуденный зной он возвышается над Варшавой, зовет и манит к себе.

Не прошло еще и года, а во Дворце побывали уже миллионы жителей Варшавы и других городов Польши, многие зарубежные гости.

Варшавский Дворец стал местом паломничества.

С июля 1955 года, когда Советское правительство, построив этот Дворец, передало его в дар польскому народу, сюда ежедневно идут многочисленные экскурсии. Минуя мраморные колоннады входа, люди поднимаются в вестибюль, разбиваются на группы и отправляются в увлекательное путешествие. Именно в путешествие! Как бы дотошны ни были экскурсанты, но пока ни одному из них не удалось за день побывать и в половине помещений Дворца.

С одной из таких экскурсий мы и вошли во Дворец. Группа гостей внимательно рассматривала редкую роспись потолков и стен, ажурные, похожие на кружева металлические двери — врата, огромные люстры и плафоны из стекла и металла, выполненные по древним национальным польским мотивам, красочные панно на стенах, написанные даровитыми художниками. Экскурсовод пока молчал и вел нас из одной комнаты в другую, наблюдая за изумленными взглядами посетителей.

А когда мы вошли в полукруглое фойе с десятками массивных дверей, ведущих в концертный зал, экскурсовод предупредил:

— Можно войти. Но тихо: идет концерт.

Мы осторожно открыли дверь. В огромной чаше амфитеатром расположены десятки и десятки рядов, удобных, обитых красным бархатом кресел с беломраморными спинками. Все места в зале были заняты. На огромной эстраде, видимой с любой точки, выступали певцы. Шел обычный для этого зала дневной концерт. Мы стояли зачарованные. Такого зала по красоте, объему и удобствам я, например, еще не видывал!

Увлекаемые экскурсоводом, мы с сожалением покинули концерт. Полные впечатлений и дум, шли мы через коридоры и комнаты, через кафе и читальни, минуя технические и книжные выставки. Наконец наша группа оказалась в небольшом, мест на четыреста, зале с экраном над эстрадой. Нас попросили присесть.

— Это один из двенадцати лекционных залов, размещенных в разных этажах Дворца,— объяснил экскурсовод. — Каждый из них отделан и оформлен по-своему, но одинаково удобен для работы. Ежедневно в этих залах читают лекции, проходят собрания, занятия кружков. Здесь выступают видные ученые, инженеры, новаторы производства, наши зарубежные гости.

Сидевший слева от меня сосед оказался познаньским почтальоном. Он что-то внимательно записывал, а экскурсовод уже рассказывал историю строительства Дворца, и в его неторопливой речи упоминались имена советских рабочих, усилиями которых поднялся над Варшавой этот красавец-гигант.

— Дворец культуры и науки стал как бы символом вечной дружбы народов новой Польши и Советского Союза. Эта дружба ковалась в боях, она скреплена кровью, пролитой в минувшей войне за счастье народов, она сцементирована теперь нашей общей, единой целью.

Мой сосед оторвался от записной книжки и спросил:

— Польские рабочие помогали строить Дворец?

— А как же! Многие заказы для Дворца были размещены на предприятиях Польши и выполнены досрочно и отлично. В оборудовании аудиторий принимали участие польские ученые, художники и скульпторы. И сейчас, когда Дворец живет полной жизнью, в его адрес идут подарки со всех концов польской земли. Например, шахтеры Силезии и работники Института ботаники прислали нам пальмы. Недавно работница Лодзи Станишевская привезла из дома огромный фикус, который вы увидите, если успеете сегодня побывать там, в другом конце здания, во Дворце молодежи.

— Какие учреждения и организации размещены в этом огромном здании? — спрашивает молодая женщина.

— Здесь находятся Академия наук Польши, Общество по распространению знаний, Дворец молодежи, театр Дома Войска Польского, Театр молодой Варшавы, два кинотеатра, двенадцать лекционных залов, концертный зал, который мы с вами видели, библиотеки, читальни, кафе, постоянная выставка «Технический прогресс на службе человека», размещенная в двенадцати залах. Часто организуются специальные выставки, например, выставки югославской графики, книги и плакаты ГДР, просвещения в СССР, народного творчества Польши за десять лет, выставка польского плаката и многие, многие другие. Скажу еще: кроме экскурсий во Дворце, в его концертных и лекционных залах, театрах, кино ежедневно бывает от десяти до двадцати пяти тысяч человек. Дворец стал действительным центром общественной, культурной и научной жизни столицы и всей Польши.

К площади перед Дворцом стягиваются транспортные магистрали города. Здесь проходят митинги и парады, а зимой, в школьные каникулы, площадь превращается в народный каток.

Теперь, кажется, вопросам не будет конца. Кто-то спросил:

— Сколько мест в концертном зале?

— Две тысячи восемьсот семьдесят мест, не считая президиума — эстрады.

— Что можно сказать о размерах Дворца?

— Площадь, на которой построен Дворец, равна 3,3 гектара. Общая площадь помещений, расположенных на тридцати трех этажах, — одиннадцать гектаров. Конец шпиля, венчающего Дво-

Экскурсанты во Дворце культуры и науки.

В ЦЕНТРЕ ВАРШАВЫ

Главный вход Дворца культуры и науки имени И. Сталина.

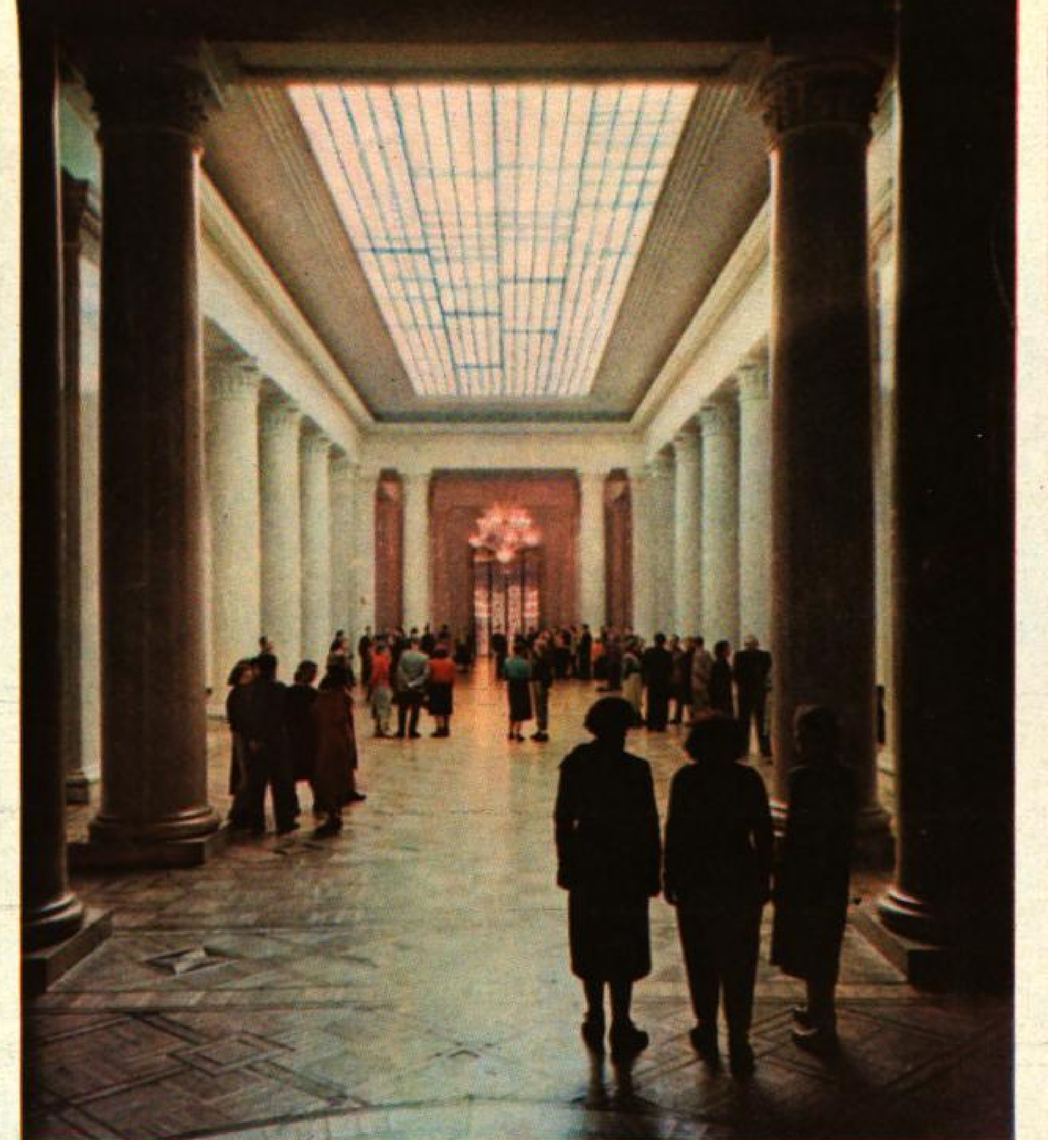

Издалека виден стройный силуэт Дворца.

Зимой перед Дворцом был залит каток.

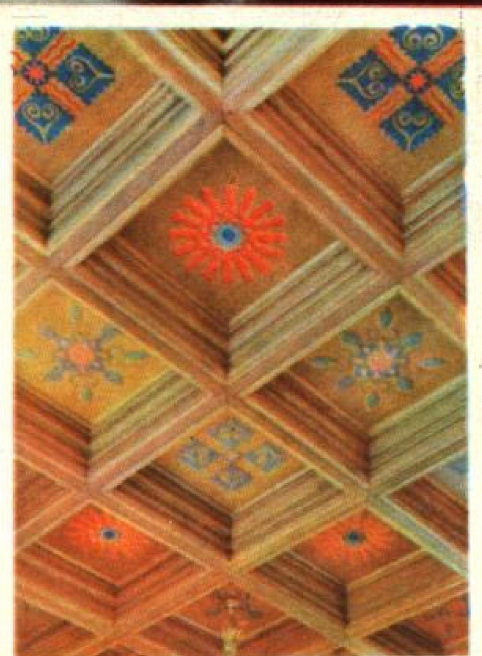

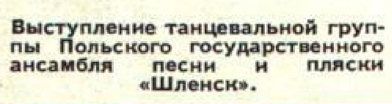
Колонный зал.

На снимках слева: вверху — вход в театр кукол; внизу — уголок кафе.

Роспись потолка.

Выступление танцевальной группы Польского государственного ансамбля песни и пляски «Шленск».

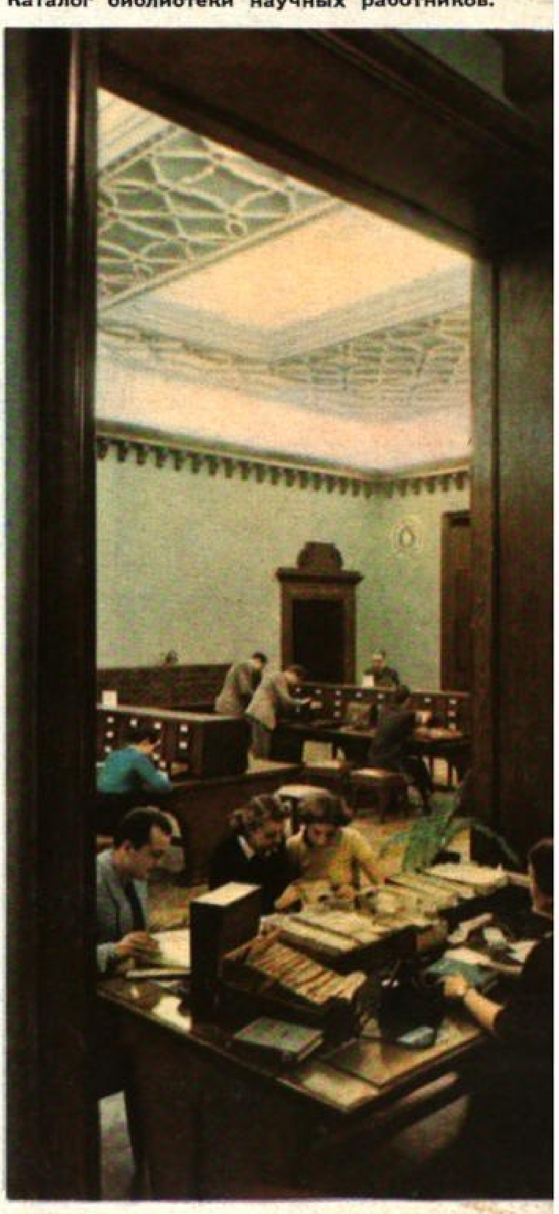

Читальный зал научных работников.

← Зал конгрессов.

Каталог библиотеки научных работников.

Маленькая Анна выбрала удобную «позицию» и рисует.

Ребята учатся шить. Им помогает воспитательница Янина Кравчик.

На водных дорожках плавательного бассейна.

В детском читальном зале.

рец, находится на высоте двухсот тридцати двух метров.

— Скажите о техническом оборудовании.

— Дворец богато оснащен новейшим техническим оборудованием. Для его монтажа использовано свыше тысячи километров электрических проводов и кабелей. Во Дворце действуют тридцать три лифта различного назначения, шестьсот двенадцать электрических моторов, восемь радиоузлов и свыше тысячи громкоговорителей.

Слушая увлекательный рассказ экскурсовода, я заметил, что сообщаемые им сведения записываем не только я и мой сосед, почтальон из Познани, а почти все, кто был в нашей группе.

— Надо подробно рассказать друзьям о виденном, — говорил мне потом почтальон из Познани. — Это действительно увлекательно, а главное, какая большая культурная и научная жизнь кипит в этом здании!

Беседа беседой, но каждому хочется больше увидеть и узнать. И как бы догадываясь о нашем желании, экскурсовод снова водит нас по бесконечным комнатам, потом приглашает в лифт, и мы стремительно поднимаемся на одну из площадок высотной части здания. Взору открывается вся Варшава и ее предместья. Люди находят и узнают свои улицы, дома, радуются четким линиям города, возрожденного их руками.

— Что еще желаете посмотреть? — спрашивает экскурсовод и, не дожидаясь ответа, говорит: — Мы успеем еще побывать во Дворце молодежи.

Спускаемся на первый этаж, выходим на площадь, огибаем здание и через другой вход с колоннадой попадаем во Дворец молодежи. Он занимает всего один отсек здания. Но сколько здесь примечательного, сделанного с любовью и отцовской щедростью! Большой плавательный бассейн. Театр кукол. Залы для бокса, тяжелой атлетики и разных спортивных игр. Огромная мастерская со станками и всевозможными приспособлениями в зале «умелых рук». Мы встретили ребят за токарными и столярными станками. Мальчики и девочки учатся шить, клеить, делать мебель, ткать. У ткацкого станка мы познакомились с сестрами Марией и Аней Хмелевскими (их вы увидите на четвертой странице обложки этого номера «Огонька»). В специальных кабинетах занимаются кино- и фотолюбители, молодые биологи.

Всеобщий восторг вызвал зимний сад и комплекс чудесных аквариумов. Мы увидели тут сотни самых различных растений — дар жителей Польши, сотни различных рыб.

— В дни зимних каникул ежедневно здесь бывает свыше шести тысяч ребят, — резюмирует экскурсовод. — Молодежь Польши безмерно благодарна советскому народу за такой подарок.

Когда мы вышли из здания, был уже вечер, а площадь у Дворца бурлила народом. Одни пришли на концерт, другие — в театры и кино, третьи спешили в лекционные аудитории. Мы поблагодарили экскурсовода. Познаньский почтальон на прощание спросил:

— Треть Дворца мы успели посмотреть?

— Что вы! Я тут работаю пятый месяц, а во всех комнатах еще не бывал. Их ведь две тысячи восемьсот тридцать!

Мы были во Дворце культуры и науки еще несколько раз и, конечно, не смогли ознакомиться и с десятой долей его богатств, но всегда в восторг приводил нас красивейший концертный зал.

— Это не только зал для концертов, — заметил однажды заместитель директора Дворца товарищ Лазухевич. — Это зал конгрессов. Здесь проходят все важнейшие партийные и общественные съезды, конференции, собрания. Тут, в зале, могут собираться международные конгрессы и конференции: сидящий в любом кресле, взяв радионаушник, может слышать перевод речи на нескольких языках.

Наш Дворец — дар советского народа, символ нашей дружбы, — продолжал товарищ Лазухевич. — Во Дворце побывали тысячи зарубежных экскурсий, его осматривали такие общественные и государственные деятели, как У Ну и Пальмиро Тольятти, Неру и Марсель Кашен, Чжу Дэ и Отто Гротеволь, и многие, многие другие. В книге записей почетных гостей выражены чувства восхищения представителей десятков стран земного шара. Прошу вас, расскажите об этом вашим соотечественникам — строителям Дворца, всему советскому народу и передайте им нашу благодарность за такой чудесный дар.

Действительный член Академии художеств СССР С. Т. Коненков (слева) и М. С. Сарьян на открытии выставки.

Фото Г. Санько.

ЩЕДРОСТЬ ТАЛАНТА

В Академии художеств СССР состоялась выставка произведений выдающегося живописца нашей страны, народного художника Армянской ССР Мартироса Сергеевича Сарьяна.

В одном из залов висит большая картина. На ней изображены три человека: мечтательный и задумчивый юноша, сорокалетний мужчина с волевым, напряженным лицом и между ними седобородый пожилой человек, взгляд которого исполнен силы и гнева.

Картина эта, датированная 1943 годом, называется «Автопортрет. Три возраста» и представляет как бы контуры своеобразной автобиографии, писанной кистью художника. Мы видим молодого студента Московского училища живописи, ваяния и зодчества; видим полного сил и творческих замыслов вдохновенного живописца-романтика, объездившего Африку, Иран, Францию и создавшего уже такие произведения, как «Улица в Константинополе» и «Голова девушки», одобренные великим Серовым; видим, наконец, умудренного долголетним опытом живописца-патриота — таким, каким его знали в годы Великой Отечественной войны: человека, полного неистребимой энергии и неистребимой ненависти к врагу.

Выставка разносторонне отражает более чем полувековой период деятельности самобытного художника. Здесь представлены и ранние работы М. Сарьяна, отмеченные творческими поисками, и работы последних лет, созданные уверенной и смелой кистью зрелого мастера.

М. Сарьян — по преимуществу певец родной природы. Несмотря на разнообразие представленных на выставке полотен, эта особенность творчества художника сразу бросается в глаза, пленяет зрителя.

Пейзажи, написанные Сарьяном, ослепительно, жизнерадостно солнечны. И люди, и горы, и дома, и зелень деревьев — все ярко, все залито светом, все отражает и излучает солнечные лучи, словно, разведя на палитре краски, художник подмешал в них немного солнца. Его теплая ласка почти физически ощущается в картине «Цветущие деревья». Зноем южного лета дышит каждый блик картины «Под абрикосовыми деревьями».

Просторны, полны воздуха пейзажи, посвященные родине художника — Армении. Только человек, выросший в стране высоких гор и широких долин, может с такой силой почувствовать и передать прелесть просторов, воздушной дымки у горизонта, алмазного блеска покрытых снегом горных вершин.

Часто М. Сарьян любуется природой откуда-то с больших высот, пишет свои пейзажи где-то рядом с облаками. (На картине «Вид с пушкинского перевала» художник даже изобразил этот белый дым лежащих у его ног облаков.) Небольшая картина «Арагац» вместила в себя и горы, и долы, и извилистое ущелье, и усадьбу МТС, и маленький городок, и деревню, разбросанные в зеленой долине.

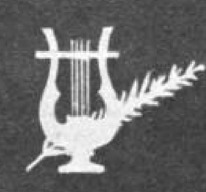
Богатством и вместе с тем лаконизмом колорита отмечены натюрморты, написанные художником в разные годы, — все это обилие цветов и плодов.

В портретах М. Сарьян своеобразным, одному ему присущим почерком передает самую суть своего ощущения характера человека. Перед нами архитектор Таманян, погруженный в размышление, сосредоточенный на одной мысли; исполненная женственности и обаяния Галина Уланова; художница Яблонская, чем-то похожая на жизнерадостных и веселых девчат из ее картины «Хлеб».

Замечательный советский художник М. Сарьян, которому недавно исполнилось семьдесят пять лет, со щедрой и неувядающей молодостью таланта обогащает наше искусство все новыми и новыми прекрасными произведениями.

Сергей АНТОНОВ

СЛОВО К КОМПОЗИТОРАМ

В нынешнем году состоится Второй съезд композиторов. Вновь предстоит серьезный, большой разговор о современном состоянии музыкального творчества. Со времени созыва Первого съезда минуло восемь лет. За это время появилось много нового в симфонической и камерной музыке. Новые названия мы видели не раз и на афишах театров оперы и балета, оперетты. Сегодня вопрос о том, как и что из созданного принял народ, волнует не только композиторов. Все любители музыки, артисты, музыканты также стремятся принять участие в этом разговоре, сказать свое слово.

В беседах с нашими корреспондентами деятели искусства поделились своими мыслями.

Вместо трибуны

Д. ОЙСТРАХ,
народный артист СССР

Мы ждем от съезда композиторов серьезных творческих дискуссий. Надо надеяться, что с его трибуны композиторы в полный голос выразят свое самостоятельное мнение, свои собственные соображения по важным вопросам развития советской музыки. И пусть над этими высказываниями не будет довлеть авторитет небольшой группы руководителей Союза советских композиторов. Ведь нередко бывало, что их личное мнение выдавалось за мнение широкой музыкальной общественности и масс слушателей. А руководители менее всего должны ориентироваться только на свои личные вкусы (не всегда безошибочные), им следует проявлять бо́льшую широту взглядов.

Надо надеяться, что на Втором съезде, да и до съезда, прозвучит не только голос критики, но и самокритики. И тогда, мы уверены, новые произведения советских композиторов отразят глубокие запросы нашей аудитории.

Советское музыкальное творчество необычайно богато, оно развивается не только в одном узком направлении. Превосходно, что композиторы у нас разные, хотя и стоят на одной идейной платформе. Советская музыка должна быть хорошей и **разной**! Наши композиторы могут быть предельно разнообразны в выборе музыкального языка, формы, жанра, средств исполнения. Одна основная цель их воодушевляет — создавать содержательные и правдивые произведения. Вместе с тем нашим композиторам нет надобности ради новизны изобретать нечто поражающее публику — экстравагантные находки, характерные для творчества некоторых ультрасовременных западных музыкантов.

И в классической, а не только в современной музыке встречаются произведения, для восприятия которых требуется различная степень подготовленности слушателей, и этого вовсе не следует опасаться. Мы видим теперь, что музыкальные произведения, не воодушевленные глубокой мыслью, но зато привлекавшие своей «доходчивостью» менее подготовленных слушателей, утратили для них свою былую привлекательность. С каждым годом все более широкие массы проявляют интерес к серьезной и сложной музыке, и это очень отрадно.

Наши музыканты-исполнители (не только «маститые», но и молодежь) охотно включают теперь в концертные программы своих гастрольных поездок по Советскому Союзу все новые и новые произведения советских композиторов. Это говорит о растущем интересе слушателей к новой советской музыке.

За последние годы мне довелось много выступать за рубежом — в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Берлине, Токио, Стокгольме, Брюсселе и других городах. И я бываю безгранично горд и счастлив там, за рубежом, когда в рецензиях пишут, что «высшим художественным пунктом», то есть наиболее художественно ценным в программе моего концерта, были произведения советских композиторов.

Почему?

И. ПЕТРОВ,
главный дирижер Советской Армии

Недавно в московском Дворце культуры имени Горбунова выступал перед рабочими машиностроительного завода показательный духовой оркестр Министерства обороны, исполнявший произведения советских композиторов. Предполагалось, что после концерта состоится творческое собеседование. Мы не очень верили, что оно будет длительным и обстоятельным: время было позднее. И мы несколько удивились, когда после концерта увидели множество людей, сидящих в зале, и лес рук поднялся в ответ на предложение поговорить о духовой музыке. Было жаль, что в этом разговоре участвовали только те немногие композиторы, которые пишут для духового оркестра.

Почему в программах духовых оркестров не встречаются имена ведущих советских композиторов? Почему совсем нет духовой музыки, рассчитанной на исполнение самодеятельных оркестров? Почему не создаются ученические оркестры духовой музыки в средних школах?

«Почему» было много. И мы, композиторы, музыканты, посвятившие себя этому жанру, могли бы к этим вопросам прибавить еще и другие. Как могло случиться, что такой доступный и богатейший по своим художественным возможностям жанр забыт нашими композиторами и всеми связанными с музыкой учреждениями? Радио и концертные организации, нотные магазины, заводы музыкальных инструментов — никто не проявляет должного внимания к духовой музыке. А ведь ее роль в эстетическом воспитании народа бесспорна.

В очень важном деле воспитания молодежи, организации ее досуга, развития ее вкусов большое значение имеют самодеятельные духовые оркестры, создаваемые в школах и вузах, на заводах, фабриках, в колхозах и даже при домоуправлениях. Но для этого нужен разнообразный репертуар: танцевальный, развлекательный, героический, воспевающий подвиги лучших людей нашей страны, воспитывающий чувство патриотизма. Нужны и марши для походов, спортивных праздников.

Несколько композиторов, которые пишут для духовых оркестров,— Н. Иванов-Радкевич, А. Чугунов, В. Рунов, В. Маршалов, В. Кручинин и некоторые другие — не могут удовлетворить их огромную потребность. Писал для нас раньше Р. М. Глиэр. Его марш «Красной Армии» уже в течение тридцати лет украшает программы военных оркестров. Писали С. Василенко, А. Хачатурян. Сейчас они не пишут. Но мы оптимисты и все же надеемся, что композиторы отважатся на такой «подвиг» и напишут хорошую музыку для духовых оркестров.

В клубе московского завода «Компрессор». Выступает оркестр Большого театра СССР. Дирижирует народный артист СССР композитор Арам Хачатурян.

Фото М. Озерского.

Снова о том же

П. СЕЛИВАНОВ,
народный артист РСФСР

Ни с чем не сравнима творческая радость дать сценическую жизнь музыкальному образу, только что родившемуся на страницах композиторской партитуры. Без создания нового репертуара немыслимо развитие оперного театра, творческий рост его исполнительских сил. Застой в творчестве композиторов неминуемо рождает застой и в исполнительском искусстве.

Вот почему для нас жизненно важно появление новых советских опер. Но ни мне, ни моим товарищам по сцене еще не посчастливилось создать полноценный образ советского человека наших дней, решить наконец эту трудную и благородную задачу. Композиторы крайне редко радуют нас операми на современную советскую тему. А когда такая опера появляется,— это либо обращение к образам истории, либо

«Декабристы» Ю. А. Шапорина в Государственном академическом Большом театре. Сцена из 2-го действия. На Сенатской площади. Щепин-Ростовский — заслуженный артист РСФСР В. В. Ивановский, Рылеев — народный артист СССР А. П. Иванов, Каховский — народный артист СССР Г. М. Нэлепп, Якубович — народный артист Узбекской ССР П. В. Воловов, Бестужев — народный артист РСФСР И. И. Петров.

Фото А. Батанова.

«Заря» — опера К. Молчанова в постановке Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Капитан Берсенев — Г. Дударев, матрос Годун — Б. Шапенко.

Фото М. Муразова.

очередной, уже музыкальный, вариант литературного произведения.

Ежедневно и ежечасно в нашей действительности раскрываются душевная красота советского человека, его благородные помыслы. Чутко «услышать» духовный строй современника, понять главное в его характере, воплотить в музыкальном образе — такова первостепенная задача советских композиторов.

Хотелось бы напомнить им и о необходимости разнообразить оперные жанры. И зритель и мы, артисты оперного театра, соскучились по хорошей лирической или лирико-комедийной опере на современную тему. Как ни странно, эти популярные оперные жанры вовсе не привлекают внимание композиторов и драматургов.

Язык музыки

К. ИВАНОВ,
главный дирижер Государственного симфонического оркестра Союза ССР

Нас, музыкантов-исполнителей, всегда радует возможность выступать перед слушателями с лучшими творениями советских композиторов. И очень печально, что наряду с многими великолепными произведениями зачастую на концертной эстраде появляются и такие, первое исполнение которых становится и последним. Чрезмерная, вымученная сложность, пренебрежение эмоциональностью и мелодичностью мстят за себя. Вряд ли кого увлечет музыка, которую нужно многократно прослушивать для того, чтобы на двадцатый раз понять, а быть может, и вовсе не понять. Писали же русские классики так, что музыка их доходила до самого сердца! И, право же, давно доказана ложность некоей «теории», выдуманной незадачливыми лжеучеными-музыковедами, о том, что если теперь не поняли, то «последующие поколения поймут».

Наши композиторы впадают иногда и в другую крайность: пишут до предела упрощенно, предпочитая шаблонное решение темы. А это скучно. Одной «простотой» мелодии не обойтись. Слушатели прекрасно разбираются в такой примитивной подделке «под простоту».

За последние годы мне довелось много выступать перед самыми различными аудиториями, познакомиться и с зарубежными слушателями. Язык музыки сближает разных людей, укрепляет дружбу. Наше музыкальное искусство воспринимают за границей как искусство передовое.

Что пожелать нашим композиторам? Создать как можно больше хороших произведений, доступных и содержательных, гуманистических и народных. Тогда и музыкантам-исполнителям будет чем радовать советских и зарубежных любителей музыки.

За лирику!

В. НЕЧАЕВ,
солист Всесоюзного радио

Как-то после одного из концертов, который транслировался по радио, я получил письмо от неизвестного мне слушателя. Он писал: «Мы вас часто слушаем по радио, но почему вы так мало поете нового? Многие из ваших песен мы слышим не первый год». Стыдно было читать эти строки, и я негодовал на композиторов, которые заставили нас, певцов, оказаться в таком положении.

Именно заставили. Шестнадцать лет я пою советские песни с эстрады и пятнадцать работаю на радио. Но я не наделен талантом ашуга и, как исполнитель, нахожусь в крайне затруднительном положении. Слушатели, особенно молодые — а они составляют большинство в концертных залах,— ждут лирических песен, веселых и грустных, песен про чувства, переживания, сомнения, расставания и встречи... Ждут таких песен, которые хочется спеть девушке на свидании, таких, чтобы повеселить друзей, таких, под которые хорошо закружиться в танце, таких, которые заменят слова, вздохи, взгляды,— словом, песен о любви. А таких песен нет. Не пишут их композиторы или пишут так, что никто их не поет. Какие чудные лирические песни когда-то создавали Дунаевский, Соловьев-Седой, Блантер, Мокроусов, Милютин — теплые и искренние, с красивой, запоминающейся мелодией, задушевными словами! Я помню, когда впервые исполнял «Вечер на рейде», «На солнечной поляночке...», «Сирень-черемуху», «Сормовскую лирическую», «Мы с тобою не дружили», «Костры горят далекие», как хорошо принимали их слушатели, не отпуская певца со сцены, пока не повторишь еще и еще. Сколько было писем на радио с просьбой прислать ноты и слова, сообщить, когда вновь эти песни будут исполняться!

А теперь? Композиторы забыли о лирических песнях, забросили этот жанр и поэты. И смотришь, на концертах певцы и певицы лирического жанра все больше «переключаются» на западные песни. Я, например, с огромным наслаждением всегда слушаю Ива Монтана, Лолиту Торрес. Но когда наши исполнители, забросив советский репертуар, принялись распевать только их песни, мне кажется, это неверно. А ведь композиторам, пожалуй, и невдомек, что и они за это в ответе.

В практике нашего радио упрочился такой порядок: каждый день, а иной раз по два раза в день передают новую песню как лучшую. Но и упорство никого не убеждает, и ни одну из этих песен что-то не запел народ.

Сейчас проходят встречи композиторов со слушателями, вечера песен. Мне кажется, такое тесное общение должно стать постоянным. Чем ближе будут композиторы к своим слушателям, чем чаще они будут с ними встречаться, тем лучше они узнают их запросы, вкусы. И, может быть, тогда напишут песни, которые вновь запоет молодежь.

Наш современник

Под таким обязывающим заглавием вышла первая книга литературно-художественного и общественно-политического альманаха Союза писателей СССР (прежнее название «Альманах год такой-то»). Многого ждет читатель от издания, призванного стать зеркалом современности. Первая книга альманаха обещает оправдать такие ожидания.

Открывающие альманах публицистические заметки Олега Писаржевского «Чем мы победим» языком цифр и фактов показывают реальность нашей основной экономической задачи.

Различны манеры рассказчиков и очеркистов, представленных в альманахе, различны темы их произведений, но это и привлекает читателя. Андрей Меркулов в повести «Зимнее серебро» поведал о силе духа советского человека. Рядом с повестью Меркулова помещен дышащий всеми ароматами земли рассказ Станислава Мелешина «В степи» — о большой любви степной красавицы Любавы, которая полюбила высокого, нескладного плотника Алешу, полюбила открыто, горячо, а парень оказался недостойным ее сильного чувства.

Один из самых привлекательных материалов книги — «Раздумья» замечательного советского писателя Михаила Пришвина. Его размышления об искусстве, творчестве, жизни, облеченные в лаконичную форму, читаются с интересом.

Очерки Тихона Журавлева, Сергея Крутилина, Якова Фоменко, Марии Белкиной посвящены различным сторонам колхозной жизни. Под рубрикой «Наука и техника» публикуются записки инженера-строителя Н. Викторова и очерк Марка Поповского «Пути к сердцу». Виктор Полторацкий рассказывает о своих американских впечатлениях. В конце книги редакция альманаха печатает литературно-критические заметки Виктора Дорофеева и подборку информационных материалов «Новости местной жизни».

В книге не хватает стихов. Наш современник любит стихи, и он хочет читать их в альманахе. И еще одно замечание. Если внешнее оформление альманаха станет столь же привлекательным, как и его содержание, то «Наш современник» встретит горячее одобрение широких кругов советских читателей.

В. ВОРОНОВ

«Испытательный срок»

С живым, неослабевающим вниманием прочел я эту короткую, но удивительно содержательную повесть. Как не хотелось расставаться с людьми, с которыми нас познакомил писатель, которые так полюбились!..

Сережу Зайцева, этого пылкого и горячего юношу, я как будто встречал в одном из сибирских городов. Не с ним ли вместе я сидел в городском театре на диспуте с участием наркома просвещения А. В. Луначарского и митрополита Александра Введенского на тему: «Был ли Христос?» Я много раз встречал юношу с огненно-рыжими волосами, который всегда ходил в пальто, обязательно приподняв воротник, и, конечно же, в кепке, натянутой до самых бровей (так в то время ходили агенты уголовного розыска!). Как жаль, что я не познакомился с ним в те годы...

Сашу Егорова, угрюмого и стеснительного мальчика, я тоже встречал и удивлялся, как он в дырявых башмаках, перевязанных проволокой, стойко переносил лютые сибирские морозы...

Обоим героям, Зайцеву и Егорову, по восемнадцать лет. Того и другого в уголовный розыск привело желание «найти хоть какую-нибудь работенку»: в те годы была безработица. Имелось одно вакантное место, а их двое. Кто-то из них должен был уступить место другому. Кто из них выдержит испытательный срок?

Идейный замысел писателя подсказал ему и форму повествования: все построено на контрасте.

Трудно сразу сделать выбор между Зайцевым и Егоровым. Зайцев рвался к бурной деятельности, сопряженной с постоянным риском и опасностью. Он всегда был готов «поставить на карту всю свою восемнадцатилетнюю жизнь». Егоров не стремился к опасным приключениям. Это он от одного вида покойника упал в обморок прямо на месте происшествия. Но зато какая природная деловитость чувствуется во всем, за что бы он ни взялся!

Наиболее полно раскрылся характер Саши Егорова в сцене с ребенком. Саша сам ходил в рваных башманах, сам не всегда был сыт, но взял и усыновил беспризорного четырехлетнего мальчика. Мы верим: так мог поступить только Егоров, но так не поступил бы Зайцев.

Саша Егоров и Сережа Зайцев попали в надежные руки. Жур — уполномоченный уголовного розыска — умный и тонкий воспитатель.

Чтение «Испытательного срока» для меня явилось как бы встречей с земляками и сослуживцами. А что может быть приятнее встречи с хорошими старыми знакомыми!

Повесть Павла Нилина посвящена людям, находящимся всегда в боевом охранении. Говоря об уполномоченном Журе, автор справедливо замечает: «...он побывал на двух войнах — на германской и гражданской. И сейчас каждый день для него как бы продолжается война, может быть, более трудная, которой не видно ни конца, ни краю».

Об этой войне, войне с жуликами и тунеядцами, у нас мало писали. Павел Нилин сделал доброе и очень нужное дело, рассказав читателям о людях столь же скромного и незаметного труда, сколь и героического.

П. СКОМОРОХОВ,
полковник юстиции запаса.

Павел Нилин. Испытательный срок. Повесть. «Знамя» № 1. 1956.

Поэзия юности

...Счастье начинается
там, где флаг взвивается...

Откуда эти строки? Из какой задорной пионерской или туристской песни? Тот, кто прочтет их, невольно задаст себе такой вопрос, потому что интонация вызывает воспоминание о летнем пейзаже, пламени костра и медном звуке походного горна. Они очень на месте, эти строки, в стихотворении о том, как

Уезжает Лена
в пионерский лагерь.
Летом да без лагеря
что за интерес?

Дать в двух — трех словах, в одной фразе живую, запоминающуюся деталь, определяющую тему, угол зрения поэта,— для этого нужно большое умение.

Молодой поэт Владимир Котов в своем сборнике «Летние дни» стремится следовать принципам интонационного стихосложения, и, можно сказать, на этом пути он имеет интересные, примечательные находки. Экономно, свежо написаны стихотворения «У телефонной будки», «Майский воскресник», «Лето», «Поездка в Кунцево».

Выразительный, упругий лаконизм не изменяет поэту, когда от лирических тем он переходит к сатире. Хороши для чтения вслух, с эстрады стихотворения «Ползучий талант», «Зайцы», «Графин».

Отрадно отметить, что все больше талантливой поэтической молодежи плодотворно учится мастерству у великого Маяковского и достигает определенных творческих успехов.

Заключительное стихотворение «Летних дней» имеет заголовок «Все впереди». И, оценивая то, что уже сделано поэтом, можно сказать:

Нет сомненья, будут
горести и трудности...
Но какие трудности
испугают в юности?

А. КОВАЛЕНКОВ

Владимир Котов. Летние дни. Поэмы, стихи. Изд-во «Молодая гвардия». 1955. 144 стр.

«Серебряная кошка»

Шутники-журналисты из Сан-Франциско ставят на стол фигурку серебряной кошки, когда хотят сказать, что наступило время откровенного разговора. А. Аджубей так и назвал свою книжку очерков о путешествии в Америку — «Серебряная кошка».

Американцы — это не только деятели биржи, Уолл-стрита, Пентагона. Это прежде всего простые люди труда, создавшие своими руками великолепные небоскребы Нью-Йорка, грандиозные мосты через великие реки, построившие отличные автострады, создавшие передовую промышленность, добывающие уголь, нефть, золото, обрабатывающие гигантские земельные массивы Запада. Эти простые люди Америки с живым интересом и радостью встречались с советскими журналистами, жадно расспрашивая их о Советской стране.

В книге Аджубея рассказывается и о встречах с Войнич, Фейхтвангером, Робсоном, Фастом, Альбертом Каном.

Тепло описывает автор свое «гостеванье» у молокан — давнишних переселенцев из России, сохранивших русский народный уклад и любовь к своей Родине-матери. Добрые русские щи, которыми угощали молокане советских гостей, показались особенно вкусными под высокими остролистыми пальмами и небом Калифорнии.

Книга Аджубея не претендует на то, чтобы дать обстоятельное описание Америки, да этого и нельзя требовать от автора, посвятившего ознакомлению с этой страной немногим больше месяца. Тем не менее книга оставляет впечатление работы удачной, написанной живым, энергичным языком, с приятным юмором.

«Когда делегация советских журналистов пробыла в Нью-Йорке дня три—четыре, бойкие репортеры на одной пресс-конференции задали нам вопрос:

— Ду ю лайк Америка? (Нравится ли вам Америка?)

— Подождите, коллеги, проедем по вашей стране и скажем совершенно честно все, что думаем о ней».

А. Аджубей написал честно обо всем, что видел.

Н. КРУЖКОВ

А. Аджубей. «Серебряная кошка», или путешествие по Америке. Изд-во «Молодая гвардия». 1956. 128 стр.

«Над миром встал рассвет...»

Сложный путь прошла немецкая поэзия за последние четыре десятилетия. Первая мировая война, баррикады 1918 года, мрачное время гитлеровского режима, строительство новой, демократической Германии определили основные этапы развития немецкой поэзии.

В 1918 году Эрих Мюзам, обращаясь к Советской России, писал:

Пример велик! Мы знаем
путь отныне:
Так мир, так справедливость
к нам придет!
Смотрите: вот герои,
героини,
Вот он, тирана сбросивший
народ!

В период гитлеровского режима демократические традиции немецкой поэзии не умерли. Вера в человека, борьба с силами реакции, стремление к лучшему будущему Германии — все это продолжало звучать в песнях XI Интернациональной бригады в Испании, где сражались Эрих Вайнерт, Ганс Мархвица, Эрих Арендт; в стихах Карла Шнога, написанных в фашистском застенке; в рядах бойцов французского Сопротивления, где боролись Стефан Хермлин и Рудольф Леонгард; в стихотворениях Кубы и Фридриха Вольфа.

После крушения германского фашизма поэзия вступила в новый этап развития. Вернулись на родину Бехер и Брехт, Куба и Вайнерт, вышел из фашистского застенка Карл Шног. В поэзию пришло новое поколение: Юрий Брезан, Вальтер Странка, Гюнтер Дайке и другие, выпустившие в 1951 году сборник «Поэзия юного поколения».

Борьба за мир, за единство Германии — характерные темы сегодняшней демократической немецкой поэзии.

Выпущенные нашими издательствами два сборника стихов: «Немецкая демократическая поэзия» и «Поднимаясь к новой жизни. Современная немецкая поэзия» — охватывают почти четыре десятилетия, произведения более шестидесяти поэтов Германии. Многие стихотворения в русском переводе публикуются впервые.

Поэты воспевают новую жизнь немецкого народа, славят его будущее. Куба в стихотворении «Над миром встал рассвет» пишет:

Пой песню, мой народ,
к нам новый день приходит,
И ты
за этот день
Москву
благодари!

В. БЕЛЕЦКАЯ

Немецкая демократическая поэзия. 1914—1953. Гослитиздат. Москва. 1955. 831 стр.

Поднимаясь к новой жизни. Современная немецкая поэзия (1945—1953). Изд-во иностранной литературы. Москва. 1954. 411 стр.

Планы Шандора Ихароша

Любители спорта во всех странах с большим интересом встретили сообщение о том, что пятикратный рекордсмен мира бегун Шандор Ихарош возобновил тренировки. После того, как Ихарош повредил ногу, были опасения, что он не сможет надлежащим образом подготовиться к встрече на олимпийских играх с такими грозными соперниками, как Владимир Куц, Кристофер Чатауэй, Ежи Хромик, Дэйв Стивенс, Джон Лэнди.

Уже в начале февраля венгерский чемпион вышел на гаревую дорожку и приступил к интенсивной подготовке под руководством своего тренера Михая Иглои и бывшего рекордсмена мира в беге на 20 километров Андраша Чаплара. С Ихарошем тренируются его одноклубники Ласло Табори и Иштван Рожвельди.

Михай Иглои вместе со своими питомцами в конце прошлого года ездил в Мельбурн, чтобы ознакомиться с местными условиями и учесть в тренировочной работе особенности Австралии.

«Необычные условия соревнований обогатили нас ценным опытом. Непостоянство климата заставило нас внести серьезные поправки в систему подготовки»,— говорит Иглои.

Ихарош находится, по сообщениям печати, в хорошей спортивной форме. Австралийская неудача (проигрыш Стивенсу) позади, и нога уже больше не беспокоит его.

Каковы же планы Ихароша? Он говорит:

«В этом сезоне мой тренировочный режим будет намного строже, чем в прошлом году; меня ждет очень трудная задача. В течение 8 дней я намерен участвовать в трех состязаниях, причем программа олимпийских игр не особенно благоприятствует этому. Я хочу стартовать в беге на 10 000 метров 23 ноября, затем в забеге на 5 000 метров 26 ноября и в финале, который состоится 28 ноября. Еще через два дня состоятся забеги на 1 500 метров. Здесь, несмотря на сильнейшую конкуренцию, особенно со стороны моих земляков и друзей Табори и Рожвельди, а также датчанина Нильсена, я рассчитываю попасть в финал, который состоится 30 ноября. Как видите, программа насыщенная! Конечно, я не Затопек. Выиграть три состязания мне представляется невозможным. Ведь надо учитывать класс и силу соперников».

Можно ли ожидать новых мировых рекордов в Мельбурне на дистанциях 1 500, 5 000 и 10 000 метров?

Ихарош считает, что едва ли это удастся.

«В Мельбурне очень непостоянная погода,— говорит он,— дуют сильные ветры. Все это нужно учесть при составлении графика бега. Тем не менее темп будет очень высоким. Например, чтобы победить в беге на 5 000 метров, нужно показать время меньше 14 минут. К сведению участников олимпийских игр хочу сказать, что многие специалисты склонны несколько преувеличивать фактор погоды и различия в климате между Австралией и Европой. Конечно, каждый по-своему реагирует на климат, на длительное и утомительное путешествие по воздуху или по морю. Например, на моем товарище Рожвельди полет в Австралию нисколько не отразился. Он выступал там, как у себя дома. Для меня основная неприятность— длительность поездки: мне трудно привыкнуть к оглушительному гулу моторов в течение 63 часов. Говорят, что шведы собираются приехать в Мельбурн накануне открытия игр. Мне же для акклиматизации необходимо не менее 15 дней».

Конная олимпиада в Стокгольме

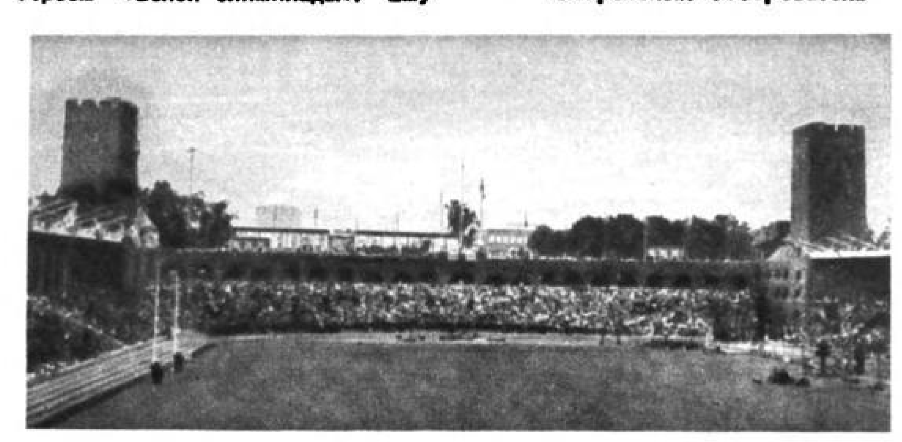
Как известно, олимпийские соревнования по конному спорту будут проведены не в Мельбурне, а в Стокгольме, так как в Австралию ввоз лошадей запрещен.

Соревнования начнутся 10 июня. Олимпийский огонь будет доставлен из Греции на самолете в Южную Швецию, а оттуда конной эстафетой протяжением в 800 километров в Стокгольм.

27 стран уже изъявили желание принять участие в олимпиаде. Это рекордная цифра, однако организационный комитет рассчитывает, что количество стран, участвующих в конной олимпиаде, еще увеличится.

Многие страны, расположенные далеко от Швеции, посылают в Стокгольм своих конников. Австралийцы находятся в Европе с прошлого года. Аргентинцы и японцы уже отправили своих лошадей.

Конная олимпиада вызывает большой интерес. В Стокгольм ожидается наплыв туристов. Организационный комитет обратился к жителям шведской столицы с просьбой предоставить зарубежным гостям на время олимпиады приют в своих квартирах.

Стадион в Стокгольме, где будет проходить конная олимпиада.

«Лыжный Джесси Оуэнс»

Тони Зайлер дает автографы.
Фото Б. Светланова.

Так называют в зарубежной прессе 20-летнего австрийского горнолыжника Тони Зайлера, выросшего в маленьком тирольском городке Кицбюхель. Тони Зайлер завоевал на зимних олимпийских играх все три золотые медали по горнолыжному спорту — в гигантском слаломе, специальном слаломе и в скоростном спуске.

Чтобы добиться такого поразительного успеха, поистине нужно было «родиться на лыжах». Тони, действительно, едва научившись ходить, встал на лыжи. Сын тирольского жестянщика, он проводил все свободное время на крутых склонах Альп, а в 10 лет уже выиграл традиционные ежегодные соревнования среди школьников.

Юному спортсмену повезло: его спортивным «отцом» стал известный австрийский горнолыжник Кристиан Правда.

Так прошло несколько лет, и Тони «незаметно» стал чемпионом Австрии по скоростному спуску среди юношей. Мы говорим «незаметно», потому что никто за рубежом не обратил на это особого внимания. Более того, когда 17-летнего Зайлера включили в национальную команду для участия в международном соревновании на кубок «Ливаччио», организаторы этого состязания обиделись на австрийцев, выставивших для борьбы с крупнейшими горнолыжниками какого-то новичка, неоперившегося птенца. Но этот новичок взял и нежданно-негаданно выиграл кубок!

Так началась его спортивная карьера, апофеозом которой явились олимпийские игры 1956 года.

Любопытная деталь: руководители австрийской команды, выступавшей в Кортина, неохотно разрешили Зайлеру стартовать на слаломных дистанциях, так как он считался специалистом только по скоростному спуску.

Итак, к Зайлеру пришла слава, не меньшая, чем слава знаменитого американского легкоатлета негра Джесси Оуэнса, завоевавшего в 1936 году три золотые олимпийские медали. Молодой спортсмен стал героем «Белой олимпиады». Ему столько раз приходилось расписываться в блокнотах и альбомах его поклонников, что в конце концов тренер разрешил ему давать в день не более тысячи автографов, чтобы не утомлять кисть правой руки...

Захолустный городок Кицбюхель стал местом паломничества: сюда начали стекаться репортеры, кинооператоры, многочисленные туристы. Отовсюду к Зайлеру стали поступать заманчивые предложения, в том числе и из США, куда его собирались пригласить тренером, соблазняя астрономическим гонораром!

По сообщению агентства Юнайтед пресс, некоторые из товарищей Зайлера согласились переехать в США. Сам он, однако, не соблазнился золотой приманкой. Французский журналист Фернан Альбаре, побывавший у молодого тирольца, передает, что Зайлер на все предложения отвечал: «Я предпочитаю американскому «раю» свой родной Кицбюхель. Если я и поеду в США, то только для того, чтобы защищать спортивную честь своей страны».

Спортивный обозреватель

Пато

В пампе, недалеко от Буэнос-Айреса, в маленьком городке Адроге мы наблюдали игру в пато. Пато — национальная игра аргентинцев. Она несколько напоминает баскетбол, ибо и здесь игроки стремятся забросить мяч в сетку противника, но борьбу они ведут на лошадях.

На площадке, равной примерно футбольному полю, с одной и с другой стороны установлены сетки. Две команды, по четыре всадника в каждой, борются за кожаный мяч, который имеет шесть кожаных ручек. Игроки вырывают мяч у своих противников, стараясь забросить его в сетку. Игра проходит в очень быстром темпе, требует от спортсмена ловкости и силы, смелости и выносливости.

В одном аргентинском кинофильме мы увидели пато прошлого века. Всадники мчались на лошадях из одного ранчо в другое. Жених со своими друзьями вез невесте живого петуха в кожаном мешке. Противники любым способом старались отнять петуха, они накидывали на всадника лассо и на полном ходу сбрасывали его с лошади.

Такие развлечения нередко кончались увечьем. Жертв было так много, что церковь отказывалась хоронить погибших от пато. Вот почему эта игра была официально запрещена правительственным указом. Прошло немало времени, пока пато превратилось в современное состязание, регулируемое определенными правилами.

За соблюдением правил следят судья и его помощник. Состязание теперь состоит из 6 периодов, по 8 минут в каждом. Перерывы нужны для того, чтобы игроки могли сменить лошадей, которые не выдерживают больше 8 минут бешеной скачки.

И. БЕССАРАБОВ

Мяч в сетке.

ДВЕ НЕДЕЛИ ВО ФРАНЦИИ

По записным книжкам

В. КОЧЕТОВ

Бордо. Большой театр ночью.

Бордо

В семь часов утра было темно, будто ночью; такой осенней влажной ночью, когда совсем не хочется выходить на улицу. Но выходить было надо: поезд стоял у вокзала Бордо, и на перроне нас уже встречали.

После первых рукопожатий мы почему-то зашагали по вокзальным помещениям с такой невиданной скоростью, что запыхавшийся Хорава сказал: «Никогда в жизни я еще так быстро не ходил».

При выходе из вокзала нас встретила большая толпа горожан. Виновниками того, что они поднялись с постелей в столь ранний час, были, конечно, мы. Нам кричали: «Здравствуй, товарич!», «Франция — СССР!», «Дружба!». Хотелось постоять тут, среди простых трудовых горожан Бордо, пожать протянутые руки, поговорить, но стремительная сила в лице наших проводников мчала нас дальше. Нас как бы продули сквозь вокзал прямо на привокзальную площадь к стоянке автомобилей. Не преувеличивая, скажу, что с момента выхода из вагона и до того, как за нами одна за другой стали с треском захлопываться дверцы старомодных таксомоторов, прошли считанные секунды.

Через несколько минут, миновав темный город, переехав по длинному мосту над черной рекой, мы входили в отель «Сплендид», где нам были приготовлены номера.

У нас часто ругают архитекторов и строителей за то, что дома, которые они строят, слишком звукопроницаемы. И справедливо ругают. В гостинице «Ленинградская», где пишутся эти строки, я слышу не только каждый шаг человека, живущего надо мной, но и скрип его подошв, и так отчетливо, будто бы потолок сделан из фанеры. А когда года два назад мне довелось ночевать у товарища в новом доме на Ново-Песчаной улице, то сквозь «капитальную» стену я в течение двух или трех утренних часов вынужден был выслушивать все, что в соседней квартире муж думает о своей жене и что жена думает об этом муже.

Но звукопроницаемость в отеле «Сплендид» превосходила все известные «достижения» в этой области. Мы спокойно переговаривались сквозь стены, слышали щелканье выключателей и чирканье спичек, а когда тут же, с ходу, где-то через коридор неутомимые труженики советской прессы Михаил Шалашников и Николай Бирюков принялись из своих номеров передавать корреспонденции по телефону в Москву, мы волей-неволей были приобщены к их редакционным тайнам.

За окнами тем временем погасли уличные фонари и стал медленно заниматься туманный рассвет. Из тумана призраками выползали платаны с желтыми, но еще не облетевшими листьями, за ними постепенно открывалась большая площадь, на которой стала различаться белая высокая колонна с фигурой летящей женщины на самом верху. Потом мы узнали, что это памятник жирондистам: ведь мы были в департаменте Жиронды. Еще позже вдали стали видны силуэты подъемных кранов и пароходные дымы. Щедрое солнце разгоняло туман, перед нами в ярком свете представал красивый большой город.

См. «Огонек» №№ 15 и 16.

Матрос.

За починкой сетей.

В одиннадцать часов утра в зале отеля «Сплендид» состоялась пресс-конференция для представителей местной печати. В. Н. Сурин произнес тут свою, думаю, что уже двадцать вторую речь на французской земле, а представитель французского кино господин Жак Фло объяснил, почему Бордо избран вторым городом для проведения фестиваля советских фильмов. Потому, сказал он, что у этого города есть некоторое сходство с Ленинградом. И не только в том, что здесь тоже есть ростральные колонны, но и потому, что оба эти города приморские, портовые. Это не беда, что Ленинград стоит возле самого моря, а от Бордо до Атлантического океана 96 километров. В Бордо, как и в Ленинград, приходят океанские корабли.

На пресс-конференцию собрались не только представители печати. Ко мне подошел радостно улыбающийся, приветливый человек лет тридцати и представился, сказав довольно хорошо по-русски:

— Ги Вере. Ассистент по кафедре русского языка в университете Бордо.

Он рассказал, что русский язык начал изучать в Париже сразу же, как только окончилась вторая мировая война. Он понял в результате войны, какая это великая страна — Советский Союз и какую она будет играть роль в будущей истории человечества. Он полюбил не только русский язык, но и советскую литературу. Он, например, сейчас работает над диссертацией, посвященной творчеству А. Н. Толстого.

— В университете Бордо,— сказал Ги Вере,— русский язык в настоящее время изучают тридцать студентов. Напишите им что-нибудь в эту тетрадку.

Когда я исполнил его просьбу, он еще долго и охотно рассказывал о том, как в Бордо читают книги советских писателей, как смотрят кинофильмы. За несколько дней до нашего приезда в Бордо в переполненном зале Биржи труда «Большую семью» смотрело более тысячи горожан.

И учтите, что мнение было квалифицированным. Ведь в Бордо много строителей кораблей, людей, связанных с кораблями, с морем.

Нескольких из этих зрителей, побывавших в зале Биржи труда, мы встретили на улице после пресс-конференции. Они ожидали нас у входа в отель, чтобы побеседовать.

Вскоре мы отправились осматривать город. Тут мы убедились, что да, действительно, у Бордо, несмотря на его французское своеобразие, есть что-то общее с Ленинградом. Широкие площади, монументальные здания. Но прежде всего сходство придает, конечно, широкая и спокойная, подобная Неве, Гаронна.

Мы вышли на одну из портовых набережных. Дул теплый ветерок, грело солнце, река сверкала под его лучами. Народу на набережной было мало.

Путешествие по городу продолжалось. Мы осматривали Большой театр, фонтан Трех граций, остатки колизея времен древнего Рима, современный стадион с гигантскими навесами-козырьками от дождя, старинные кривые улочки и здания.

В час дня нас принимал у себя префект департамента Жиронды господин Ляийон. Стол был накрыт в зимнем саду среди пальм и цветущих растений. Господин Ляийон оказался охотником и рыболовом, так что в той части стола, где находился префект, было о чем поговорить. На нашем конце стола тоже собрался народ разговорчивый. Один из гостей сыпал остротами, как сеятель из лукошка,— этакими щедрыми пригоршнями. Он интересовался, кто из нас чем занимается. Одному из наших актеров он сказал: «Вы, наверно, советский Фанфан-Тюльпан?» Тому пришлось ответить, что это не совсем так, и, следовательно, рассказать о себе. Одному режиссеру этот «душа общества» сказал, что тот похож на римского папу Пия которогото. Опять последовало объяснение. И так далее.

Все это среди разговоров примерно на такие темы: почему, скажем, мы, в Советском Союзе, курим папиросы с мундштуками, а не сигареты. С. Д. Васильев объяснил, что это идет от старых времен, когда российская знать носила усы и бороды, которые страдали бы от коротеньких сигарет.

— Но теперь-то бород нет,— возразил собеседник,— почему же не ломаете устаревшую традицию?

— У англичан тоже много устаревших традиций,— ответил Сергей Дмитриевич,— но никто же их в этом не обвиняет.

— На то они и консерваторы. А вы революционеры!

За разговорами он добрался наконец и до меня. Он сказал, что никак не может разгадать мою профессию. Ему объяснили. Он очень удивился и сказал, что ему думалось иное. Он вытащил из кармана удостоверение в темносиней обложке, на которой было написано: «Министерство внутренних дел».

— Это подобно вашему... как оно называется?.. Политбюро! — сказал он, подмигивая.— Я думал, вы мой коллега.

Пришлось товарищей, хорошо знающих французский язык, попросить, чтобы они перевели местному представителю министерства внутренних дел такой ответ:

— Мсье, видимо, большой знаток нашей советской действительности.

Тогда он умолк и сосредоточился на печеном лангусте и андивах — горьких и в то же время вкусных черенках неведомого нам салатного растения.

После обеда префект господин Ляийон и его супруга любезно показывали нам свой дом. Они оказались страстными любителями и коллекционерами бокалов и кубков из старинного стекла. Для каждого из них был приготовлен прочный кожаный футляр, мягкий внутри. Отправляясь в путешествие, хозяева кубков могут свою коллекцию возить с собой, не рискуя возвратиться домой с грудой битых стекляшек.

От префекта мы отправились в Большой театр, построенный в XVIII веке. Это гордость Бордо, один из красивейших театров в Европе. Здание и днем прекрасно, но вечером колоннада, украшающая фасад, подсвеченная огнями, производит еще большее впечатление.

В фойе театра был накрыт бесконечно длинный стол, уставленный бутылками знаменитых местных вин Бордо. За столом было оставлено место для нашей делегации; все же остальное пространство фойе заняли сотни гостей. Это были друзья Советского Союза, собравшиеся по приглашению общества «Франция — СССР». Мы пожимали множество рук, чокались с множеством протягиваемых через головы и плечи бокалов, обменивались значками и фотографиями, выслушивали взволнованные приветственные речи; мы были среди подлинных наших друзей, и когда пришел час покидать радушных хозяев, мы об этом искренне сожалели.

Правда, некоторые из нас далеко не сразу выбрались из театра на улицу. Еще пришлось оставить тут добрую сотню автографов. На чем только мы не расписывались! И на пачках сигарет, и на сберегательных книжках, и на заводских удостоверениях, и на книжках моряков; самое приятное, конечно, было ставить подпись на своих книгах, изданных во Франции. Пусть меня извинит М. А. Шолохов, но я и на его «Тихом Доне» написал приветственные слова французскому другу. Для него, для этого простого француза, советский писатель, заехавший в Бордо, олицетворял собой всю советскую литературу. Ему нет дела, что мы иной раз не ладим друг с другом, не находим общей точки зрения на иные явления жизни и литературы,— для него мы единая семья советских литераторов.

Заканчивался наш первый день жизни в Бордо показом советского фильма в кинотеатре «Рио». Фильм зрители приняли отлично.

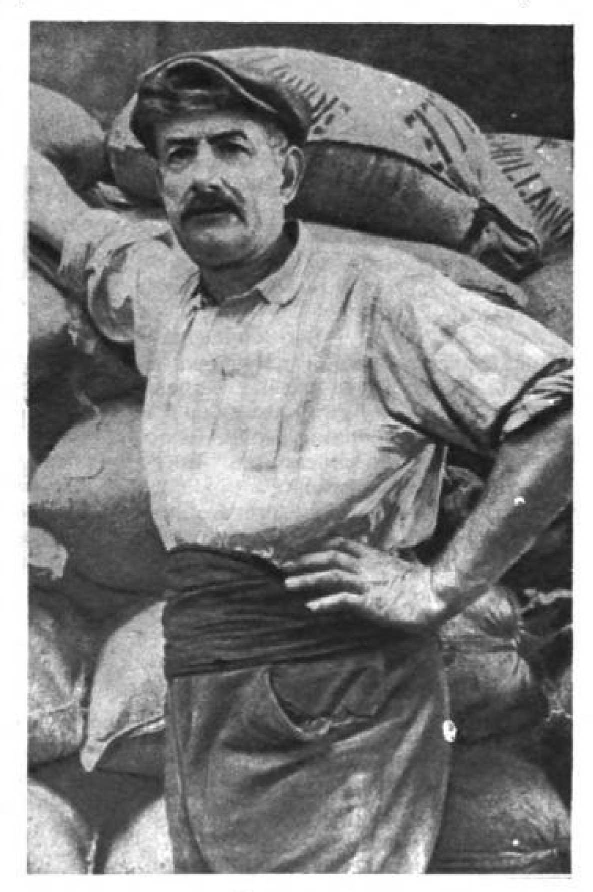
Выбравшись из толпы на улицу, мы не нашли машин. Сеял маленький дождичек, но ночь была довольно теплая, и мы решили пройти до гостиницы пешком. Так мы и отправились в путь, окруженные сотнями жителей Бордо. Некоторые из них преподносили нам сувениры, что оказались в ту минуту в карманах. Мне кто-то сунул в руку простенький перочинный ножичек. Я его берегу, он мне напоминает удивительную ночь на берегах французской реки Гаронны.

Медок

Назавтра день был сырой и прохладный. Тянул западный ветерок, нанося густой, безнадежный туман с Атлантического океана. Это было очень досадно, потому что автобус вез нас по землям местности Медок, длинной полосой раскинувшейся между океанским берегом и устьем Гаронны — Жирондой. Мы знали, что вправо и влево от дороги идут бесконечные виноградники, что именно тут родина знаменитых красных вин Франции. Но видели мы справа и слева сквозь туман с океана лишь по нескольку рядов приземистых, толстых лоз, узловатых, старых, благородных. Почва, взращивающая их, была каменистая, и до того каменистая, что местами чуть ли не напоминала галечник пляжей Кавказского побережья. Видимо, и тут катила когда-то свои волны Атлантика. Отступив, она вместе с галечником оставила богатые органическими веществами отложения.

Подобно призракам, в тумане появлялись и исчезали одинокие пахари. Кони массивных форм влекли за собой в междурядьях виноградниковые культиваторы.

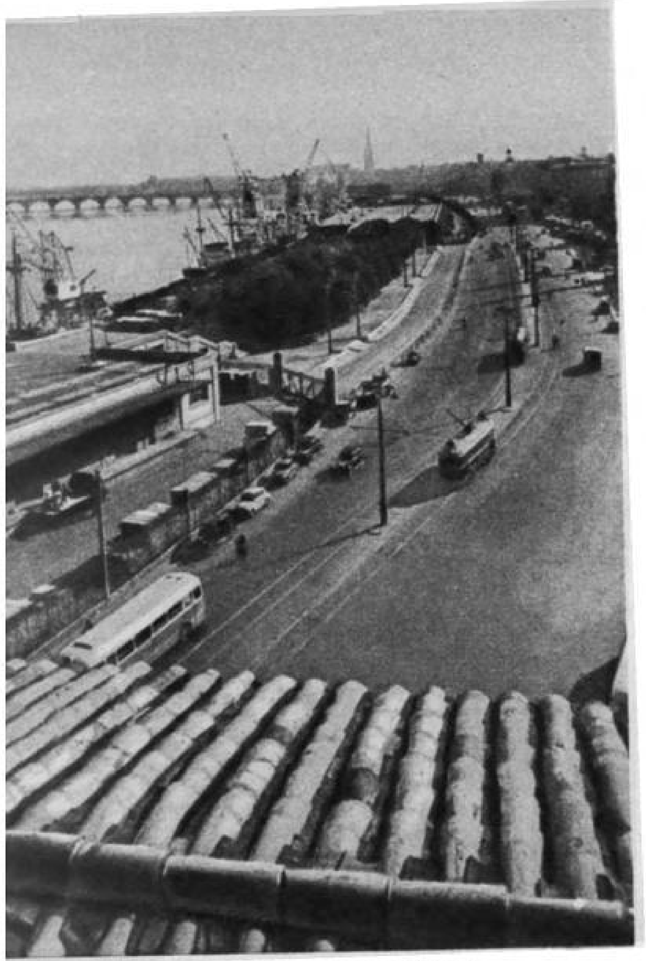
Из тумана выплывали отдельные строения, поселки. Они разбросаны здесь густо. Возле какого-то скрещения дорог стояла среди поля винная бутылка ро-

Докер.

Сборщица винограда.

Набережная в Бордо.

стом с двухэтажный дом. Это было как бы символом местности Медок.

Все земли в этой местности принадлежат крупным виноделам. У каждого из них свой замок — шато. Возраст этих шато различен: немало таких, которые заложены еще в средние века, но есть и построенные недавно. Средневековые — так они и есть средневековые: стены из крупного камня, башни, бойницы — все, что положено средневековью. Построенные в наши времена — это уже никакие не замки, а обычные помещичьи усадьбы. Мы заехали в одну из таких усадеб — Шато-Марго, хорошо натопленный трехэтажный дом среди гигантских деревьев. В обширной гостиной владелец сам с собой играл в карамболь — разновидность бильярдной игры.

Мы были приняты весьма любезно. Нам показали винные амбары и склады с огромными бочками молодого вина.

За Шато-Марго дорога пошла лесом. Туман несколько поредел, сквозь него пробилось белое косматое солнце, осветило стволы сосен, мхи, папоротники, песчаные холмы и ямы. Было очень похоже на Карельский перешеек по дороге на Выборг. Затем, миновав дорожный указатель с надписью, которая по-русски читается «Пойяк», мы выехали на берег скрытой туманом Жиронды — вода плескалась в лодочные причалы — и остановились против невысокого здания. Здание было обнесено металлической решеткой, напоминавшей церковную ограду. В воротах этой ограды стояло десятка полтора — два людей, облаченных в бордового цвета бархатные мантии, подбитые белым мехом, в средневековые шапки, тоже с белым верхом, и в медные нашейные цепи.

Нам подумалось, что это местное духовенство и что в столь пышно одетой толпе есть по меньшей мере парочка кардиналов и немало иных крупных служителей культа. Мы было дрогнули перед лицом возможных неведомых нам религиозных церемоний; шли на сближение не спеша, выгадывая время на то, чтобы сообразоваться с обстановкой.

К счастью, опасения наши быстро рассеялись. Нас встречали веселые, приветливо и дружелюбно улыбавшиеся люди, у которых под средневековыми мантиями были скрыты вполне современные партикулярные пиджаки. Оказалось, что это — руководство местного ордена виноделов, любителей выпить и закусить. В здании за оградой было их «святилище» — нечто вроде музея и клуба одновременно.

Здесь все же некая церемония состоялась. Магистры ордена вынесли решение принять в свои ряды, в звании командоров, В. Сурина и Н. Черкасова. На них накинули роскошные мантии, к ним обратились с пространной речью, им вручили по бокалу красного вина.

И Сурин и Черкасов были заранее предупреждены о том, что им надлежало сделать. Сурин, отпив глоток вина, глубокомысленно почмокал губами, поразмыслил и воскликнул:

— Ба! Так это же мое знакомое доброе вино пойяк!

Рыцари ордена веселой жизни хором вскричали что-то радостное и бодрое, магистр взмахнул жезлом — и Сурин был посвящен в командоры.

Дошла очередь до Черкасова. Он, отведав из своего бокала, принялся клясться:

— Порази меня гром и молния, но я клянусь, что это вино урожая тысяча девятьсот сорок девятого года!

Снова одобрительные клики, новый взмах жезлом — и еще одним командором стало больше в славном ордене пойякских виноделов.

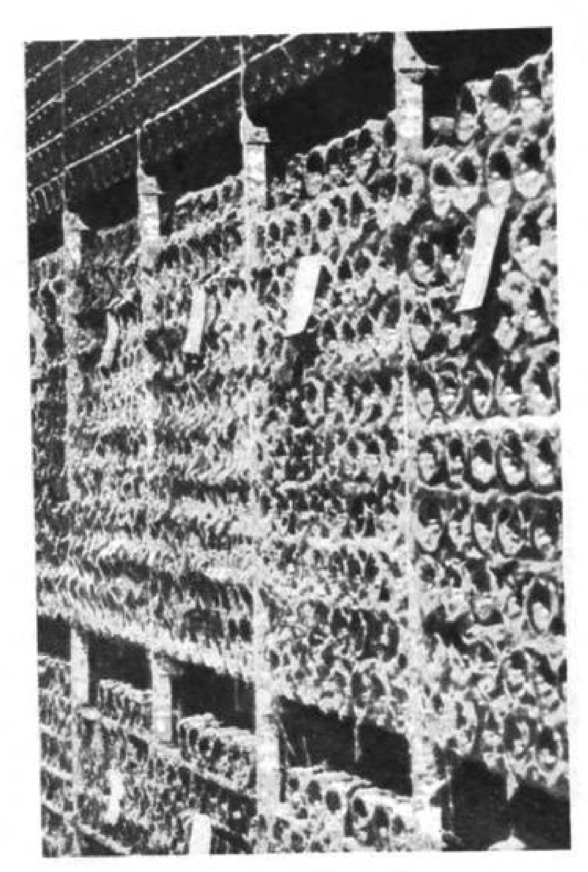
По статуту ордена новые командоры, где бы они ни оказались, обязаны всюду и всячески прославлять продукцию многочисленных шато местности Медок. К чести магистров и великих драконов ордена, они освободили новопосвященных от этих нелегких обязанностей. Они заявили, что командоры Сурин и Черкасов уполномочиваются прославлять вина Советской Грузии, которые знакомы медокским виноделам и пользуются их глубоким уважением.

Все это было веселой, забавной игрой взрослых. Такие игры в какой-то мере украшают жизнь, делают ее разнообразней, и чураться их нет никакой нужды. Излишек улыбки никому и ничему никогда не повредит...

В гостях у Ротшильда

К обеденному часу автобус привез нас в шато барона Филиппа Ротшильда.

Кто из нас не слыхивал, хоть чего-нибудь да не читывал о династии денежных королей Ротшильдов, кто из нас не говаривал в подходящих случаях: «Богат, как Ротшильд»? Но кому из нас в голову приходила мысль оказаться когда-либо гостем в замке представителя одной из ветвей этой династии? Сказал бы нам кто-нибудь об этом в нашу пионерскую или комсомольскую бытность!..

В подвалах Шато Мутон-Ротшильд.

И вот наш автобус останавливается возле П-образной группы приземистых строений, со всех сторон окруженных виноградниками. Через тщательно, со вкусом стилизованный под старину кабинет проходим в столовую, точнее, в трапезную. И тут старина, геральдические знаки, щиты с гербами, огромный камин, в котором дубовые поленья рассыпаются на золотые жаркие угли.

За длинный накрытый стол садиться рано. Нам хотят показать сокровища этого дома, который носит название «Шато Мутон-Ротшильд». Мутон — по-французски баран. Доискаться происхождения такого названия нам не удалось, пришлось считаться с голым фактом, тем более, что фамильный герб владельца шато поддерживают, как здесь всюду изображено, именно бараны, два кучерявеньких баранчика.

Прямо из столовой мы спустились по нескольким ступеням в огромнейшее помещение — в крытый каменный двор, заставленный бочками. Сотни бочек строгими длиннейшими рядами... Знаменитое вино мутон-ротшильд урожая 1955 года.

Сквозь строй этих бочек мы шли долго и дошли до спуска в подземелье. Тут в черных железных светильниках, вделанных в камень стен, горели свечи. Было таинственно, торжественно. Тянуло говорить шепотком.

Спустились в подземелье. Снова бочки. Но уже из урожая прошлых лет. Вино коллекционное. В самом дальнем конце подземелья в каменной нише — скульптурное изображение Бахуса, подсвеченное скрытыми электрическими лампочками. И в той же стене — решетчатые узорные ворота. Издали казалось, что они из черных кружев и что кружева колышутся от едва ощутимого движения воздуха.

Вблизи выяснилось, что кружева выкованы из железа и колышутся не сами железные узоры, а прочерненная копотью свечей косматая паутина, которой обросли ворота, ведущие из первого подземелья дальше, в еще более таинственный мрак.

Загремели замки, визгнул засов, ворота медленно растворились. Впереди шли наши проводники, неся свечи в железных светильниках.

Тут, образуя узкие проходы, стояли высокие — до потолка — стеллажи, тоже в паутине и черной копоти. На стеллажах будто снаряды различных калибров — от трех дюймов до восьми — доньями наружу рядами лежали бутылки, бутыли и бутылищи. Некоторые ячейки стеллажей были заполнены ими целиком, некоторые — наполовину, а в некоторых бутылей оставалось всего по нескольку штук. Этикетки свидетельствовали о том, что эти малочисленные бутыли лежат в черной плесени, обрастая черным мхом, с прошлого века. Нам сказали, что плесень, паутина, копоть охраняются тут строже, чем само вино. Они-то и есть главнейшая гордость винодела. Их ни за какие деньги не купишь. Только время способно вырастить такие роскошные бороды паутины, такие мхи и лишаи свечной копоти.

Мы разглядывали этикетки, каждый среди бутылей отыскивал себе ровесницу. Ровесница нашлась даже Хораве, который только что отпраздновал шестидесятилетний юбилей. Были на этих стеллажах поистине древние винные деды и прадеды.

Нескоро выбрались мы из подземелья к столу, на котором перед каждым прибором стояло по восемь бокалов.

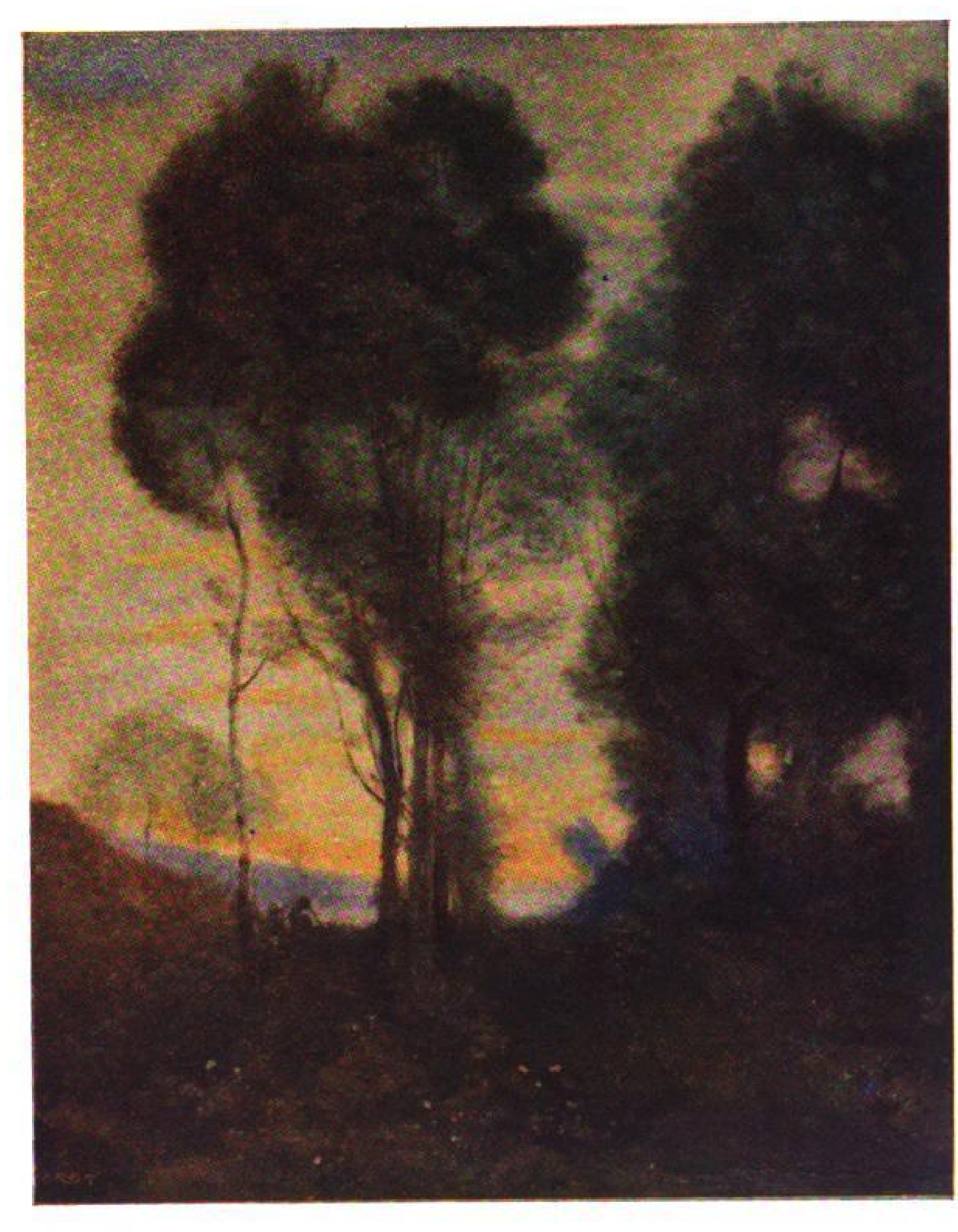
Столовая была устроена так, что, как сказано выше, дверь в одной из ее стен вела в хранилище бочек, а огромное окно в противоположной стене выходило прямо на бескрайний виноградник. Урожай, собранный за этим окном и превращенный в вино, совершал круговой путь через хранилища к столу трапезной барона. Для нас из подземелий были извлечены вина урожая 1923 и 1934 годов. Это были хорошие вина, и новопосвященные командоры прославляли их, не чиня себе, как говорится, никакого морального принуждения.

Из царства вин, из чудесного края французских виноделов мы, возвратясь в Бордо, сразу же, без промедления, попали на прием к мэру города. Мэр Бордо господин Шабан-Дельмас произнес речь. Он говорил о том, как во вверенном ему городе умеют хранить дворцы и памятники минувших эпох. Вот и этот дворцовый особняк хорошо сохраняется, взгляните на расписной плафон, на лепку и позолоту. Затем он перешел к тому, что у Франции свой путь строительства общества, свои планы удовлетворения материальных потребностей народа.

После приема у мэра мы еще бродили по вечернему городу, который нам очень нравился, и ночным поездом отбыли на юг — к Лазурному берегу Средиземного моря.

Шарль Франсуа Добиньи (1817—1878). БЕРЕГА УАЗЫ.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Камиль Коро (1796—1875). ВЕЧЕР.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Клод Моне (1840—1926). ЗАВТРАК НА ТРАВЕ.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

СПАСИБО ДОРОГИМ ПОДРУГАМ

В «Огоньке» № 13 была опубликована заметка о Вере Захаровне Босовой, родившей четырех девочек-близнецов. В редакцию поступило много писем, в которых советские люди, преимущественно женщины, поздравляют Веру Захаровну и ее мужа, горячо желают родителям и детям счастья и здоровья.

Недавно в редакцию пришла весьма объемистая посылка в адрес В. З. Босовой от коллектива жен офицеров. Эту посылку вручили Вере Захаровне. Она была очень растрогана таким вниманием незнакомых ей женщин.

«Ваш бесценный подарок я получила,— пишет в ответном письме В. З. Босова.— Я его называю бесценным не потому, что здесь очень милые одежонки для наших крошек-дочурок, а потому, что от вашего небольшого и чуткого коллектива получила теплые поздравления. Спасибо, дорогие подруги!

Ко мне приходит со всего Советского Союза масса писем и телеграмм с поздравлениями. Вы женщины, и, наверное, многие из вас матери. Естественно, что вас интересует, как живы и здравы наши дочурки и как чувствует себя их мать. Коротко напишу о нашей семье.

Живем мы с мужем 6 лет. Давно хотели иметь детей. И вдруг такое счастье улыбнулось! Родились сразу четыре дочки. Это были первые у меня роды. Чувствую я себя хорошо. Крошки наши родились раньше времени, то есть восьмимесячные. Вес их был небольшой: Верочка весила 1 650 граммов, рост 39 сантиметров, Надя и Любочка весили по 1 300 граммов, рост — 36 сантиметров. А Розочка была совсем маленькая, весила всего 850 граммов, самая слабенькая. Она пожила семь дней и умерла. Мы очень сожалели о ее смерти, но ничего не сделаешь.

Вера, Надя и Люба чувствуют себя хорошо. Растут, набирают вес и рост.

Государство тепло заботится о нас. Мы получили хорошую, светлую квартиру.

Еще раз благодарим вас. Будьте здоровы и счастливы, дорогие подруги.

Привет от нас и наших дочурок!»

В. З. Босова рассматривает подарки жен офицеров.
Фото Я. Рюмкина.

Момент игры у ворот «Торпедо».
Фото А. Бочинина.

ДЕБЮТ «БУРЕВЕСТНИКА» В МОСКВЕ

7 апреля москвичи увидели молодую команду общества «Буревестник» из Кишинева. Это был первый дебют молдавских футболистов в столице. Они выступили против одного из лидеров чемпионата — коллектива «Торпедо».

Матч привлек на стадион «Динамо» шестьдесят тысяч зрителей. Можно уверенно сказать, что москвичи давно не видели столь горячего и темпераментного состязания. Кишиневцы преподали хороший урок московской команде, которая пыталась в медленном темпе демонстрировать «академическую» технику. Футболисты «Буревестника» напомнили своим прославленным товарищам, что в футболе, кроме техники, большую роль играют быстрота, смелость и желание победить. Кишиневцы играли, как монолитный спортивный коллектив, умевший всей командой вести наступательные действия, а также обороняться. Это принесло им успех. Гости вбили в ворота москвичей четыре мяча, пропустив в свои лишь один, да и тот с одиннадцатиметрового штрафного удара.

«Буревестник» теперь вошел в группу лидеров.

ВАРШАВА—БЕРЛИН—ПРАГА

Велогонщики двадцати трех стран собрались в Варшаве, чтобы начать соревнование во имя благородной идеи укрепления дружбы между народами.

Еще никогда велопробег мира, ставший традиционным, не собирал такого количества спортсменов. Впервые участвуют в соревновании национальная сборная команда Италии, включающая в свой состав сильнейших гонщиков — чемпионов мира, спортсмены Западной Германии, Швейцарии, Люксембурга. После долгого перерыва представлена и Югославия.

2 мая был дан старт велопробега. И сразу, на первом же этапе, вокруг Варшавы, началась спортивная борьба, которая закончилась победой итальянца Дино Бруни.

Теперь спортсмены устремились к Лодзи. До города текстильщиков 140 километров. Этап небольшой, но мешает сильный встречный ветер. Все приглядываются к итальянцам, сменившим темноваcильковые рубашки на голубые с белым голубем — знак отличия лидирующей команды. Бруни — в желтой рубашке лидера гонки.

Вперед вырываются двенадцать велосипедистов. Среди них в белых рубашках с красной полосой Евгений Клевцов, Павел Востряков, Родислав Чижиков и Николай Колумбет. Тут же итальянцы, немцы, бельгийцы. По дороге — бесконечные толпы. Гремят оркестры — от больших духовых до скромного трио из деревенского кабачка. На зданиях и арках, увитых гирляндами и лентами, прямо на мостовых на всех языках начертано слово «мир».

Вот и Лодзь. Толпы болельщиков. Они усеяли балконы, крыши домов, они — на деревьях и фонарях.

Стадион. По гаревой дорожке мчатся четверо, и среди них Клевцов! Еще рывок — и он будет первым. Но раньше на колесо заветную черту пересекает Шур (ГДР)...

Лодзь — Сталиногруд — самый большой этап на территории Польши — 215 километров. Машины мчатся по стадиону. На последней прямой идет борьба между Бруни и поляками Хвендачем и Бруляком. Бруни вновь побеждает. Поляки выигрывают командное первенство. Наша команда на третьем месте. Скорость все растет — она составила на этом этапе 42 километра в час...

От Сталиногруда до Вроцлава — 185 километров. К исходу первого часа гонку возглавляют Николай Колумбет, Ниман (Финляндия), Шваб (Чехословакия), Занони (Румыния).

До стадиона во Вроцлаве остается 50 километров.

«Пора!» — говорят друг другу Чижиков и Колумбет. Рывок, другой, и они уходят вперед.

Я еду за ними в автомобиле, наблюдая, каких усилий стоит нашим спортсменам эта борьба. Они ведут группу по 30—40 секунд, принимая на себя встречный поток воздуха.

Первым на стадионе появляется Колумбет, и его имя повторяет переполненный стадион.

Следом финиширует в группе Клевцов, а за ним — остальные советские велосипедисты.

Лидерами велогонки по сумме четырех этапов стали советские спортсмены.

Юрий ГАЛЬПЕРИН

Варшава — Вроцлав, 7 мая.

Гастроли американского скрипача

В Советском Союзе начались гастроли известного американского скрипача И. Стерна. Первые его выступления состоялись в Москве и вызвали большой интерес у советских музыкантов и многочисленных любителей музыки. Американский скрипач дал несколько сольных концертов и выступил вместе с Государственным симфоническим оркестром Союза ССР.

В его программе произведения Баха, Генделя, Моцарта, Чайковского, Брамса, Копленда и других композиторов. Виртуозная техника, большая выразительность, темпераментность, присущие Стерну, позволяют ему свежо и интересно исполнять даже хорошо знакомые слушателям произведения.

Партию фортепиано в концертах исполнял пианист Александр Закин (США).

Американский скрипач сейчас выступает в Ленинграде, затем даст концерты в Киеве, Баку, Тбилиси.

И. Стерн выступает в Большом зале Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского.
Фото Е. Тиханова.

На вершине Лисьей горы

Телестанция на Лисьей горе.
Фото Н. Бурашникова.

Лисья гора — одна из достопримечательностей Нижнего Тагила. Высота ее — триста метров. Издалека видна венчающая ее вершину старинная башня. Она поставлена в начале XVIII века и первоначально служила сторожевым постом. Позднее ее использовали как пожарную каланчу. Теперь здесь, на самой высокой точке города, заканчивается строительство ретрансляционной телевизионной станции. На вершине Лисьей горы установлена 52-метровая антенна. А за толстыми каменными стенами внутри башни ведется подготовка к монтажу сложного оборудования.

Новая телевизионная станция будет ретранслировать передачи свердловского телецентра.

А. ГРИГОРЬЕВ

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

Из записок адвоката

Анатолий БЕЗУГЛОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Поезд остановился так резко, что из рук агронома, лежащего на верхней полке, выскользнула книга и, едва не сбив со стола стакан остывшего чая, шлепнулась на пол.

— Энская! — объявил проводник, проходя по коридору вагона.

Мой коллега Иван Петрович, обычно медлительный и степенный во всех своих движениях, быстро поднялся с полки и бросился к окну.

— Вам приходилось здесь бывать? — спросил я, заметив волнение на лице приятеля.

— Да. Я много лет работал в здешних краях. А на этой станции произошел самый необычный случай во всей моей практике.

Дорожная скука как-то особенно обостряет интерес ко всяким историям, поэтому мы стали упрашивать Ивана Петровича рассказать, что же это был за случай.

— Ну что ж, если обществу угодно выслушать меня, я готов,— ответил тот.— Но заранее прошу извинить за мою литературную неуклюжесть. Могу гарантировать лишь верность рассказа.

...В те годы мне часто приходилось разъезжать с линейным судом по различным станциям. И вот однажды, как обычно, звонит мне секретарь суда и предлагает поехать. «Очень интересное дело: отец убил шестилетнюю дочь».

У меня, знаете, даже мурашки по спине побежали. Мне частенько приходилось выступать по всяким необычным делам. Но с детоубийцей я встречался впервые...

Помню, с каким тяжелым чувством приехал я в суд! Стал перелистывать страницы объемистой папки и скоро так увлекся, что позабыл все на свете.

Лист за листом передо мною раскрывалась драма, разыгравшаяся в маленьком станционном поселке...

Степан Бобков вскоре после войны демобилизовался из армии и вернулся на родину. Не радостным было это возвращение. Жена погибла при бомбежке станции два года назад. Флигелек с перекошенными ставнями изрешетили осколки. Старуха-мать скончалась вскоре после приезда сына. И остался Степан вдвоем с дочкой в пустом, полуразбитом доме. Так началась для него нелегкая мирная жизнь. Маленькая Нюра долго не могла привыкнуть к своему угрюмому отцу. Ей был всего годик, когда началась война и отец ушел на фронт. Соседка Бобкова, Марфа Струнина, давно уже полюбила девочку, как родную, и после возвращения Степана часто заходила прибрать в комнате или приготовить что-нибудь. И видела она, как тяжело было Степану с дочкой. Как он, бывало, стиснет кулаками голову и часами смотрит на Нюрку. А потом возьмет ее за ручку и уйдет на станцию. Там он принимался за свою работу, а девочка играла в песке.

Марфа вспомнила, как вздыхали поселковые женщины, когда Бобков, угрюмый, возвращался с работы, а те, что помоложе, спешно прихорашивались и старались показаться на глаза единственному в поселке жениху.

«Целились на него многие,— рассказывала Марфа,— а попала в цель одна. Да как раз та, что и стрелять-то вовсе не собиралась. Степан сам, проходя мимо дома Ксаны Куликовой, замедлял шаг и не сводил глаз с ее окон. А когда она попадалась ему на глаза, радостно улыбался и по-военному отдавал честь».

Многим не нравился выбор Степана. У Ксаны был крутой характер, и все находили ее слишком красивой для вдовца.

Тревожились за Нюрку. Какая это мать для нее!..

Но вскоре все облегченно вздохнули. Ксана, по рассказам соседей, отказалась выйти замуж за Бобкова, не желая становиться мачехой.

Так прошло полгода...

Но за это время отношения Степана к дочке резко изменились. Стал он покрикивать на нее. А один раз даже побил. По всему было видно, что он считал дочь виновницей своей неудачи в любви.

И вдруг в начале лета Нюрка пропала. Пришел однажды Степан с работы без девочки и рассказал Марфе, что отправил дочку погостить на месячишко к какому-то фронтовому дружку. Куда уехала Нюрка, Степан не сказал и на все расспросы Марфы угрюмо отмалчивался...

А на другой день по поселку поползли страшные слухи.

Сначала люди отмахивались от них, как от назойливых мух. «Брешут бабы,— говорили старики,— мыслимо ли дело — родное дитя загубить?!»

Но вскоре поселок облетела весть, заставившая многих призадуматься. Ксана Куликова согласилась выйти за Степана замуж. А еще через неделю произошло событие, разрешившее все сомнения.

Марфа рассказывала, как однажды утром она подоила корову и гнала ее в стадо. Мысли ее беспокойно кружились вокруг Степана. Она шла, не замечая дороги. И вдруг у самого берега речки ахнула и испуганно опустилась на землю. Запутавшись в траве, сиротливо лежал красный ботиночек Нюрки, тот самый, что она подарила девочке к Первому мая.

Марфа вскрикнула и, не разбирая дороги, бросилась к поселку...

На следующий день Бобков сидел у следователя и рассказывал, как однажды шел он с Нюркой по перрону и встретил Василия Чубатого — своего однополчанина. На радостях зашли в станционный буфет, выпили, разговорились. И поведал он Василию о своей тяжелой жизни, о смерти жены и матери, о Нюрке.

«Ну, и пристал ко мне Василий,— вспоминал Степан.— «Еду,— говорит,— я в гости к родителям. Отпусти со мной Нюрку погостить. Порадуй моих бездетных стариков! А через месяц, буду ехать обратно, завезу». Веселый был мужик Василий. Нюрка сразу привязалась к нему и тоже проситься стала. Выпили мы изрядно. А когда протрезвел я, ни Василия, ни Нюрки уже не было. Так я и не узнал, куда он ее увез».

На вопрос следователя, во что девочка была одета в день отъезда, Степан ответил, что одета она была в синее платьице и в красные ботиночки, которые подарила ей соседка Марфа.

Говорить о своих отношениях с Куликовой Бобков наотрез отказался.

Однако сама Ксана охотно рассказала обо всем: как часами простаивал Степан у ее калитки, как плакал не раз, умоляя ее выйти за него замуж. Она же хотя и полюбила Степана, но боялась стать мачехой... Не взлюбила ее за что-то Нюрка.

Но однажды Степан сказал ей, что отправил дочку жить к родственникам в деревню. После этого Ксана и согласилась выйти замуж.

На очной ставке с Куликовой Степан признался, что обманул Ксану, рассчитывая, что она привыкнет к Нюрке, когда та вернется, но продолжал попрежнему настаивать, что девочку увез Василий.

Потом состоялась очная ставка с Марфой Струниной, и тут Бобков был уличен в том, что говорил неправду о ботинках. «Стыдно было сказать, что босая девочка уехала,— признался Степан,—а ботинок на речку, должно быть, щенок затащил. А может, Нюрка сама его потеряла».

Видно было, как он беспомощно путался в своих показаниях.

Но чтобы окончательно убедить Бобкова в бесполезности запирательства, надо было проверить все его утверждения. А время шло. Следствие затягивалось.

Наконец пришел ответ из воинской части, где, по словам Степана, он служил вместе с Василием Чубатым.

Оттуда сообщили, что в полку, где проходил службу гвардии рядовой Бобков, по спискам числилось много солдат и сержантов по имени Василий, но фамилии Чубатый или даже Чубчиков никто из них не имел.

Стало ясно, что версия о фронтовом друге была придумана обвиняемым. Но Бобков с каким-то ожесточенным упорством продолжал настаивать на своих показаниях.

Правда, он признался, что фамилию Василия твердо не знает. «В разных ротах мы с ним служили,— пояснил Степан.— На поверке вместе не приходилось бывать. Все звали его Чубатым. Ну, я и считал, что это и есть его фамилия».

Тем временем соседи Бобкова сообщили следствию несколько дополнительных, весьма существенных подробностей.

Одна женщина припомнила, что видела Степана в начале лета ночью невдалеке от речки. Нес он что-то на руках и, заметив ее, бросился в кусты. Ночь была лунная, и соседка безошибочно узнала Бобкова.

Другие соседи рассказывали о состоянии Степана после исчезновения девочки. Стал он мрачным

и злым, ставни его флигелька все время были закрыты, и ни с кем он не разговаривал.

Обстоятельства исчезновения Нюрки становились ясными для всех. Однако Степан не только не соглашался с показаниями свидетелей и документами, но и писал прокурору заявление за заявлением, требуя скорее закончить следствие и выпустить его на свободу. А прокурор давал все новые и новые указания следователю.

Были организованы поиски трупа в речке. Искали долго, но так ничего и не нашли.

Тогда следователь решил испытать последнее доступное ему средство: дать запрос на все ближайшие станции и еще раз попробовать разыскать Василия Чубатого.

Пошел четвертый месяц...

И вдруг в прокуратуру поступило письмо из тюрьмы. Степан Бобков выдвигал совершенно новую версию и подкреплял ее чистосердечным рассказом.

Впоследствии он повторил то же самое на допросе. Новая исповедь Степана была интересна своими подробностями.

Бобков рассказывал, какой тяжелой была его жизнь после возвращения домой.

«Зайду, бывало, в хату и как в могиле себя чувствую. Фотографии покойной Насти и мамаши глядят на меня, глазами сверлят и вроде крикнуть хотят: «Как жить-то будешь? Что с Нюркой станется?..» Я от Сталинграда до Берлина от березки к березке, от окопа к окопу на животе прополз. Тысячу раз со смертью в обнимку был, а такого страха, что на меня с тоски нападал, не припомню...»

Рассказал Степан, как крепко полюбил он Ксану и как хотел жениться на ней.

«Но гордая она была женщина. Не хотела становиться мачехой. Не знаю, почему, но не взлюбила моя дочка Ксану. Бывало, как завидит ее, так сразу и прочь бежит. Найду ее где-нибудь в углу или под кроватью всю в слезах. Посмотрит она сердито и крикнет: «Не хочу я новой мамки, не хочу!». А потом бросится ко мне на шею, плачет и просит: «Папочка, родненький мой, люби нашу мамку! Она скоро приедет. Прогони тетку Ксану!..» Это, стало быть, Марфа научила ее, что, мол, Настя живая и скоро приедет. А у меня тоже духу не хватало про смерть объяснить. Как сумасшедший убегал я из дому и не раз хотел руки на себя наложить.

Знала Ксана, что не любит ее Нюрка, и все дальше отходила от меня. А мне без нее свет был чернее ночи. Ни жить, ни работать не мог без нее. Раз задумался и чуть поезд под откос не пустил. Еле успел стрелку перевести. На себя стал непохож. Люди обходили, встретившись.

И Нюрка возненавидела меня вконец. Как чужая стала. Жалко мне ее было до слез. Разорвалось мое сердце на две половины, и в обеих раны были страшные...

И вот однажды пришел я домой от Ксаны. По дороге выпил с горя изрядно. Не выходили у меня из головы слова, что сказала мне Ксана на прощание: «Ради твоей дочки должны мы отказаться от нашей любви. Не будет у нее счастья со мной. Чую я это сердцем».

Зашел я в хату. Зажег свет. И вижу, Нюрка спит, и бровки ее сердито сдвинулись. А над кроватью Настенька смотрит на нее с жалостью... И понял я, что виноват перед Нюркой. Не могу я согреть ее маленького сердечка родительской лаской... Бросился я к дочке, схватил с кровати и стал обнимать и прижимать к сердцу. А она проснулась, заплакала, стала вырываться и кричать: «Не люблю я тебя, не люблю! Уходи к своей противной Куличихе! Из-за тебя наша мамка не вернется!».

И случилось тогда со мной что-то непонятное. Не помню уже, как я выбежал из хаты и с Нюркой на руках побежал на станцию. Там отходил какой-то скорый поезд. Открыл я первый попавшийся тамбур, посадил в него дочку и бросился прочь. А соседям сказал, что отдал ее какому-то Василию. Дорога на станцию идет мимо речки. Может, в это самое время и видела меня соседка. Ночь была лунная, и далеко все было видно.

Прошу принять мое последнее чистосердечное признание и побыстрее закончить следствие. Никакого убийства я не совершал, виноват я только в этом».

Получив такое письмо, следователь, разумеется, ему не поверил и еще больше утвердился в версии обвинения. Но для того, чтобы окончательно изобличить Бобкова, он немедленно установил проходившие в те дни через Энскую поезда и через несколько дней получил объяснения всех начальников этих поездов. Никто даже не слышал о подобном случае. Следователь решил еще раз допросить Бобкова, но тот вообще отказался от дальнейших пояснений.

В таком положении дело и поступило в суд. Прочитав его до конца, я почувствовал себя совершенно разбитым. Откровенно говоря, в первый момент я даже не знал, что мне делать. Преступление казалось очевидным, но обвиняемый не признавал себя виновным,— значит, я обязан буду поддерживать его объяснения. А это было тяжело.

— Почему же обязаны? Ведь можно и не соглашаться с позицией своего подзащитного, если доказательства его вины очевидны,— вставил я свое замечание.

— Я придерживаюсь иной точки зрения, дорогой коллега. Мы обязаны защищать, а не судить обвиняемых. Может быть, это иногда и тяжело, но совершенно необходимо.

— Да не отвлекайтесь вы со своими спорами! Рассказывайте дальше, Иван Петрович! — запротестовали наши спутники.

— Ну что ж, хорошо,— согласился рассказчик и продолжал: — Домой в этот день пришел я поздно и все раздумывал. «Какие же силы могли заставить Бобкова убить своего ребенка? Нет, Степан рассказал всю правду. Он мог отдать, отправить Нюрку в поезде, но только не убить. И если бы его не видели ночью у речки с девочкой на руках... Однако как же могли узнать его темной ночью? Темной? Ты забыл, что светила яркая луна»,— начал я спорить с самим собой.

Почти машинально, движимый исключительно чувством противоречия, подошел я к письменному столу и развернул календарь...

«Марфа Струнина утверждает, что девочка пропала за день до дня рождения. День рождения Нюрки 20 мая. Значит, она пропала девятнадцатого. Это число указано и в обвинительном заключении»,— вспоминал я, просматривая календарь.

И вдруг чуть не подпрыгнул от радости. В эту ночь луны не было. Был период новолуния.

Признаться, я был уверен тогда, что открыл нечто необычайное. Но об этом потом. Пока же мне оставалось пожалеть, что я не смогу увидеть Бобкова до суда. Тюрьма находилась в другом городе, а времени для поездки уже не было.

На другой день выездная сессия линейного суда прибыла на станцию, и я сейчас же отправился в конвойную побеседовать со Степаном.

Начальник конвоя, пожилой старшина с простодушным заспанным лицом, долго рассматривал разрешение на свидание с заключенным, наконец искоса взглянул на меня и крикнул: «Парамонов, приведи убийцу!».

Через минуту два конвоира ввели в переднюю Степана Бобкова. Я видел в деле его документы с фотографиями и поэтому сразу узнал. Смуглое продолговатое лицо цыганского типа, нос с горбинкой и высокий рост делали его похожим на шолоховского Григория, каким я его представлял. Недоставало только черного кудрявого чуба. Степан был острижен.

Я знал, что Бобкову тяжело будет говорить о случившемся, и начал беседу прямо с изложения позиции, которую намерен был занять в суде.

Я объяснил Степану, почему считаю необходимым просить суд направить дело на дополнительное расследование.

Этим я рассчитывал расположить к себе Бобкова. Он должен был ясно понять, что я не верю обвинению.

Однако реакция на мое откровение была самой неожиданной. Бобков стал просить меня не затягивать дело. Он был согласен на все, только бы побыстрее попасть в лагерь, начать работу и позабыть обо всем.

Все доводы он отвергал, не дослушав, и твердил, что все было так, как описал он в письме. Словом, мы ни до чего не договорились. Может быть, мешало присутствие конвоиров. Степан то и дело оглядывался в их сторону и старался быстрее закончить разговор. Так или иначе, но ушел я с тем же, с чем и пришел. На улице, у здания станционного клуба, где должен был происходить процесс, я увидел толпу. Люди о чем-то оживленно беседовали. Проходя мимо, я слышал только отдельные слова: «Зверь!», «Негодяй, повесить его мало!»...

Судебное заседание открылось в переполненном клубе. В зале стоял тревожный шум.

Но вот все вдруг затихло. Сопровождаемый охраной, к скамье подсудимых прошел Степан.

В напряженной тишине раздались вдруг всхлипывания. По залу пробежал недовольный ропот.

Я исподтишка глянул в публику. У барьера, отделявшего скамью подсудимого, стояла и плакала женщина.

Я сразу подумал, что это Ксана Куликова. И не ошибся. Красота этой женщины сама по себе могла служить уликой против Степана.

Судебное следствие началось с допроса подсудимого. Бобков повторил то же самое, что было в его письме. Не мне одному показалось, что объяснения Степана в суде напоминали тщательно заученный урок. Впоследствии в обвинительной речи прокурор весьма убедительно использовал это, чтобы показать стремление обвиняемого добиться более легкого наказания. А я еще больше утвердился в своих подозрениях, что показания Степана вызваны желанием быстрее закончить дело. Поэтому и решил поступать вопреки воле моего подзащитного.

В перерыве к прокурорскому столу подошел какой-то молодой человек в очках. Сначала я принял его за следователя, но это был молодой репортер областной газеты.

Я поспешил к нему и заметил, что неплохо было бы дать пошире отчет о процессе. Втайне я надеялся на то, что дело отправят на доследование и газета, таким образом, будет включена в розыски девочки. Но мое предложение об отчете было отвергнуто.

После перерыва начался допрос свидетелей. Бобков в общем не отрицал их показаний, и лишь упреки в плохом обращении с дочерью он отвергал настойчиво.

Наконец в зал вошла свидетельница Замихина — соседка Степана. Та самая, что видела его ночью с девочкой на руках.

Я спросил свидетельницу, каким образом она могла узнать Бобкова в темную ночь.

«Как же не узнать! — удивилась женщина. — Луна-то светила ярко».

Я поднялся и, внутренне торжествуя, положил на судейский стол листок календаря.

«Товарищи судьи, — сказал я, — обвинительное заключение указывает, что убийство девочки произошло девятнадцатого мая. Свидетельница Замихина утверждает, что она видела Бобкова в эту ночь и он нес что-то на руках. Она узнала его, потому что светила луна. Я обращаю ваше внимание, товарищи судьи,— тут я сделал внушительную паузу,— я обращаю ваше внимание, что в эту ночь луны не было».

Председательствующий едва заметно улыбнулся и, обращаясь к Бобкову, спросил:

«Подсудимый, вы были в эту ночь у реки?»

«Был. Если идти на станцию, ее никак не минуешь»,— ответил Степан.

«Что у вас было в руках?»

«Я уже сказал. Дочка была».

«Ну, вот видите, товарищ адвокат. А вы говорите: луна! Свидетель может ошибиться в деталях»,— иронически заметил председатель.

Признаюсь, меня несколько обескуражило это замечание, но

Здравствуй,

В. МАТВЕЕВ

Фото А. НОВИКОВА.

Кто стоял на Одесском причале в то утро, когда швартовалось судно «Энтре риос», своими глазами видел, что значит для человека Родина...

Большой белый пароход прогремел якорной цепью и стал медленно приваливать к стенке. Оркестр играл встречный марш. А потом смолкли трубы, все стихло.

...Много лет прошло с тех пор, как украинцы, белорусы, литовцы, проживавшие в восточных районах буржуазной Польши, бросились за океан в поисках работы. В Аргентине, Парагвае, Уругвае они соглашались на любое предложение. «Инородцы» дорого заплатили за горький кусок хлеба...

И вот они стоят на высоком борту парохода и со слезами на глазах вглядываются в незнакомые, но уже близкие им лица земляков.

Было всего несколько тихих минут, а потом одинокий бас с парохода громко позвал:

— Э-эй, Трофы-ым!

— Ма́рия, Ма́рия, Ма́рия, — вторил высокий женский голос.

И посыпалось:

— Сергей! Василио! Корней! Ирене, Ирене!

Вот сошли на причал первы-

Павло Шевчук никогда не будет знать, что такое чужбина.

Смелее спускайся, девочка! Ты приехала домой.

я все же решил, что лучшего момента для моего ходатайства не наступит.

— О чем же вы ходатайствовали? — нетерпеливо спросил инженер.

— Как о чем? — удивился Иван Петрович. — Разумеется, о направлении дела на дополнительное расследование. Я обращал внимание суда на то, как упорно Бобков отрицает свою вину и чем могли быть вызваны противоречия в его показаниях. Ведь что получалось? Через три месяца после события Замихина вспомнила, что видела Бобкова у речки, потому что знала по слухам, будто девочку утопили. Надо было объяснить самой себе, как она могла в темную ночь узнать Бобкова, и Замихина придумала луну. А подсудимый подтвердил эту выдумку. Показания Марфы Струниной могли иметь такое же начало. Что касается последних объяснений Степана...

— Простите, Иван Петрович, я вас перебью, — не выдержал инженер. — Неужели вы верили в это свое ходатайство? Ведь девочки-то не было.

— При чем тут верил или не верил! — горячился мой коллега.

— Но ведь если бы Нюра была жива, ее бы давно нашли и привезли. Ну, не через месяц, так через два. Или хотя бы написали что-нибудь, — не унимался инженер.

— Прошу меня извинить, милейший, но вы мыслите, как обыватель. А если бы Нюра умерла в гостях у Василия, позвольте вас спросить? А если бы он, в свою очередь, потерял ее, забрав у Степана? Мог бы он побояться написать об этом отцу? — парировал Иван Петрович и продолжал: — Такие именно предположения возникали у меня, когда я просил суд принять все меры для поисков Нюры. Объявить об этом в газете и по радио. Другого пути для розысков девочки я не видел.

— Что-то я никогда не встречал в газетах таких объявлений, — заметил агроном.

— Вот в том-то и дело, что не встречали. Именно поэтому суд и отказал в моем ходатайстве. «Другое дело, если бы Бобков не заврался, — сказал мне в перерыве прокурор, — тогда в принципе я не был бы против дальнейших розысков. Но, разумеется, обычных, а не фантастических. А то в газетах! И пришла же вам такая мысль в голову!».

Иван Петрович сделал большую паузу и почти грустно сказал:

— Да, так и не удалось мне помочь Степану. Его признали виновным в убийстве дочери.

— Ну и правильно сделали. Я уверен, что он убил ее. А запутался, стараясь вывернуться. Иначе все это не объяснишь, — сделал категорическое заключение инженер.

— А все же случай действительно драматический и, по-моему, непонятный. Убить своего ребенка! Это трудно постичь, — усомнился агроном.

— Очень трудно, — согласился Иван Петрович, — и, может быть, я этого никогда бы и не постиг, не окажись на этом процессе репортера.

— А при чем тут репортер? — спросил я удивленно.

— Меня перебили, и я не закончил повествование, — шутливо обиделся Иван Петрович. — Помогла во всем газета. Правда, не со-

Родина!

ми — Сергей Яремчук, Иван Биокис, Василий Жданене. Их узнали, стали обнимать, гулко хлопали по спинам, целовались троекратно.

Женщина с ребенком на руках медленно ступает по трапу. На ее лице неуверенность: не осудят ли мать за то, что сын ее знает только испанский язык... На последних ступеньках женщину подхватывают дружеские руки... И ее и сына.

Фома Дмитриевич Голубь, крестьянин из Волыни, сыт чужбиной по горло:

— «Пампа дель инферно» — по-испански, а по-нашему — адское пекло, — рассказывает он о хлопковой плантации к северу от Буэнос-Айреса. — Работал много, а что нажил? Что привез с собой? Три чемодана с одежонкой на семь душ семьи и девятьсот пезо денег — вот весь капитал, который удалось скопить за девятнадцать лет.

— А куда бы хотелось вам теперь поехать?

— Все равно. Лишь бы пахать не чужую, а родную землю.

И так же, как Фома Голубь, говорят все:

— Теперь нам нигде не может быть плохо: мы — дома!

Фома Голубь со своей семьей.

Сердечная встреча.

Первые фотографы на родной земле.

всем так, как я просил, но все же помогла.

Дело в том, что вскоре в областной газете появилась заметка о процессе Степана Бобкова. А неделю спустя в редакцию явился гражданин и привел с собой девочку. Сам он отрекомендовался Василием Строгановым, а девочку назвал Нюрой. Это была дочь того самого «убийцы», о котором писалось в заметке.

— Не может быть! — воскликнули мы все сразу.

— Не может быть, а было,— засмеялся Иван Петрович,— и разрешите поэтому сразу ответить на все ваши вопросы. Я вижу, что они у вас уже с языка срываются.

Все оказалось не совсем так, как я когда-то предполагал.

Родители Василия привязались к девочке и уговорили сына не отвозить ее назад. Решили подождать, пока Степан отвыкнет, а потом поехать и уговорить его отдать им Нюру на воспитание.

Путаные же показания Степана явились результатом многих причин. В первые дни следствия он был уверен в скором возвращении дочери и не придавал значения своим объяснениям. А когда увидел, что запутался окончательно и дочь в самом деле как в воду канула, стал искать совета у «товарищей» по несчастью.

В камере нашлись «бывалые» люди, которые тут же вынесли категорическое заключение: «Раз девчонки нет — плохи твои дела. Сказке с Чубатым никто не поверит. Один выход — признаться. Осудят — работать будешь. Все равно, пока дочка не найдется, не выпустят».

Но Степан даже слушать не хотел о признании. И хотя каждый день заключения казался ему вечностью, он решил держаться.

Недели мучительно медленно складывались в месяцы. Первый, второй, третий... Нюру не привозили. Что-то случилось...

«Бывалых» людей сменяли «опытные», и все твердили одно: «Признавайся. Другого выхода нет». Нашлись «писатели», сочинившие Степану трогательное и по-настоящему правдоподобное признание.

Но даже тогда, когда Степана сумели убедить в дикой мысли, что другого выхода нет, он все же не решился признаться в убийстве, которого не совершал. Он готов был наговорить на себя все что угодно, только не это. Чувствуя, что рассказу о Василии не верят, Бобков решил любым способом ускорить ход дела.

«Тоска заела,— виновато говорил Степан,— особенно без работы тяжело было. Хоть в петлю лезь. Ну, и решил послушать добрых людей. Думал, пока Нюрка разыщется, я хоть за работой в лагере забудусь. Уж больно долго следствие тянулось. Не вытерпел».

Немного подумав, Иван Петрович закончил:

— Как видите, друзья мои, жизнь значительно сложнее, чем мы часто себе представляем. В своих выводах мы привыкли отправляться от обычных, проверенных понятий и представлений. Так спокойнее жить. И часто сама правда нам кажется неправдоподобной. Об этом никогда не следует забывать в суде, где решается судьба человека. Здесь всякое сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого.

Иван Петрович закурил и вышел в коридор. Мы молчали...

Ю. КЛЕМАНОВ

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА.

Управляющий трестом еще раз полистал лежавшую перед ним анкету.

— По объективным данным, кандидатура подходящая... Да и работник он как будто энергичный?

Инспектор по кадрам подтвердил:

— Так точно, Петр Степанович. Инициативу проявляет.

Начальник производственного отдела сказал:

— С планом у них благополучно. По валу — 103, по товару — 100.

— Технику знает, — констатировал главный инженер.

Речь шла о назначении директора одной из контор, входивших в систему треста. До тех пор Сергей Дмитриевич Краснов, к которому относились приведенные выше реплики, числился исполняющим обязанности директора этой конторы.

— Ну, что ж, — сказал управляющий трестом.— Как будто все «за», возражений не имеется.

Он обмакнул перо в чернильницу, чтобы написать привычное «утверждаю», но в этот момент из глубины кабинета послышался хриплый голос главного бухгалтера:

— Вообще... Что-то у него там было, кажется... Выпивка или еще что.

Рука управляющего с пером, занесенным над приказом, повисла на минуту в воздухе и, описав замысловатую кривую, настороженно опустилась на ручку кресла.

— Склонен?!

Взгляды всех присутствующих обратились в ту сторону, где в углу кабинета сидел на диване главный бухгалтер.

— Да нет, вообще-то я ничего не знаю, — испуганно забормотал главбух. — Слышал где-то краем уха... А так, я ничего... Никаких возражений.

Но управляющий трестом уже подвинул к себе другие бумаги. А насчет Краснова он заметил инспектору по кадрам:

— Надо будет проверить...

Инспектор по кадрам, вернувшись в свой кабинет, задумчиво снял телефонную трубку.

Набрав номер конторы, которой руководил Краснов, он попросил к телефону секретаря партийной организации.

— Скажи, пожалуйста... — пробасил инспектор в трубку и смущенно почесал за ухом. — Ты там за своим начальником ничего... гм... такого... не замечал?

Телефонная трубка на минуту онемела.

— Н-нет...— ответил наконец секретарь. — А разве... что?

— Да нет, ничего... Я только спрашиваю. Как он насчет водочки-то?

Секретарь опять помолчал минуту.

— Н-не знаю, не замечал. — И добавил поспешно: — Но вообще-то я проверю... Обязательно проверю.

— Вот, вот, поинтересуйся, пожалуйста, — удовлетворенно зарокотал инспектор. — Будто бы такой грешок за ним водится.

...Секретарь парторганизации конторы, отойдя от телефона, озабоченно покачал головой.

— Странно!— пробормотал он.— Надо будет с народом поговорить.

Во время обеденного перерыва секретарь подошел к одному из сотрудников, лениво жевавшему в коридоре бутерброд, и, придав своему лицу равнодушное выражение, как бы невзначай спросил:

— С кем обычно наш Краснов в столовую ходит? Не замечал?

— Н-нет, — несколько удивился тот. — А... что?

— Да нет, ничего, — уклончиво ответил секретарь. — Пиво там, говорят, хорошее.

— А-а... Гм... Возможно, — несколько смутившись, согласился собеседник, но тут же поспешно заявил:

— Так ведь попахивает, однако... Неудобно все-таки.

— То-то и оно, что неудобно,— назидательно сказал секретарь. — Очень даже неудобно!

...Сотрудник конторы, оторопело посмотрев секретарю вслед, направился к себе в отдел.

— А нашего Краснова-то?.. Слышали?.. — встретил его новостью сосед по комнате, старший плановик. — Говорят, не утверждает трест.

— Почему? — насторожился сотрудник.

— Не знаю, — откликнулся плановик. — Видимо, с начальством не в ладах... Бывает, знаете ли.

Сотрудник перестал жевать и задумался на минуту, сопоставляя факты.

— Да нет,— сказал он, помолчав. — Не в этом дело, однако...— Лицо его приняло выражение, появляющееся обычно у людей, осведомленных или имеющих доступ к некоторым тайнам.

— Выпивает наш начальник, видимо, выпивает, — сказал он вполголоса. — Вот в чем секрет...

Плановик конторы сразу же после обеденного перерыва был вызван на совещание в главк.

— Как дела? — шепнул ему сидевший рядом сотрудник ведомственного журнала. — План выполнили?

— Да план-то выполнили,— озабоченно откликнулся плановик. — А вот начальника скоро нового получать будем.

— Да? А что? — встрепенулся литсотрудник.

— Краснова не утверждает трест.

— Вот как? — в глазах литсотрудника мелькнула искорка. — Почему?

— Да будто пьет он, — пожал плечами плановик и добавил, вздохнув: — Бывает, знаете ли...

Литсотрудник, вернувшись в редакцию, не замедлил сообщить:

— Автора статьи на восьмой полосе, и. о. начальника конторы Краснова, трест не утвердил в должности.

— Бюрократы, — зевнул редактор. — Тянут, как обычно, с представлением.

— Представляли, но воздержались, — сказал литсотрудник.

— Воздержались?! — редактор вскинул на говорящего жерла своих очков и заерзал на стуле.— А что такое?

— Да, говорят, пьяница он, этот Краснов, — поморщился литсотрудник.

...Редактор журнала рассказывал, сидя в гостях, своему старому знакомому, начальнику административно-хозяйственного отдела министерства:

— Представляешь себе? Чуть было не пропустил в номер статью какого-то алкоголика... Безобразие!

...Начальник административно-хозяйственного отдела министерства придвинул к себе пухлую папку заявлений.

— Кто там у нас следующий? — сказал он своему заместителю. — Давайте займемся.

В папке лежало также и заявление от Краснова. Еще весной он

обратился с просьбой предоставить ему путевку в санаторий, и вот его очередь наконец подошла.

— Это какой Краснов? — спросил начальник АХО, нахмурившись. — Который пьянствует, что ли?

— Гм... Не знаю. Я не проверял.

Лицо начальника АХО приняло обиженное выражение.

— Нет уж, вы будьте любезны, проверьте. И если тот, никаких путевок! Еще напьется, надебоширит там. — Он брезгливо передернул плечами. — Забулдыга несчастный!..

Секретарь партийной организации конторы, не постучав, вошел

в отгороженный фанерой кабинет начальника.

— Поговорить надо, — сказал он Краснову и закрыл дверь.

— Что за ерунда?! — возмутился Краснов, когда узнал, о чем речь. — С чего это ты взял?

— Народ говорит, — глубокомысленно ответил секретарь. — Знаешь ведь: худая молва по пятам ходит.

— Послушай! — Краснов начал сердиться. — Да ведь у меня гипертония, мне водка медицински противопоказана!

— Э-э... Знаешь ли... — сказал секретарь, прищурившись. — Мне вот тоже курить нельзя, например...

И затянулся папироской.

— Но я вообще не пью! — взмолился Краснов. — Что за наваждение в конце концов?

Секретарь пристально посмотрел на Краснова.

— Брось, товарищ Краснов! Сотрудники в конторе говорят, люди из разных учреждений звонят, начальник кадров справки наводит, а ты все овечкой тут будешь прикидываться?

Он помолчал многозначительно.

— В общем, пиши объяснение, — сказал секретарь, глядя перед собой в одну точку. — На бюро разберемся...

На бюро разобрались. Через несколько дней, подписывая приказ об утверждении С. Д. Краснова в должности директора конторы, управляющий трестом назидательно говорил инспектору по кадрам:

— Ну, вот давно бы так... Когда проверено, другое дело.

— Да что и говорить! — подхватил инспектор. — Толком ничего не знают, «краем уха» слышали... Наводят на хорошего человека тень!..

Он вздохнул и добавил возмущенно:

— И откуда только это берется? Просто удивительно!

Афганский юмор

ВКУСНЫЙ ПЛОВ

Пришел один человек в гости. Ну, естественно, пригласили его к столу, пловом угостили. Ест гость плов, а ему на зуб камешки попадаются.

— Что, камешек? — любезно осведомился гостеприимный хозяин.

— Нет, рис тоже попадается, — холодно ответил гость.

СВЕРХВЕЖЛИВОСТЬ

Один человек, сидя на солнцепеке, писал письмо своей любимой девушке. В конце концов он поставил точку, подумал немного и дописал: «Ты извини меня, цвет души моей, что я писал тебе письмо в одной майке. Но, веришь, жара такая, что сил нет».

ДОГАДЛИВЫЙ МАЛЬЧИК

По улице проходила похоронная процессия. Мальчик, стоявший у порога дома, спросил отца:

— Куда несут этого человека?

Отец скорбно покачал головой:

— Его несут, сын мой, туда, где нет ни стола, ни стула, ни ковра, ни лампы.

— Значит, его несут в наш дом! — воскликнул мальчик.

Перевод с афганского
К. Лебедева и
Ю. Семенова.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Сказка-басня

Сергей МИХАЛКОВ

Рисунки А. ЛАПТЕВА.

Жил-был Кот. Жила-была Кошка. Познакомились Кот и Кошка на крыше, возле трубы, понравились друг другу и решили пожениться.

Свадьба пышная была —
И шумна и весела:
Распушив свои хвосты,
Пели кошки и коты.

Гости (хором)

«Тра-та-та!
Вышла Кошка за Кота,
За Кота Котовича,
За Иван Петровича!»

Кот и Кошка справили свадьбу и стали жить вместе.

Как-то раз домой, в обед,
Кот принес большой портрет.
На большом портрете том:
Кошка рядышком с Котом,
Лапка с лапкою сплелись —
Перед свадьбой так снялись!

Кот

Слушай, Мурка! Наш портрет
Мы поставим на буфет!

Кошка

Что ты, Ваня, на буфет!
На буфете места нет!

Кот

Говорю: поставь сюда!

Кошка

Не поставлю никогда!

Кот

Я хозяин! Я велю!

Кошка

Приказаний не терплю!

Кот

Говорю в последний раз!

Кошка

Мяу-мяу! Скройся с глаз!

Рассердился Кот на Кошку. Рассердилась Кошка на Кота. Обед на столе остыл, так к нему никто и не притронулся. Наступил вечер.

Кошка спать легла одна —
Раз война, так уж война!
Мрачный Кот прилег в углу,
Без подушки, на полу.
Утром Кошка поднялась
И слезами залилась.

Кошка (плачет)

Нет Кота —
Ни усов и ни хвоста!
Засыпала — дома был,
А проснулась — след простыл!

Пошла Кошка искать Кота.

Нет Кота на чердаке.
Нет на старом сундуке.
И на лавке нет Кота,
И под лавкой нет Кота,
И в кладовке нет Кота —
Дверь в кладовку заперта!

Вышла Кошка во двор.

А соседи тут как тут —
Разговор уже ведут.

Куры (квохчут)

Ко-ко-ко!
Жить с котами нелегко!

Шавки (лают)

Гав-гав-гав!
У котов ужасный нрав!

Утки (крякают)

Кря-кря!
Кошка замуж вышла зря!

Села Кошка на крыльце. Сидит, лапкой слезы утирает.

Кошка (плачет)

Убежал —
Даже лапки не пожал!
Ах, зачем в тот страшный час
Я сказала: «Скройся с глаз!»

Не успела Кошка так подумать, как послышались знакомые шаги.

Кошка, сидя на крыльце,
Изменилась вдруг в лице:
Неужели это Кот?
Он домой к себе идет!

Кошка (строго)

Где ж ты был?
Где ж ты время проводил?
Я не ела, не пила —
Целый день тебя ждала!

Кот

Я ходил ловить мышей.
Сам наелся до ушей
И тебе десятка два
Дотащил едва-едва!

Кошка

Почему не разбудил,
Когда утром уходил?

Кот

Больно крепко ты спала,
Очень поздно спать легла.

Кошка

Будешь рано уходить,
Обещай меня будить!

Кот

Ладно, ладно! Погляжу!
Может быть, и разбужу.
А сейчас стели кровать —
Я устал. Желаю спать!

Постелила Кошка Коту кровать. Залез Кот под одеяло, положил голову на подушку и сразу заснул как убитый. А Кошка села у него в ногах и замурлыкала.

Кошка

Знала я, Мурлыка мой,
Что вернешься ты домой!
Подразню я утром кур,
Мяу-мяу! Мур-мур-мур!
Пусть не квохчут: «Ко-ко-ко»,
Что ушел ты далеко!
А семейный наш портрет
Мы поставим на буфет...

Мурлыкала, мурлыкала Кошка да и сама заснула...

«Тра-та-та, тра-та-та,
Вышла Кошка за Кота,
За Кота Котовича,
За Иван Петровича».

Хорошо семья живет,
В дом к себе гостей зовет,
Показать гостям хотят
Удивительных котят.

Поднимает их чуть свет
Кот Котович с юных лет
И выводит малышей
На поля ловить мышей.

А когда они потом
Возвращаются с Котом,
То рассказам нет конца
У детей и у отца...

* * *

Не читателям-ребятам
Сказка мной сочинена —
Людям взрослым и женатым
Предназначена она...

НИ ХВОСТА ВАМ, НИ ЧЕШУЙКИ!

Трудно найти человека, ни разу в своей жизни не удившего рыбу. Если только вы не житель безводной пустыни, то рано или поздно и в ваших руках окажется удочка, и вы с увлечением будете стараться вытянуть из воды какого-нибудь пескаря или уклейку...

Удастся первый опыт — и вы будете мечтать выловить не просто рыбку, а обязательно большую, и к тому же осторожную, «хитрую». Но это дело, оказывается, не такое уж простое. Выяснится, что у вас нет нужных знаний, опыта, сноровки, наблюдательности и многого другого, чтобы стать настоящим рыболовом-спортсменом, умеющим перехитрить самого хитрого обитателя вод.

И тут вам на помощь приходят книги опытных спортсменов. Вот одна из них: Михаил Заборский «Советы молодому рыболову». Она рассчитана на начинающих любителей и хотя адресована молодым, но, по существу, пригодна для любого возраста.

Не рассчитывайте, конечно, что, прочитав ее, вы все постигнете, узнаете приемы ужения «наверняка». В рыбной ловле, как и в природе, как и в жизни, не существует всеобъемлющих, извечных правил. Лучшая наука — опыт, практика. Настоящий любитель этого увлекательного спорта должен сочетать в себе знания, наблюдательность и трудолюбие. Он должен быть натуралистом, следопытом, открывателем непроторенных путей. Только тогда он может рассчитывать на успех. Ну, а чтобы на первых порах не осрамиться, не потерять надолго вкуса к этому чудесному спорту, хорошую помощь окажет книга Заборского — большого знатока ужения, страстного любителя природы, остроумного рассказчика.

Помимо полезных советов, читатель найдет здесь много любопытного и занимательного из области ихтиологии. Почему поговорка «Нем, как рыба» не соответствует действительности. На какие звуки и запахи рыба лучше отзывается. Узнает, что рыба неплохо разбирается в геометрических фигурах, отличает квадрат от треугольника и даже круг от овала...

Прочитайте эту интересную книгу, и, как говорят рыболовы, «ни хвоста вам, ни чешуйки!».

Н. СЕКУНДОВ

ПОСЛОВИЦЫ НАРОДОВ ЮГОСЛАВИИ

Лучше ве́рить глазам, чем ушам.
Когда дурак молчит, думают, что он мудр.
Если ты гусь, так будь жирным.
Тот, кого змея укусила, и ящерицы боится.
Каждая птица летит в свою стаю.
Кто работает, тот не боится голода.
И у черной коровы белое молоко.
Если хочешь кого испытать, дай ему власть.
Без му́ки нет науки.
Белые руки любят чужой труд.
Если зима не укусит зубами, она хвостом ударит.

Перевела **И. ПЕТРОВА**.

ЗАБОТЛИВАЯ МАМА.
Изошутка Ин. Горбунова.
Хабаровск.

Э. Л. Войнич смотрит фильм «Овод»

По просьбе всесоюзного кинообъединения «Совэкспортфильм» на квартире писательницы Э. Л. Войнич, живущей в Нью-Йорке, руководителем американской кинофирмы «Арткино Пикчерс, Инк.» г-ном Н. Наполи был организован просмотр советского кинофильма «Овод». г-н Н. Наполи сообщает:

«Мы не думали,— пишет автор письма,— что сможем показать ей весь фильм за один раз, но г-жа Войнич была готова посмотреть этот фильм еще раз в тот же вечер, настолько ее заинтересовали все подробности. Однако ее компаньонка мисс Нилл решила, что вполне достаточно одного сеанса на вечер.

Было чрезвычайно интересно наблюдать за г-жей Войнич, напряженно следящей за ожившими образами своего романа. Она повторяла, что хочет еще и еще видеть фильм, чтобы изучить его. Она попросила меня прислать ей монтажный лист, что я и сделал на следующий день. Послезавтра мы снова покажем ей фильм, и возможно, что она сделает ряд своих замечаний».

Работники американской кинофирмы намерены произвести киносъемку на квартире Э. Л. Войнич.

В заключение письма г-н Наполи пишет, что посещение известной писательницы было для него одной из самых приятных миссий.

Новые марки

В Германской Демократической Республике выпущена серия почтовых марок, на которых воспроизведены картины Дрезденской галереи: работы Дюрера, Лиотара, Пинтуриккио, Рембрандта, Вермеера Дельфтского и Рафаэля.

Репродукции этих картин были напечатаны в «Огоньке» на цветных вкладках в 1955 году.

Марки выпущены в шести номиналах.

А. ИЗМАЙЛОВ

НА ТРАВЕ НЕ СИДЕТЬ!

— Из этих досок, по этому образцу делай таблички.
— А может быть, попробовать из этих досок скамейки делать?..

Рисунок Е. Гурова.

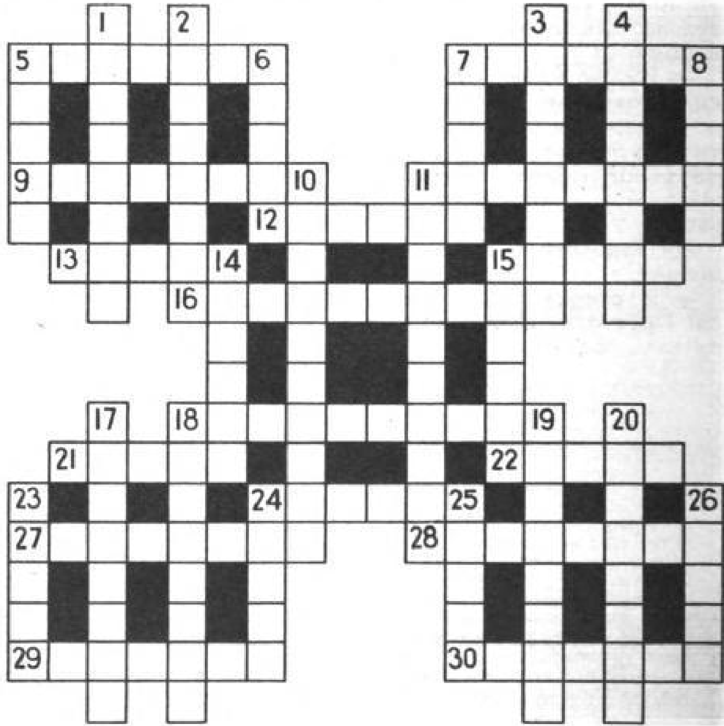
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Ряд, шеренга. 7. Один из промышленных центров Румынии. 9. Великий итальянский скрипач и композитор. 11. Решетка в печах. 12. Персонаж из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 13. Вид керамики. 15. Североамериканский дикий бык. 16. Последовательная смена культур в полеводстве. 18. Произведения письменности. 21. Итальянская сосна. 22. Рабочий-животновод. 24. Манера письма. 27. Произведение. 28. Рейд. 29. Вид расчета во внешней торговле. 30. Каменный метеорит.

По вертикали:

1. Подразделение текста. 2. Отзвук. 3. Пластмасса. 4. Матрос. 5. Головной убор. 6. Плодовое тропическое дерево. 7. Часть автомашины. 8. Точка неба, в направлении которой движется солнечная система. 10. Руда. 11. Виртуозное украшение мелодии. 14. Республика в составе Югославии. 15. Испанский танец. 17. Хозяйство по разведению растений или животных. 18. Рабочий-металлист. 19. Передовой отряд. 20. Сорт моркови. 23. Часть корабля. 24. Изделие из теста. 25. Доля, норма. 26. Начало спортивного состязания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 19

По горизонтали:

3. Симптом. 7. Стереотипия. 10. Орша. 11. Бове. 13. Диккенс. 16. Лакколит. 17. Тамаринд. 18. Каренина. 19. Указание. 21. Вертолет. 23. Сноровка. 24. Рубрика. 25. Орел. 27. Поти. 28. Комментарий. 29. Онтарио.

По вертикали:

1. Фибролит. 2. Горизонт. 4. Протокол. 5. Этна. 6. Лимб. 8. Прокуратура. 9. Уверенность. 12. Канклес. 13. Дирижер. 14. Саванна. 15. Индейка. 20. Берданка. 22. Туркмены. 23. Сказание. 26. Лион. 27. Приз.

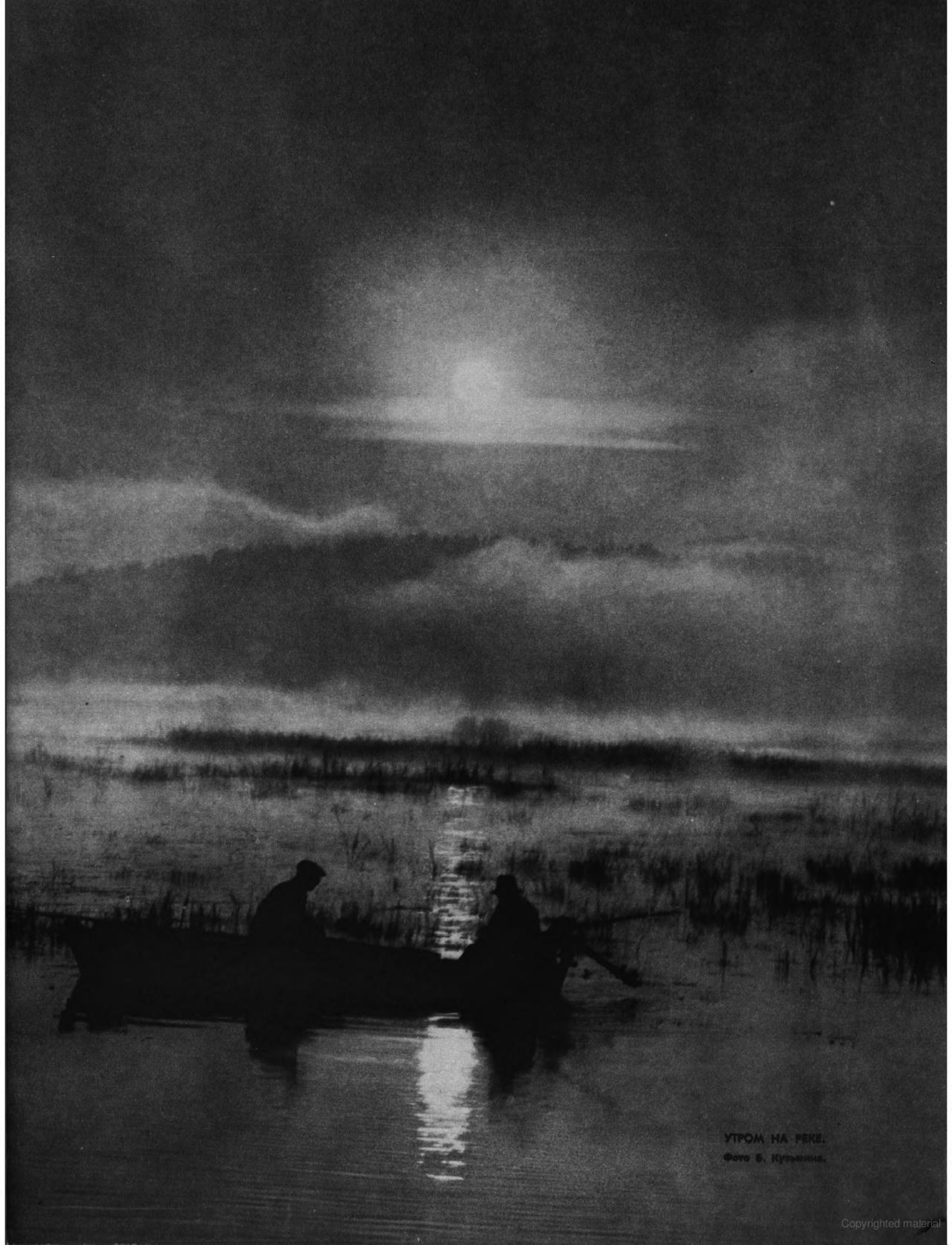
В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин французских живописцев и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление В. Епанешникова.

А 05822. Подп. к печ. 9/V 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 441. Заказ № 1173. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

УТРОМ НА РЕКЕ.
Фото Б. Кузьмина.

Цена номера 3 руб.

